НЕДАВНІЯ ЯВЛЕНІЯ

ВЪ

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ

И

ПРОТЕСТАНТСКОМЪ МІРѢ.

(Памяти незабвенныхъ А. С. Хомякова и Ю. Ѳ. Самарина).

Замѣтки Кира Заруцкаго.

МОСКВА.
Типографія М. И. Нейбюргеръ, въ Газетномъ пер., домъ Шаблыкина.
1878.

Москва. Дозволено Цензурой 21 Января 1878 года.

НЕДАВНІЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ И ПРОТЕСТАНТСКОМЪ МІРѢ.

(Памяти незабвенныхъ А. С. Хомякова и Ю. Ѳ. Самарина).

Каѳоличество — и въ ученіи, и въ жизни — есть выраженіе непосредственно-совмѣстнаго участія въ дѣлѣ нашего спасенія элементовъ божескаго и человѣческаго, а также и выраженіе равновѣсія въ этомъ дѣлѣ началъ личной свободы и общественнаго авторитета. Въ этомъ смыслѣ оно является лучшей характеристикой основнаго факта въ дѣлѣ нашего спасенія, факта, состоящаго въ нераздѣльномъ и несліянномъ—безъ поглощенія и преобладанія — общеніи божества и человѣчества въ лицѣ Богочеловѣка, „никакоже претерпѣвшаго измѣненія, или смѣшенія, или раздѣленія, но въ обою существу свойство цѣло сохраншаго“ (Догматъ о Христѣ Іисусѣ въ догматикѣ 3-го гласа). Въ то же время оно есть характеристика совершенія этого дѣла спасенія въ каждомъ изъ насъ — дѣйствіемъ на насъ благодати Божіей, сообщающей намъ о фактѣ высшаго проявленія любви божественной — о воплощеніи Сына Божія, и свободнымъ усвоеніемъ этой благой вѣсти не сердцемъ и разсудкомъ, а вѣрою, лежащею въ основѣ всякой разумно-нравственной дѣятельности (Ученіе о спасеніи дѣятельною вѣрою при дѣйствіи благодати Божіей и свободной воли человѣка). Въ этомъ смыслѣ каѳоличество есть также лучшее опредѣленіе общественности, какъ сферы

свободнаго проявленія любви, причемъ свобода и любовь, опредѣляя другъ друга, образуютъ для человѣка его внутренній авторитетъ, который и даетъ возможность понять общую волю, какъ самоопредѣляющуюся гармонію между волями частными, а власть — какъ ея представителя. Вмѣстѣ съ этимъ оно опредѣляетъ указанную общественность, какъ сферу непрерывнаго дѣйствія благодати Божіей на человѣчество изъ рода въ родъ и непрерывнаго же ея усвоенія и проявленія симъ послѣднимъ. Въ такомъ смыслѣ каѳоличество есть терминъ, обнимающій собою всѣ существенныя черты основанія, организаціи и жизни общества, являющагося среди непрерывнаго человѣчества непрерывнымъ же жизненнымъ проявленіемъ идеала его существованія. Общество же, совмѣщающее въ себѣ всѣ эти черты, и есть *истинная* церковь.

I.

Попытаемся прослѣдить здѣсь вкратцѣ исторію человѣчества со времени паденія первыхъ людей въ доказательство того, что съ этого момента идеалъ его жизни есть спасеніе въ смыслѣ примиренія человѣка съ Богомъ и въ смыслѣ установленія равновѣсія между свободою и авторитетомъ, и что съ этого же момента церковь является среди человѣчества непрерывнымъ, какъ оно само и дѣйствующая на него благодать Божія, выразителемъ этого идеала. При этомъ мы увѣрены, что нѣтъ другой болѣе возвышенной точки зрѣнія, съ которой бы можно было сразу обнять весь ходъ всемірной исторіи и все разнообразіе ея явленій, какъ мысль о спасеніи въ этомъ смыслѣ.

Первородный грѣхъ есть не иное что какъ первоначальное ослушаніе воли Божіей со стороны человѣка. Возбужденное ложью отца лжи, это ослушаніе, внеся ложь въ самое существо человѣка, въ ней же самой нашло и свое наказаніе. Прежде всего ложь эта сказалась искаженіемъ понятій человѣка о Богѣ, превра-

щеніемъ его истинной вѣры въ Бога въ ложную вѣру бѣсовъ, вѣрующихъ и трепещущихъ. Отсюда ложь отчаяннаго сознанія своей будто бы могущей превзойти благость Божію грѣховности и ложь сознанія невозможности даже обратиться къ Богу. Вотъ въ чемъ состоитъ то растлѣніе, которое первородный грѣхъ внесъ въ человѣческую природу. Каково же должно быть положеніе человѣка въ этомъ состояніи боязни даже обратиться къ Богу. Естественно имъ овладѣваетъ желаніе скрыться отъ Бога, удалиться отъ Него, забыть про Него и не знать Его. Но оказывается, что, потерявъ истинную вѣру въ Бога, человѣкъ никакъ не можетъ освободиться отъ той ложной вѣры въ Бога, которая заставляетъ его трепетать предъ Нимъ, и только въ безуміи онъ можетъ говорить: „Нѣтъ Бога!“ (Пс. XIII. 1 и LII. 2). Самый же міръ не только не представляетъ ни одного мѣста, куда бы можно было скрыться отъ Бога (Пс. CXIII. 9—12), но и вездѣ и всегда повѣдаетъ славу Божію (Пс. XVIII. 1 и 2) и благодѣтельными, и разрушительными своими явленіями, непонятное слѣдованіе коихъ одного за другимъ (Ученые, открывшіе силы тяготѣнія, сродства и т. п., разрушили ли окончательно эту непонятность?) могло лишь смущать человѣка, видѣвшаго въ Творцѣ міра только мстителя. Отсюда страхъ предъ всѣмъ, подозрительность ко всему — вотъ главные мотивы его существованія. Къ чему же теперь вся его жизнь, какая ея цѣль? Жить для того, чтобъ на каждомъ шагу всего бояться, все подозрѣвать, во всемъ видѣть заговоръ противъ своего счастія, никому не довѣрять, никого не любить и все ненавидѣть — и при этомъ не имѣть надежды на успокоеніе даже за гробомъ! Да, и самая смерть не спасаетъ человѣка отъ этой жизни. Такая жизнь сама по себѣ есть худшая изъ смертей — смерть положительная, духовная, вѣчная. Ни самыя добродѣтели, если онѣ только возможны для человѣка въ подобномъ состояніи, ни самыя грубыя преступленія, болѣе свойственныя отчаянію, не въ силахъ заглушить чувства этой смерти. Эту ложь всего существа человѣка могло уничтожить лишь откровеніе *су-*

щей правды о Богѣ самимъ Богомъ. Правда же о Богѣ состоитъ въ томъ, что Богъ—любы есть. Любовь же эта къ людямъ открылась въ томъ, что Богъ обѣщалъ послать въ міръ Сына своего единороднаго, который, не переставая быть Богомъ, сдѣлается настоящимъ человѣкомъ—даже безъ грѣха, т. е. такимъ полнымъ и совершеннымъ человѣкомъ, какимъ былъ Адамъ въ раю, вторымъ Адамомъ, и въ своемъ лицѣ неразрывно и несліянно соединитъ Бога и человѣка. Въ воплощеніи Сына Божія—доказательство любви Божіей къ людямъ, въ немъ велія благочестія тайна, въ немъ спасенія нашего главизна. Только вѣра въ воплощеніе Сына Божія даетъ намъ настоящее понятіе о Богѣ, только чрезъ Христа узнали люди сущую правду о Богѣ: „Бога никто же знаетъ токмо Сынъ и ему же аще волитъ Сынъ открыти“ (Мат. XI, 27), а изволеніе Сына—открыть это всему міру, всѣмъ людямъ, что̀ и обнаружилось уже въ первоначальномъ сообщеніи о томъ первымъ людямъ—въ обѣтованіи имъ „Сѣмени жены“; но воспользуется этимъ откровеніемъ только тотъ, кто добровольно и искренно увѣруетъ въ него. Съ радостію приняли и искренно усвоили себѣ эту благую вѣсть, это первоевангеліе наши прародители, и первая мысль ихъ была о безконечной любви къ нимъ Бога, и эта мысль уже окончательно возродила ихъ. Въ нихъ заговорило чувство любви къ Богу: „любимъ Его, яко Той первѣе возлюбилъ есть насъ“ (1 Іоан. IV, 19). За любовью послѣдовало успокоительное довѣріе вмѣсто мучительнаго страха: „въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе“ (1 Іоан. IV, 18), а съ этимъ вмѣстѣ исчезло и смущеніе предъ непонятностію явленій міра, состоящаго во власти этого любвеобильнаго Бога, безъ воли Котораго „не пропадетъ и волосъ съ головы человѣка“ (Мат. X, 29; Лук. XXI, 18). Во взаимныхъ же отношеніяхъ ихъ потомковъ и по рожденію, и по возрожденію это довѣріе скажется тѣмъ, что, „видя, какую любовь далъ людямъ Богъ, чтобъ имъ называться и быть дѣтьми Божіими“ (1 Іоан. III, 1), они будутъ

считать себя братьями другъ другу. Такъ-то совершается возрожденіе человѣка—со стороны Бога откровеніемъ человѣку сущей правды о Себѣ и со стороны человѣка добровольнымъ усвоеніемъ этого откровенія. Такимъ образомъ самое это возрожденіе является уже актомъ непосредственнаго общенія Бога и человѣка въ дѣйствіи на человѣка благодати Божіей, сообщающей ему о фактѣ высшаго проявленія любви Божественной—о воплощеніи Сына Божія, и въ свободномъ усвоеніи этой благой вѣсти не сердцемъ и разсудкомъ только, а вѣрою, лежащею въ основѣ всякой разумно-нравственной дѣятельности. Послѣ этого кто осмѣлится говорить о добродѣтельной жизни, какъ о чемъ-то постороннемъ дѣлу нашего спасенія: иная жизнь показала бы только, что человѣкъ еще не усвоилъ себѣ откровенія, и что для него не наступило еще непосредственное общеніе съ Богомъ, ибо „любяй Бога любитъ и брата своего: о семъ бо разумѣемъ, яко знаемъ Бога и въ Бозѣ пребываемъ, и Богъ въ насъ пребываетъ“ (1 Іоан. IV, 13 и 21). „Аще речемъ, яко общеніе имамы съ Нимъ, и во тьмѣ ходимъ, лжемъ и не творимъ истины; аще же въ свѣтѣ ходимъ, яко же Самъ Той есть во свѣтѣ, общеніе имамы другъ ко другу“ (1 Іоан. I, 6 и 7). Таковы происхожденіе и характеръ той общественности, которая лежитъ въ основѣ общества, являющагося среди непрерывнаго человѣчества непрерывнымъ же выразителемъ идеала его существованія, истинной церкви Божіей на землѣ.

Итакъ откровеніе Божіе прародителямъ о „Сѣмени жены“ есть начальный фактъ исторіи церкви Божіей на землѣ. Съ первой минуты своего существованія церковь уже является средой возрожденной жизни людей и орудіемъ благости Божіей для непрерывнаго вліянія на непрерывное человѣчество. Служа опорой другъ для друга, Адамъ и Ева—эта первобытная церковь-чета—воздѣйствіемъ своимъ открывали и дѣтямъ своимъ возможность вступить въ общество возрожденныхъ. Спасеніе предлагалось всѣмъ, но кто не желалъ его, тотъ самъ собою исключался изъ общества спасаемыхъ—изъ

церкви. Благость же Божія и непосредственнымъ дѣйствіемъ, и вліяніемъ церкви не переставала призывать къ спасенію и этихъ исключившихся: примѣры—обращеніе Господа къ Каину и проповѣдь Ноя.

Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находилось бы все человѣчество безъ откровенія Божія, безъ вѣры въ любовь Божію—въ пришествіе Мессіи (Обѣщаннаго) и безъ упованія на спасеніе. И дѣйствительно въ такомъ положеніи находились люди, отвергшіе откровеніе. Большинство ихъ, несмотря на голосъ любви божественной, оставаясь глухо къ нему, продолжало бояться Бога и старалось забыть Его—скрыться отъ него. Но мы знаемъ уже, что человѣкъ, потерявъ истинную вѣру въ Бога, никакъ не можетъ освободиться отъ той ложной вѣры, которая заставляетъ его трепетать предъ Нимъ, и отъ вліяній міра, сотвореннаго этимъ страшнымъ Богомъ. Безпрерывно повѣдая славу Творца, этотъ міръ непонятною преемственностію своихъ благодѣтельныхъ и разрушительныхъ явленій смущаетъ его. При боязни Бога эта непонятность заставляла человѣка въ мнимомъ хаосѣ природы видѣть преднамѣренный произволъ противъ его счастія. Жить же среди непонятнаго и потому кажущагося произвольнымъ во вредъ намъ міра—страшно, безотрадно. Такимъ образомъ самый характеръ отношеній человѣка къ внѣшнему міру, его міровоззрѣніе зависитъ отъ того, имѣетъ ли онъ истинную или ложную вѣру въ Бога. Вмѣсто того, чтобъ все относить къ Богу и во всемъ видѣть единаго Бога, человѣкъ, не принимающій откровенія, начинаетъ съ того, что каждое явленіе разсматриваетъ какъ самостоятельное божество и въ каждой вещи видитъ особаго Бога. Такъ возникъ фетишизмъ, какъ результатъ стремленія людей безъ откровенія своимъ смутнымъ и ложнымъ понятіемъ о Богѣ регулировать свои отношенія къ міру внѣшнему. Но такое міровоззрѣніе не могло держаться долго. Всякое открытіе зависимости одного явленія отъ другаго, одной вещи отъ другой разжаловывало зависимыя явленія и зависимыя вещи изъ ряда божествъ, но тѣмъ крѣпче устанавливалась божественность причинныхъ явленій и

вещей. Самое міровоззрѣніе не смѣнялось, а только превращалось изъ фетишизма въ политеизмъ. Это міровоззрѣніе оставалось бы въ силѣ даже и при современномъ состояніи науки, при ученыхъ открытіяхъ простыхъ тѣлъ и первичныхъ силъ, сущность коихъ не объяснима и для самой науки. Не будь у насъ откровенія, наше міровоззрѣніе исключило бы изъ числа боговъ всѣ явленія и всѣ вещи, кои объяснялись бы сочетаніемъ извѣстныхъ простыхъ тѣлъ и первичныхъ силъ, но самыя эти тѣла и силы считались бы богами. Но сколько же это измѣняло-бы отношенія человѣка къ природѣ, въ сущности остающейся непонятною?! Эти отношенія у политеистовъ всегда характеризовались страхомъ предъ божествомъ, боязнію всего непонятнаго. Такъ объясняется, почему самые образованные народы древняго міра, не смотря на громадный запасъ знанія природы, поклонялись твари. Страшась Бога и боясь всего непонятнаго, человѣкъ съ тѣмъ же чувствомъ страха и боязни относился и къ соціальнымъ явленіямъ (А что нѣтъ ничего непонятнѣе и необъяснимѣе этихъ явленій, это доказывается тѣмъ, что соціологія, какъ наука, едвали еще и существуетъ), которое и сказывается здѣсь недовѣріемъ во взаимныхъ отношеніяхъ. Ясное дѣло, что у такихъ людей не можетъ быть взаимныхъ интересовъ и ничего общаго, кромѣ желанія жить одному на счетъ другихъ. Скопище людей, гдѣ каждый, стеная подъ бременемъ служенія интересамъ ставшаго надъ нимъ, употреблялъ всѣ усилія выбиться изъ роли жертвы, чтобъ сдѣлаться лишь угнетателемъ,—такое скопище трудно даже назвать обществомъ. Такъ какъ общества въ свою очередь подобнымъ же образомъ относились между собою, то ихъ сочетанія врядъ ли можно назвать народами: это были лишь государства, сплоченныя силою захвата. Международныя отношенія такихъ государствъ основывались также на правѣ сильнаго. Вся жизнь этихъ государствъ проходила въ войнахъ съ цѣлію завоеванія для того, чтобъ жить на счетъ другаго. Народы, уже не довѣрявшіе другъ другу и опасавшіеся одинъ другаго, во время завоеванія доходили до взаимной нена-

висти. Кончалось тѣмъ, что ослабленные—одинъ жизнію на счетъ другаго, другой гнетомъ перваго—они иногда въ отчаянной схваткѣ мѣнялись ролями, а иногда при общемъ истощеніи силъ становились жертвою посторонняго завоевателя. И не предвидѣлось исхода изъ этого положенія, и не было въ немъ и зерна развитія къ лучшему.

Но въ то время, когда эти народы, не довѣряясь ничему окружающему и внутренно постоянно отчаяваясь за жизнь, искали успокоенія въ многобожіи, состоявшемъ то въ обоготвореніи твари и человѣка, то въ сведеніи на землю мнимыхъ боговъ, и при всѣхъ своихъ знаніяхъ и усовершенствованіяхъ падали въ прахъ предъ тварью и предъ своими обоготворенными или мнимо сшедшими съ неба деспотами, былъ на землѣ маленькій народъ, считавшій себя выше всякой твари, не ползавшій предъ нею и не создававшій куміровъ изъ себѣ подобныхъ, не смотря на свое сравнительное невѣжество. Въ своемъ историческомъ развитіи этотъ народъ проходилъ тѣже фазы, что и другіе народы, и проходилъ ихъ медленнѣе прочихъ; но не было у него отчаянія за жизнь: онъ зналъ, къ чему онъ живетъ и куда идетъ, хотя и медленно. Во время разсѣянія народовъ это было пастушеское семейство въ Халдеѣ. Въ Вавилоніи, Ассиріи, Индіи, Египтѣ и др. образовались уже государства, а благочестивое семейство продолжало еще вести жизнь номадовъ. Состоя въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ живою и сильною вѣрою въ любовь Божію—въ воплощеніе Мессіи, внутренно возрожденное этою вѣрою и потому по необходимости выдѣляющееся изъ общей среды, семейство это составляло нѣчто отдѣльно-цѣлое, общество людей возрожденныхъ и дѣйствительно свободныхъ и отъ безотчетнаго страха предъ природою, и отъ слѣпаго подчиненія деспотизму человѣка. Представляя сферу нормальной жизни, это общество тѣмъ самымъ было орудіемъ благости Божіей для вліянія на окружающее человѣчество и являлось свѣточемъ среди густаго мрака многобожія и полнаго нестроенія жизни. Съ постепеннымъ разви-

тіемъ язычества, это общество по естественному ходу должно было все болѣе и болѣе обособляться. При этомъ по предначертаніямъ Промысла Божія имѣлось въ виду, чтобъ родъ человѣческій ни на минуту не оставался безъ носителя великой мысли о спасеніи человѣчества непосредственнымъ общеніемъ Бога и человѣка въ лицѣ Мессіи. Это общество должно быть непрерывно, какъ непрерывно человѣчество. Въ интересѣ спасенія всего человѣчества Богъ по безконечной своей благости опредѣлилъ—сохранить непрерывно между людьми откровеніе о Себѣ и Своей безграничной любви къ нимъ, сказывающейся въ обѣтованіи пришествія Мессіи, уничтожая тѣмъ въ нихъ страхъ къ Себѣ и ко всему окружающему, возрождая въ нихъ увѣренность въ зависимость всего отъ Его всеблагой воли и поселяя въ нихъ полное довѣріе и любовь другъ къ другу. Однимъ словомъ, Богъ опредѣлилъ—сохранить непрерывно на землѣ общество людей, называемое церковью. Такимъ образомъ и по естественному ходу, и по благимъ планамъ Провидѣнія обособленность являлась для церкви средствомъ самосохраненія. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ объяснять образованіе церкви въ народъ законодательствомъ синайскимъ. Не за праведность еврейскаго народа и не за правоту его сердца, но за нечестіе другихъ народовъ (Второз. IX. 4 и 5) избралъ его Господь въ достояніе Себѣ, и свѣтъ спасенія, коимъ Онъ окружалъ его предъ лицемъ всѣхъ людей, служилъ не во славу только Израиля, но и во откровеніе языковъ, чтобъ и они познали, что Господь Богъ этого народа есть Богъ на небеси горѣ и на земли долу, и нѣсть развѣ Его. Требованія вѣры и закона нравственнаго, высказанныя Господомъ у Синая, были лишь примѣненнымъ къ обстоятельствамъ времени и положенія выраженіемъ тѣхъ началъ, на коихъ церковь всегда стояла, и стоитъ, и будетъ стоять до скончанія вѣка. Законы обрядовые и гражданскіе имѣли цѣлію въ священнодѣйствіяхъ и учрежденіяхъ дать общей жизни церкви способъ обнаруживаться и тѣмъ воспитывать и поддерживать духъ вѣры въ единаго Бога и въ пришествіе Мессіи и духъ

любви между ея членами въ интересѣ общаго блага и мира. Вникая въ смыслъ законодательства синайскаго, найдемъ въ немъ тѣ вѣчныя начала, на коихъ съ самаго начала зиждилось, зиждется и будетъ безпрестанно зиждиться спасеніе человѣчества, а также поймемъ, какая бездна лежала между жизнію народовъ, не принимавшихъ откровенія, и жизнью этого маленькаго народа, составлявшаго церковь Божію, и почувствуемъ все значеніе словъ Богочеловѣка: „Не пріидохъ разорити законъ, но исполнити". Самое законодательство начинаетъ Господь заявленіемъ о своей любви къ церкви, доказываетъ ее заботливостію о сохраненіи еврейскаго народа и обѣщаетъ высшее проявленіе ея въ дарованіи міру великаго Пророка-Примирителя. Весь же законъ исчерпывается словами: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душею твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ (Втор. VI. 5, X. 12) и ближняго твоего, яко самъ себе" (Лев. XIX. 18). Развивая смыслъ любви къ Богу, Господь говоритъ: „Да не будетъ у тебя иныхъ Боговъ, кромѣ Меня, и не кланяйся ни предъ солнцемъ, ни предъ луною, ни предъ звѣздами, ни предъ какою тварью" (Втор. IV. 19),—иначе: не будь многобожникомъ. Далѣе „Не сотвори себѣ куміра и всякаго подобія ни мужчинъ, ни женщинъ, ни звѣрей, ни пресмыкающихся, ни рыбъ, ни птицъ, ни всего, что на небѣ или на землѣ" (Вт. IV. 16 и 17),—иначе: не будь идолопоклонникомъ. Господу Богу твоему послужиши и тому единому поклонишися, не призывай имени Его напрасно и помни день субботній—святить его и праздники во славу Божію и въ воспоминаніе Его великихъ благодѣяній (Лев. XXIII). Мы видѣли уже, что вѣра въ единаго Бога и въ любовь Его къ человѣчеству составляетъ основаніе обновленной жизни человѣка, ибо прогоняетъ опасенія и поселяетъ любовь къ другимъ. Это-то общеніе любви при единствѣ вѣры и дѣлаетъ изъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ личностей общество—церковь. Стало быть, всѣ мѣры къ охраненію вѣры въ Бога и въ Его любовь будутъ мѣрами къ охраненію довѣрія и взаимной любви между людьми—къ охране-

нію церкви. Вотъ онѣ: по занятіи той или другой части земли обѣтованной евреи обязаны истребить, если не все, по крайней мѣрѣ мужское населеніе сполна (Втор. VII. 14, XX. 14—15; Числ. XXXIII. 52—55) и уничтожить всѣхъ идоловъ и всякія изображенія (Втор. VII. 5; Исх. XXXIV. 13). Что это вытекало не изъ характера народной исключительности, составлявшей тогда отличительную черту международныхъ отношеній, а изъ необходимости непрерывно сохранить непосредственное общеніе Бога съ человѣкомъ и, стало быть, сферу жизни, создаваемую людьми, добровольно и самостоятельно вступившими въ это общеніе,—это видно изъ того, что та же мѣра истребленія прилагалась ко всякому еврею и еврейкѣ, принесшимъ жертву какому-либо богу (Лев. XX. 1—2, XXIV. 14—26; Втор. XVIII. 1—7, XIII. 1—15). Результатомъ всякаго послабленія въ пользу народовъ, живших въ землѣ обѣтованной, могло быть уклоненіе въ многобожіе и идолопоклонство (Ис. XXXIV. 15—16) съ ихъ неизбѣжными спутниками: оскудѣніемъ взаимнаго довѣрія и любви, потерею внутренняго мира (Лев. XXVI. 16—38) и ослабленіемъ предъ внѣшними врагами (Чис. XXXIII. 55; Вт. XXVIII. 25). Поставивъ такимъ образомъ взаимную любовь между людьми—эту нравственную возможность обновленной общественной жизни, жизни церковной—въ зависимость отъ вѣры въ Бога и въ его любовь, Господь развиваетъ смыслъ самой любви къ ближнему. Прежде всего она должна сказываться почитаніемъ родителей и родныхъ (Исх. XX. 12; Лев. XVIII. 6—23, XX. 10—23; Втор. XXVII. 20—23). Отношеніе же къ другимъ людямъ должны характеризоваться отсутствіемъ ненависти даже къ врагамъ и добрыми дѣлами (Исх. XXIII. 4—5; Вт. XXII. 1—4). При этомъ не полагалось ни въ чемъ и никакого различія между евреемъ и иностранцемъ, что̀ особенно рѣзко выдается при извѣстной исключительности всѣхъ народовъ древности, а на вдовъ и сиротъ указывалось по преимуществу (Ис. XX. 21, XXII. 22; Лев. XIX. 34). Къ поддержанію любви и порождаемаго ею сознанія взаимныхъ интересовъ напра-

влены: и заповѣдь „Не убей“! съ подраздѣленіемъ убійства на предумышленное и случайное, и заповѣдь „Не прелюбы сотвори!“ и заповѣдь „Не укради“! съ указаніемъ разныхъ видовъ воровства посредствомъ обмана въ вѣсѣ и мѣрѣ. Кто сомнѣвается въ томъ, что въ основѣ израильскаго общества лежали начала свободы, тотъ пусть прочтетъ законы о рабахъ и объ условіяхъ ихъ покупки и освобожденія (Исх. XXI. 2—10; Вт. XVI. 1—18), о субботнемъ и юбилейномъ годахъ (Лев. XXV. 1—14). Какая любовь дышетъ въ этихъ совѣтахъ не собирать начисто жатвы и плодовъ, а оставлять на бѣдныхъ (Втор. XXIV. 18—22),—въ этомъ разрѣшеніи, проходя чужимъ полемъ или виноградникомъ, ѣсть зерна и плоды, не забирая съ собою (Втор. XXIII. 24—26), и въ этомъ запрещеніи брать въ залогъ одежду въ виду того, что бѣдному нечѣмъ будетъ прикрыться на ночь (Вт. XXIV. 10—17). Послѣ этого становится ясно до очевидности, что „Весь этотъ законъ въ сію обою заповѣдію виситъ: Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душею твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ и ближняго твоего, яко самъ себе!“ Если же данъ подробный законъ, то онъ данъ былъ каждому и церкви, какъ соотвѣтствующее времени средство вліянія на человѣчество. Часто случалось возстановлять взаимную любовь между людьми внѣшними мѣрами. Для этого-то и существовалъ судъ. Предъ нимъ всегда стоятъ обиженный и обидчикъ, дѣйствительные или мнимые. Любовь къ каждому изъ нихъ обязываетъ судью къ полному безпристрастію и тѣмъ обращается въ правосудіе. Тоже касается и свидѣтеля: „Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна“! Руководясь же правдою, судья постановляетъ приговоръ: жизнь за жизнь, око за око, зубъ за зубъ и д. (Исх. XXI. 23—27). Что это правило, при всей ограниченности его примѣненія, было мѣрою по времени и не могло быть стѣсненіемъ свободы чадъ Божіихъ,—видно изъ словъ Богочеловѣка: „Не противься обижающему. Кто ударитъ тебя въ одну щеку, подставь ему другую, и кто захочетъ судиться съ тобою, чтобы отнять у те-

бя верхнюю одежду, не препятствуй ему взять и рубашку". До суда же не доходить: ибо о немъ сказано: око за око и зубъ за зубъ (Матѳ. V. 37—39,—Лук. VI. 29—31). Иначе сказать: не ищите возстановленія любви внѣшняго, а возстановляйте ее внутренно—добрымъ примѣромъ. Организованная такимъ образомъ и вооруженная для своего самосохраненія въ интересѣ всего человѣчества соотвѣтствующими времени мѣрами, церковь Божія изъ поколѣнія въ поколѣніе, сохраняя связь съ прошедшимъ—съ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ и сѣменемъ ихъ праведнымъ,—непосредственнымъ общеніемъ своихъ членовъ съ Богомъ и ихъ частною и коллективною жизнію непрерывно свидѣтельствовала о безконечной любви Божіей и о спасеніи для всего человѣчества безъ различія народностей и языковъ. Никогда не забывала она своего міроваго характера, никогда не снималась съ ея вратъ, открытыхъ всему человѣчеству, эта надпись: „Позна Господь сущія своя". Только въ силу этого организаторъ церкви въ народъ еврейскій, великій Моисей, могъ говорить о Мельхиседекѣ, Іовѣ и Вааламѣ. Только Соломонъ, какъ представитель этой церкви, могъ гадать въ то время о молитвенномъ общеніи всѣхъ народовъ. Только изъ церкви Божіей могъ быть посланъ въ Ниневію пророкъ Іона. Только евреи—Исаія и другіе пророки—могли среди тогдашняго міра говорить объ образованіи всеобщаго царства мира, несмотря на различіе націй и языковъ. Поставленная Промысломъ въ центрѣ древняго міра, церковь Божія вліяла такъ или иначе на Египетъ, Вавилонъ, Ассирію, Финикію, Персію, Грецію (Македонія) и Римъ—то оставаясь самостоятельнымъ государствомъ, то съ потерею независимости переходя отъ одного завоевателя къ другому.

Такимъ образомъ съ развитой нами точки зрѣнія исторія всего внѣшняго міра—язычество до Рождества Христова—сводится къ исканію спасенія то въ обоготвореніи твари и человѣка, то въ сведеніи на землю мнимыхъ боговъ. Не будучи выраженіемъ непосредственнаго общенія Бога съ человѣкомъ, эти вѣрованія не давали человѣку искомаго имъ успокоенія, а въ жизни

сказывались несовмѣстностью частной воли съ волею обоготворенныхъ деспотовъ или съ волею судьбы, иначе непримиримостью свободы съ авторитетомъ. Одна лишь церковь еврейская знала и понимала истинное непосредственное общеніе съ Богомъ. По явленіи Христа на землѣ внѣшній міръ, измѣнивъ лишь свое имя, продолжалъ жить то въ одномъ, то въ другомъ изъ указанныхъ направленій. Такъ, въ первые вѣка христіанства, одни изъ мнимо увѣровавшихъ во Христа утверждали, что онъ былъ человѣкъ, обоготворенный духомъ Божіимъ, а другіе говорили, что онъ былъ Богъ въ призрачномъ человѣкѣ. Церковь отвѣтила на это лишь тѣмъ, что каѳолически исповѣдала въ Спасителѣ міра Бога истиннаго и человѣка истиннаго, нераздѣльно и несліянно соединенныхъ непосредственно въ одномъ лицѣ Богочеловѣка. „Тѣмъ же совершенна Того Бога и совершенна человѣка во истину проповѣдующе, исповѣдуемъ Христа Бога нашего“ (Догматикъ 8-го гласа). Это непосредственное общеніе божества и человѣчества церковь признаетъ и во всѣхъ историческихъ фактахъ дѣла нашего спасенія, въ усвоеніи его каждымъ изъ насъ и во всѣхъ проявленіяхъ частной и церковной жизни возрожденныхъ во Христѣ. И впослѣдствіи всѣ ереси (напр., ересь монофизитовъ и ересь моноѳелитовъ) въ сущности грѣшили лишь въ указанныхъ нами двухъ направленіяхъ, а каѳоличество понималось всегда именно какъ устраненіе этихъ крайнихъ ученій. Трудно видѣть другой смыслъ этого слова *) въ обращеніи Аѳанасія Великаго къ аріанамъ, гдѣ выражается та мысль, что аріане хотя и владѣютъ (въ то время) вселенной, но не каѳолики, а вѣрующихъ и мыслящихъ подобно Аѳанасію хотя и не много, но они-то и суть каѳолики. Въ тѣхъ же вышеозначенныхъ двухъ направленіяхъ

*) Ни русское „Повсеместная“ (употреблено въ Катихизисѣ изданія 1823 года), ни нѣмецкое „Allgemeine“, которыми переводятъ слово: „Καθολικὴν“ никейскаго символа, не соотвѣтствуютъ ему даже этимологически. Слово: „все“ и „all“ можетъ отвѣчать лишь греческому: „πας“, „πᾶν“, а не „ὅλος“, „ὁλικὸς“, которое скорѣе равняется: „ganz“=цѣлый, цѣлостный. Это слово въ арабскомъ переводѣ символа также заключаетъ въ себѣ понятіе о цѣломъ, о цѣлостности.

уклоняются отъ каѳоличества и римскій католицизмъ, и евангелическій протестантизмъ.

Исповѣдуя догматъ о непосредственномъ общеніи Бога и человѣка въ первоначалѣ нашего спасенія—въ лицѣ Богочеловѣка, римская церковь отвергаетъ его въ совершеніи спасенія—въ практическомъ примѣненіи, т. е. въ усвоеніи его вѣрующимъ и въ организаціи изъ вѣрующихъ церкви. Вотъ какъ она дошла до этого. Благопріятствуемая обстоятельствами, она, во время и послѣ переселенія народовъ, находила обильную пищу для апостольства среди дикихъ завоевателей Европы. Обращая ко Христу цѣлыя страны и видя ихъ невѣжество, она можетъ быть и искренно, но ложно поняла свою задачу—не въ просвѣщеніи искать средство къ уничтоженію невѣжества, а, опираясь на невѣжество, утвердить просвѣщеніе. Варвары должны были безъ разсужденія слушать просвѣщенныхъ, коихъ Римъ посылалъ къ нимъ въ лицѣ своихъ священниковъ и епископовъ. Такимъ образомъ, между совѣстью обращающихся и Христомъ сталъ посредникомъ священникъ, между церковью мѣстною и непрерывною въ единой церкви благодатію Св. Духа явился посредникомъ епископъ, а между всею церковью, представляемою епископами мѣстныхъ церквей, и великимъ архіереемъ ея Іисусомъ Христомъ понадобился посредникъ въ лицѣ римскаго первосвященника. Долгое время вселенская церковь не замѣчала этого положенія—тѣмъ болѣе, что епископы римскіе, въ своихъ сношеніяхъ съ востокомъ, употребляли и его терминологію, не заботясь о ея смыслѣ. Между тѣмъ, свободное усвоеніе вѣрою непосредственнаго общенія съ Богомъ и свободное проявленіе спасенія возрожденною жизнью въ средѣ церкви стало на западѣ невозможнымъ. Исчезло здѣсь то величавое разнообразіе націй и языковъ въ связи съ единствомъ божескихъ началъ. Народъ, вмѣстѣ съ іерархіею составляющій нераздѣльное тѣло Христово, лишенъ права свободно участвовать въ проявленіяхъ церковной жизни. Изъ него сдѣлали стадо безсловесныхъ овецъ, кои, не разсуждая, должны слѣдовать за своимъ пастыремъ. Все должно складываться по волѣ высшаго посредника

между Богомъ и церковью — папы. Когда это слово, — въ томъ смыслѣ, какой даютъ ему на западѣ, — наконецъ произнесено было во услышаніе всей каѳолической церкви, то послѣдняя съ горестью увидѣла, какъ царство тьмы и лжи поглотило цѣлую мѣстную церковь, и должна была съ прискорбіемъ занести въ свои лѣтописи ея самоисключеніе. Ставъ съ этого времени папствомъ и отрицая свободное усвоеніе вѣры каждымъ и свободную организацію церквей внѣ посредства папы, римская церковь не допускаетъ свободнаго выраженія вѣры, не процензурованнаго въ Римѣ, и ея соборы сходятся не для исповѣданія общей вѣры, а для выслушанія великаго посредника, чтобъ принять его рѣшенія и разнести ихъ для точнаго исполненія всѣми. Замѣнивъ внутреннее непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ внѣшними отношеніями посредствомъ папы, римская церковь всю церковную жизнь поставляетъ во внѣшности и употребляетъ лишь внѣшнія средства для обращенія и спасенія: церемоніи и инквизицію, терзаніе тѣла и внѣшнее усвоеніе чужихъ добрыхъ дѣлъ покупкою. Сдвинувшись съ божественнаго основанія, она безсознательно чувствуетъ ложность своего положенія и желаетъ возстановить себя обоготвореніемъ своего посредника, чтобы тѣмъ ввести человѣка въ болѣе близкое общеніе съ Богомъ. Такъ нужно объяснять себѣ происхожденіе догмата о непогрѣшимости папы. Нѣтъ, для спасенія человѣчества, какъ мы знаемъ, нужно не болѣе или менѣе близкое, а непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ. Мы видѣли, къ чему привели язычниковъ попытки обоготвореніемъ человѣка приблизиться къ Богу. Кто не будетъ пораженъ сходствомъ тѣхъ обоготворенныхъ деспотовъ востока, для подданныхъ коихъ ихъ произволъ былъ священнымъ закономъ, съ этимъ непогрѣшимымъ викаріемъ Христовымъ, коего слова принимаются за оракулы и высшій нравственный законъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ватиканскій соборъ отмѣнилъ необходимость частной совѣсти въ дѣлахъ вѣры и нравственности, поставивъ вмѣсто нея обязательную для всѣхъ совѣсть непогрѣшимаго папы. Нѣтъ, папство не есть

извѣстная форма христіанства. Оно есть произведеніе язычества, какъ и самый титулъ его святѣйшества: Pontifex maximus.

Обоготворенію человѣка, какъ средству приблизиться къ Богу у древнихъ семитическихъ народовъ, болѣе новые въ исторіи арійскіе народы противопоставили другое средство—сведеніе боговъ съ неба. При встрѣчѣ этихъ двухъ направленій между ними была борьба, которую мудрецы вѣка того назвали борьбою между свѣтомъ и тьмою, причемъ каждая изъ борющихся сторонъ считала себя въ свѣтѣ, а противную—въ мракѣ. Съ точки же зрѣнія каѳоличества, какъ мы опредѣлили его выше, становится совершенно яснымъ, что въ области тьмы могли бороться лишь мрачныя силы. Нѣчто подобное произошло и на западѣ. Противъ папства, величающаго себя христіанствомъ, возсталъ протестантизмъ, претендующій на тоже имя, а на сколько основательно, мы увидимъ ниже. Протестантизмъ, какъ и папство, признаетъ суть спасенія въ фактѣ непосредственнаго общенія божества и человѣчества въ лицѣ Іисуса Христа, но отвергаетъ это общеніе двухъ началъ въ актѣ усвоенія каждымъ этого спасенія и въ проявленіи его частною и общественною жизнію возрожденныхъ вѣрою въ любовь Божію—въ воплощеніе. Вотъ гдѣ корень отрицанія протестантизмомъ всякой видимой организаціи церкви, священства и таинствъ. Вотъ почему онъ такъ парадоксально на первый взглядъ, но не безпринципно противополагаетъ дѣла благочестія дѣлу нашего спасенія. Въ прошедшемъ году, въ генеральномъ синодѣ французскихъ протестантовъ, громадное меньшинство делегатовъ-пасторовъ, находя излишнимъ всякое внѣшнее проявленіе единства спасаемыхъ, говорило и о стѣснительности единства внутренняго, единства вѣры, ставя въ сторонѣ даже самый фактъ воплощенія и стараясь поставить суть христіанства въ какой-то жидкой чувствительности сердца—la vie du sentiment. Что германскій пасторскій протестантизмъ давно есть не что иное, какъ замаскированный именемъ христіанства раціонализмъ, объ этомъ врядъ-ли и нужно говорить. При

отсутствіи непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ, самое сведеніе боговъ съ неба мало принесло, какъ мы видѣли, пользы для успокоенія человѣчества. Произволъ мнимыхъ боговъ, ведшихъ людей безъ участія ихъ воли къ своимъ цѣлямъ, смѣнилъ капризы обоготворенныхъ деспотовъ. Кто не найдетъ разительнаго сходства между вѣрованіемъ философствующихъ грековъ и другихъ язычниковъ, низводившихъ божества къ людямъ, въ судьбу—это страшное и неумолимое божество—и безотраднымъ ученіемъ раціоналистовъ-протестантовъ, низводящихъ Христа въ разрядъ обыкновенныхъ людей, о благодатномъ предопредѣленіи.

Два противоположныя направленія въ язычествѣ, познакомившись другъ съ другомъ, кончили атеизмомъ. Дальше идти было некуда: человѣчество пошло въ церковь Христову. Папство и протестантизмъ, изучая и критикуя другъ друга, распложаютъ только атеистовъ. Дальше идти некуда: не пора-ли войти во едину, святую, каѳолическую и апостольскую церковь?

Вотъ вопросъ, который самою жизнію-исторіею поставленъ нынѣ на очереди для запада. Мы сказали: самою жизнію-исторіею,—объяснимся на этотъ счетъ. Вліяніе истинно-каѳолической церкви не могло сказываться на западѣ, вслѣдствіе ея внѣшняго положенія на востокѣ. Народы запада съ пренебреженіемъ смотрѣли на христіанскія вѣрованія выродившагося востока и полудикой славянщины. Имъ и въ голову не приходило то просто-таки научное соображеніе, что самое вырожденіе, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, должно было бы во всякомъ другомъ, кромѣ востока, мѣстѣ уйдти дальше, и что медленное, но твердое безъ потрясеній и отступленій шествіе по пути цивилизаціи было бы, при одинаковыхъ историческихъ условіяхъ, невозможно для другихъ народовъ, кромѣ славянъ. Что же могло бы aliis paribus оказать эту разницу, если не жизненная состоятельность и устойчивость христіанскихъ воззрѣній востока и славянщины? Игнорируя это, западъ обнаруживалъ и недостатокъ историческаго пониманія, и недостатокъ каѳолическаго чувства, не допускающаго

разности между варваромъ и эллиномъ. Но разъ онъ усвоилъ себѣ подобное отношеніе, для него могли имѣть значеніе лишь голосъ его собственнаго опыта, лишь результатъ его собственной жизни-исторіи. Съ этой же стороны западу весьма естественно было долгое время принимать внѣшніе успѣхи въ наукѣ, промышленности и торговлѣ и т. д. за признакъ внутренней устойчивости—и это до тѣхъ поръ, пока сама жизнь-исторія не разрушитъ этого обольщенія, показавъ, что существенный ея характеръ—именно нравственный—не стоитъ необходимо въ соотношеніи съ тѣмъ или другимъ состояніемъ науки, промышленности, торговли и т. п., а обусловливается тѣмъ или инымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, и что не наука, промышленность, торговля и т. д., виноваты въ религіозно-нравственномъ состояніи запада, а напротивъ его религіозно-нравственность отвѣтственна за ихъ безуспѣшность. Можно, конечно, до извѣстной поры искренно обманывать себя на счетъ истинности и спасительности своихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній; но нельзя „шила утаить въ мѣшкѣ“,—нельзя, чтобы жизнь-исторія многообразными своими комбинаціями рано или поздно не выдала дѣйствительнаго значенія легшихъ въ ея основу воззрѣній. Прослѣдить съ этой точки зрѣнія исторію запада сначала римско-католическаго, а затѣмъ римско-католическаго и протестантскаго, и значило бы подойдти къ нынѣшнему его состоянію, когда глава христіанства въ своей *христіаннѣйшей* вѣрѣ не нашелъ ничего препятствующаго ему стать на сторону заклятаго врага христіанства, когда англичане при своей евангелически-протестантской чувствительности не только не испытываютъ отвращенія къ турецкимъ звѣрствамъ, но и содѣйствуютъ имъ, когда, наконецъ, чуть не вся Европа съ злорадствомъ смотритъ на неудачи святаго дѣла.

Мы видѣли, какъ мѣстная римская церковь сдвинулась съ божественно-человѣческихъ основъ каѳоличества, чтобы стать лишь учрежденіемъ чисто-человѣческимъ, папствомъ. Удержавъ за собою и послѣ того названіе католической (по латинскому произношенію этого

греческаго слова: καθολική), она, пользуясь несчастнымъ положеніемъ востока, возъимѣла мысль, подъ видомъ помощи, подчинить его себѣ. При такихъ условіяхъ помощь являлась лишь новымъ элементомъ въ несчастіяхъ востока, и безъ того уже падавшаго подъ ударами мусульманства. Но блескъ крестоноснаго воинства до того ослѣпилъ невѣжественный тогда западъ, что имя церкви, коимъ прикрывались эти предпріятія, сдѣлалось синонимомъ дѣйствительнаго христіанства. Съ тѣхъ поръ папство въ глазахъ запада отождествилось съ каѳоличествомъ. Не будемъ оспаривать искренность подобнаго взгляда для средневѣковаго міра. Но жизнь-исторія, какъ мы замѣтили, не щадитъ даже и искреннихъ самообольщеній. Такъ, разрушивъ своею организаціею равновѣсіе въ дѣлѣ нашего спасенія началъ божескихъ и человѣческихъ, уничтоживъ поэтому гармонію между благодатно-свободною волею каждаго изъ спасаемыхъ и благодатно-коллективнымъ авторитетомъ общества этихъ спасаемыхъ—церкви, однимъ словомъ, разбивъ все то, что составляетъ сущность каѳоличества,—папство уже съ первой минуты своего существованія оказывается лишеннымъ внутренней устойчивости и носитъ въ себѣ зародышъ нравственныхъ броженій, взрывовъ и потрясеній. Уже тогда выведенныя изъ равновѣсія чашки вѣсовъ пришли въ движеніе; но, не предвидя послѣдующихъ качаній, это движеніе легко могли принять за признакъ нормальной жизни. Между тѣмъ вѣкъ отъ вѣка умножаются случаи столкновеній Рима то съ отдѣльными независимыми церквами, то съ отдѣльными личностями. Когда же набралось достаточно и протестовъ и протестантовъ, явился Лютеръ, обобщилъ протесты и объединилъ протестантовъ. Обусловленный жизненнымъ сознаніемъ несостоятельности папства и стремленіемъ возстановить нарушенное имъ религіозно-нравственное равновѣсіе, протестантизмъ, однакожъ, съ гордостью педанта смотрѣвшій на разучившійся востокъ и на невѣжественную славянщину, не зналъ, да и не хотѣлъ ничего знать, о настоящемъ каѳоличествѣ, считалъ таковымъ выдававшее себя за него папство и, отрицая по-

слѣднее, отвергъ и первое, а съ нимъ—и сущность церкви. Не будь этого невѣжества со стороны Лютера и его послѣдователей,—такъ говорятъ нынѣ сами протестанты (Codex liturgicus, Daniel),—то реформа приняла бы направленіе, болѣе соотвѣтствующее духу древней церкви. По нашему это будетъ, что въ такомъ случаѣ реформа возвратила бы въ лоно дѣйствительно-каѳолической церкви, по крайней мѣрѣ, тб—если не болѣе,—что она отторгла отъ папства. Въ томъ же видѣ, какъ онъ организовался, протестантизмъ ничуть не возстановилъ разрушенной папствомъ гармоніи, цѣлостности (каѳоличности) христіанскаго міровоззрѣнія. Выведенныя папствомъ изъ равновѣсія тяжести—начало божеское и начало человѣческое, личную свободу и авторитетъ церкви—протестантизмъ только привелъ въ обратное отношеніе. Для него существуетъ только отдѣльная личность, независимо отъ ея воли спасаемая или неспасаемая благодатію, но за то абсолютно свободная отъ всякихъ ограниченій общей коллективной церковной жизни; для него нѣтъ церкви. Не предвидя всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые сама жизнь-исторія своими комбинаціями сдѣлаетъ изъ означенныхъ началъ, протестантскій міръ могъ искренно вѣрить въ ихъ спасительность. Но вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условій жизненные признаки несостоятельности протестантизма должны были обнаружиться въ болѣе короткій періодъ времени, чѣмъ то нужно было для папства.

Изъ предъидущаго уже видно, что ни папство, ни протестантизмъ не представляютъ устойчиваго религіознаго міровоззрѣнія: первый нарушаетъ указанное нами каѳолическое равновѣсіе въ сторону началъ человѣческаго и церковной власти, а другой—въ сторону началъ божескаго и личной свободы. При этомъ, по извѣстной непослѣдовательности выводовъ изъ неустойчивыхъ началъ, первый, очеловѣчивъ дѣло нашего спасенія до того, что царство не отъ міра сего обратилъ, и по духу, и по организаціи, въ земное гусударство, какъ бы для поправленія дѣла закончилъ обоготвореніемъ главы этого чисто-человѣческаго государства—папы, объявивъ

его *непогрѣшимымъ;* а второй завершаетъ свое дѣло сведеніемъ Богочеловѣка въ разрядъ обыкновенныхъ людей и признаніемъ за каждою частною совѣстію права считать себя *непогрѣшимымъ* судьею въ дѣлахъ вѣры и нравственности. Это въ сферѣ вѣроученія. Шаткость же нравственныхъ началъ, покоющихся на этихъ двухъ религіозныхъ міровоззрѣніяхъ, сказывается неустойчивостію политико-культурной жизни запада. Революціонное начало лежитъ въ самомъ корнѣ западно-европейской жизни. Вотъ отчего конечный результатъ громадныхъ успѣховъ запада во всѣхъ отрасляхъ внѣшней жизни со дня на день становится сомнительнѣе; вотъ отчего, не смотря на изумительныя и безпрерывныя усовершенствованія въ наукахъ, промышленности и торговлѣ, не смотря на обусловливаемое ими поминутное возрастаніе удобствъ жизни, въ общемъ эта жизнь съ часу на часъ дѣлается рискованнѣе и ненадежнѣе. Не говоря уже о томъ всеобщемъ недовѣріи въ международныхъ отношеніяхъ, которое въ концѣ концовъ всегда сказывается войною, — революціи и государственные перевороты, стачки рабочихъ и соглашенія патроновъ, биржевая игра и банкротства банкирскихъ и торговыхъ домовъ—все это для своего произведенія требуетъ страшной массы личныхъ дѣйствій и поступковъ, обусловленныхъ нравственными началами, не представляющими внутренней устойчивости, и все это подвергаетъ ежечасно существованіе милліоновъ людей едва-ли не большимъ опасностямъ, чѣмъ тѣ, коимъ подвергаются номады отъ вліянія стихій природы и вслѣдствіе своей безпомощности.

Устойчивость же религіознаго воззрѣнія христіанскаго востока и славянщины—того, что называется православнымъ міромъ, доказывается ихъ исторіею. Выше было замѣчено, что безъ жизненной состоятельности и устойчивости христіанскихъ воззрѣній востока и славянщины самое вырожденіе перваго, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, должно было бы уйдти дальше, а медленное, но твердое безъ потрясеній и отступленій шествіе послѣдней по пути цивилизаціи бы-

ло бы невозможнымъ. Но, сверхъ того, „судьбы православныхъ народовъ еще тѣмъ отличаются отъ судебъ прочихъ народовъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ на всемірно-историческимъ поприщѣ, что нѣтъ ни одной православной отрасли, которая бы въ томъ или другомъ видѣ въ теченіе своей жизни не подвергалась испытанію чуждаго ярма, внѣшняго или внутренняго, вещественнаго или нравственнаго". *) Эта общность ярма съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ единства вѣры, окрѣпла въ сознаніе солидарности и невозможности войны между единовѣрными. Такимъ образомъ возникло то явленіе, что у православныхъ народовъ не можетъ даже возникнуть мысль о войнѣ другъ противъ друга. Ни католическое, ни протестантское воззрѣніе не доводитъ до этого сознанія. И это — потому, что только православіе есть настоящее каѳоличество, т. е. единственно цѣльное и устойчивое воззрѣніе, понимающее, какъ было уже сказано, общественность, какъ сферу свободнаго проявленія взаимной любви и, стало быть, взаимнаго довѣрія, причемъ свобода и любовь, опредѣляя другъ друга, образуютъ для человѣка его внутренній авторитетъ, который и даетъ возможность понять общую волю, какъ самоопредѣляющуюся гармонію между волями частными, а власть, какъ ея представителя. Отсюда понятно, что православію чужды національная исключительность и племенные раздоры. „Православный одной націи, вступая къ чужестранному православному брату, не имѣетъ и въ помышленіи вмѣсто одного ига наложить другое, и чужестранный православный братъ, принимая его, вѣритъ, что единовѣрная любовь не приноситъ ни ему, ни другимъ ничего, кромѣ свободы и блага. Жизнь же народовъ католическихъ и протестантскихъ характеризуется тѣмъ, что тамъ всѣ соціальныя отношенія исторически скованы изъ цѣпей матеріальныхъ и духовныхъ, что тамъ насиліе и эксплуатація составляютъ единственную подкладку всей гражданской и международной жизни, что тамъ вся жизнь и граж-

*) Выраженія, взятыя изъ отвѣта И. С. Аксакова на посланіе Рэгера.

данская и международная состоитъ изъ борьбы насилуемыхъ и эксплуатируемыхъ противъ насилующихъ и эксплуатирующихъ, и что тамъ самая вѣра понята какъ внѣшняя власть“ *).

Мы сравнили папство и протестантизмъ съ вѣсами: чашки однихъ выведены изъ равновѣсія въ одну сторону, а чашки другихъ—въ другую. Мы видѣли, что происходящее отъ того колебаніе могло заинтересованными сторонами искренно считаться нормальнымъ состояніемъ, но что жизнь-исторія немилосердно разрушала это самообольщеніе. Окончательное же разочарованіе и для римскихъ католиковъ, и для протестантовъ мы могли предположить только тогда, когда на тѣхъ и другихъ вѣсахъ выведенныя изъ равновѣсія чашки, ударившись, наконецъ, о землю, разлетятся въ дребезги, и когда, такимъ образомъ, прекратится даже и качательное движеніе, которое можно было принимать за прогрессивное.

Ватиканскій соборъ и былъ въ дѣйствительности этимъ послѣднимъ размахомъ съ окончательнымъ ударомъ для міра римско-католическаго. Въ результатѣ явилось движеніе старокатолическое, которое должно быть симпатично намъ лишь на столько, на сколько оно будетъ стремиться пересоздать религіозное міровоззрѣніе запада и основывающуюся на немъ нравственность жизни какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ массъ въ духѣ истиннаго каѳоличества. Нормальное отношеніе принципа авторитета къ принципу свободы въ каѳоличествѣ жизненно сказывается уже въ томъ, что истинный каѳоликъ даже подъ давленіемъ власти никогда не дойдетъ до полнаго отрицанія ея и никогда не станетъ къ ней въ революціонное положеніе; а тѣмъ менѣе можетъ дойти до такого индивидуализма, чтобы въ личномъ пониманіи и произволѣ находить единственный регуляторъ своихъ дѣйствій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это есть не иное что какъ размѣненная на мелочь и только потому не ужасающая ре-

*) Выраженія, взятыя изъ передовой статьи „Совр. Извѣст.“ отъ 21 Іюня 1877 № 168.

волюція. Римскій католицизмъ своимъ внѣшнимъ, навязываемымъ единствомъ приводилъ и приводитъ людей къ насильственному разрушенію единства—къ революціи. Вотъ почему лучшіе изъ старокатоликовъ своимъ противодѣйствіемъ папству имѣютъ въ виду разрушить внутренній источникъ революцій для римско-католическихъ народовъ. Протестантизмъ же, провозгласивъ свободу личной вѣры и личнаго убѣжденія, упустилъ изъ виду объединяющій элементъ любви, безъ коего личная вѣра должна почитаться мертвою, объявилъ разрозненность личныхъ вѣрованій нормальнымъ состояніемъ человѣчества и тѣмъ не только осудилъ всякое стремленіе къ единству, но и узаконилъ его отсутствіе—революцію. Между тѣмъ, узаконивъ революцію въ основѣ всякой разумно-нравственной дѣятельности, т. е. въ сферѣ вѣры, онъ самую эту дѣятельность старался вогнать въ извѣстныя рамки и съ этою цѣлію непослѣдовательно организовался въ церковь, обосновавъ ее не на общей вѣрѣ, не на общихъ стремленіяхъ, чего въ немъ нѣтъ и не должно быть, а на началѣ утилитарности или пригодности. Сознаніе этого противорѣчія между принципіальнымъ отрицаніемъ всякаго авторитета и безпринципнымъ проведеніемъ его въ жизнь проникаетъ все больше и больше въ массу искреннихъ протестантовъ и служитъ главнымъ признакомъ того, что и на вѣсахъ протестантизма происходятъ нынѣ уже послѣдніе размахи, за которыми послѣдуетъ рѣшительный ударъ, подобный по результатамъ ватиканскимъ громамъ.

Близкое паденіе папства указывалось, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что сознаніе опасности отъ дальнѣйшаго развитія его принциповъ проникло и въ души нѣкоторыхъ искреннихъ католиковъ, начавшихъ воспѣвать прошедшую славу и величіе католицизма, какъ бы желая тѣмъ сказать, что онъ прекрасенъ только на полдорогѣ, а не въ полномъ развитіи; но большинство другихъ, столь же, быть можетъ, искреннихъ и во всякомъ случаѣ болѣе послѣдовательныхъ, католиковъ считало своею нравственною обязанностію вести дѣло, въ будущность котораго вѣрилось, до его крайнихъ послѣдствій.

Точно также и въ протестантизмѣ есть личности, видящія все прекрасное въ его прошедшемъ и подымающія крики отчаянія за его будущее. Тѣмъ, что для католицизма были: Шатобріанъ, Ламене, Лакордеръ и Монталамберъ, для протестантизма являются: Вине, Моно, Мерль д'Обинье, Эд. де Прессансе и Ев. Берсье. Но, подобно дѣятельности первыхъ и дѣятельность послѣднихъ, есть въ сущности не иное что какъ вспышка потухающей лампы, какъ послѣднее напряженіе силъ предсмертной агоніи. Это потуханіе лампы, эта предсмертная агонія совершается въ душахъ большинства другихъ, столь же, можетъ быть, искреннихъ, протестантовъ и въ силу именно самой ихъ искренности, — и никакія вспышки и напряженія силъ не въ состояніи предотвратить рѣшительный конецъ.

II.

Указавъ общее направленіе религіозно-общественной жизни на западѣ, мы обратимся сначала къ выдающимся явленіямъ въ мірѣ римско-католическомъ, высказывая наши впечатлѣнія отдѣльно по каждому изъ нихъ.

Констанцскій конгрессъ.

(Письма въ Москов. Вѣдом.)

Констанцъ.

29-го Августа (10-го Сентября) 1873 г.

Извѣстно, что Кельнскій конгрессъ, равно какъ и предшествовавшій ему Мюнхенскій, были официальнымъ выраженіемъ старокатолическаго движенія только въ предѣлахъ Германской имперіи. Потому и рѣшенія этихъ двухъ конгрессовъ касались положенія старокатоликовъ въ одной Германіи и были обязательны только для тѣхъ изъ нихъ, которые такъ-сказать официально, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій и чрезъ посредство правильно уполномоченныхъ представителей въ комитетахъ

и конгрессахъ, присоединились къ этому движенію. Правда, и здѣсь было много лицъ изъ другихъ странъ, какъ-то: Австріи, Швейцаріи, Франціи, Италіи и даже Испаніи, но они являлись выразителями только своихъ личныхъ мнѣній. Даже предсѣдатель этихъ двухъ конгрессовъ, профессоръ Шульте изъ Праги, единогласно выбранный собраніемъ, находился тутъ не какъ уполномоченный отъ какой-либо австрійской общины, а какъ членъ одного изъ комитетовъ, возбудившихъ движеніе въ самомъ его началѣ. Прямою задачей этихъ конгрессовъ было выработать руководительныя начала для организаціи національно-нѣмецкой католической церкви, вполнѣ независимой отъ Рима, и пріискать средства къ немедленному ея устройству. Мюнхенскій конгрессъ опредѣлилъ образовать старокатолическіе приходы съ наличными священниками, отрицающими опредѣленія Ватиканскаго собора. Кельнскій конгрессъ, продолжая это дѣло, провелъ далѣе рѣшенія Мюнхенскаго, принявъ новыя постановленія относительно выбора, посвященія и государственнаго положенія независимаго отъ папы представителя этой церкви—епископа. Дисциплинарные и догматическіе вопросы, при полномъ сознаніи неотложности ихъ рѣшенія, оба конгресса, не признавая за собою церковно-канонической компетентности, должны были отложить до времени учрежденія церковно-іерархическихъ властей. Избраніемъ въ нынѣшнемъ году старокатолическаго епископа, посвященіемъ его въ Утрехтской церкви и опредѣленіемъ его положенія къ государству и въ государствѣ, казалось бы, почти исчерпана программа образованія національно-нѣмецкой католической церкви. Вопросы же объ учрежденіи синода, на подобіе Аѳинскаго въ Греціи, о способѣ приготовленія будущихъ пастырей и т. п. могли бы быть, какъ дополненіе этой національно-церковной программы, рѣшены самими Нѣмцами безъ посторонняго вмѣшательства. Между тѣмъ это-то и поставлено главною задачей собирающагося въ настоящее время въ Констанцѣ третьяго старокатолическаго конгресса, и даже присутствіе Швейцарцевъ не лишитъ его національно-

нѣмецкаго характера и не расширитъ его программы, хотя по смыслу приглашенія предполагалось офиціальное участіе на немъ уполномоченныхъ представителей швейцарскихъ старокатоликовъ. Что къ праху Гуса Швейцарцы могли придти не затѣмъ только, чтобъ учиться у Нѣмцевъ сдѣлать первые шаги въ дѣлѣ религіозно-церковнаго возрожденія своей родины, это мы увидимъ изъ самаго хода старокатолическаго движенія въ Швейцаріи.

Возникши позже чѣмъ въ Германіи, а именно въ октябрѣ и ноябрѣ прошлаго года, и обнаружившись сначала на двухъ отдѣльныхъ пунктахъ, по двумъ различнымъ поводамъ и на двухъ разныхъ историческихъ и бытовыхъ основаніяхъ швейцарское движеніе расширилось, развилось вполнѣ независимо, особо, охватило почти все католическое населеніе Союза, такъ какъ къ кантонамъ Женевы и Базеля присоединился католическій приходъ города Цюриха, въ силу своихъ мѣстныхъ правъ изгнавшій священника-паписта и пригласившій на его мѣсто профессора Михелиса, одного изъ выдающихся двигателей старокатолическаго дѣла въ Германіи. На дняхъ къ этому движенію пристало множество священниковъ, возмущенныхъ заявленными президенту Союза антипатріотическими попытками нѣкоторыхъ швейцарскихъ духовныхъ. Сентъ-Галленъ готовъ разорвать связь со своимъ епископомъ, утвердивъ громаднымъ большинствомъ законъ о погребеніи, принятый предъ тѣмъ законодательнымъ собраніемъ и подвергшійся всеобщему голосованію по происками ультрамонтанъ. Собравшись въ Ольтенѣ 19-го (31-го) августа, Швейцарцы рѣшили вопросъ объ учрежденіи національнаго епископата и о приготовленіи будущихъ пастырей. Такъ какъ при обсужденіи этихъ вопросовъ находились и уполномоченные отъ разныхъ кантональныхъ правительствъ и такъ какъ самое движеніе получило характеръ чисто-народный, то опредѣленіе государственнаго положенія будущаго епископа не представитъ затрудненія. Вслѣдъ затѣмъ Ольтенское собраніе, обезпечивъ судьбу своей національной церкви, приступило къ обсужденію вопросовъ, въ кото-

рыхъ швейцарскіе делегаты должны будутъ принять участіе на конгрессѣ. Первымъ словомъ его въ этомъ отношеніи было то, что швейцарскіе делегаты могутъ участвовать на конгрессѣ лишь въ обсужденіи вопросовъ, касающихся всей церкви вообще, внѣ національныхъ особенностей ея администраціи и положенія въ томъ или другомъ государствѣ. Такая программа значительной части официальныхъ представителей на конгрессѣ должна была бы дать его преніямъ обще-каѳолическій характеръ.

Констанцъ

31-го Августа (12-го Сентября) 1873 г.

Отправивъ къ вамъ предъидущее письмо, я прямо изъ почтамта пошелъ въ палату собора. Зданіе помѣщается на берегу самаго озера. Это продолговатый четырехъугольный каменный домъ въ два этажа съ высокою деревянною крышей и окнами въ нѣсколько ярусовъ. Нижній этажъ занятъ нынѣ подъ сарай желѣзной дороги, на чердакахъ находятся какія-то помѣщенія, а второй этажъ и есть та самая палата, гдѣ въ тысяча четырехъ сотыхъ годахъ происходили предварительныя засѣданія Констанцскаго собора. Судя по внѣшности зданія, трудно было бы ожидать найти въ немъ приличную залу, хотя низкій съ обнаженными балками потолокъ ея, опирающійся на два ряда колоннъ, и придаетъ ей нѣсколько сумрачный видъ. У одной изъ продольныхъ стѣнъ, по самой срединѣ, устроена трибуна для ораторовъ, и у ея подножія стоитъ стулъ и столъ для предсѣдателя. Трибуна покрыта матеріею цвѣтовъ Германской имперіи и Баденскаго герцогства и уставлена цвѣтущими растеніями. Кромѣ того, цвѣтами же украшены углы залы, а въ промежуткахъ по стѣнамъ развѣшаны германскіе и баденскіе флаги. Предъ трибуной и вокругъ президентскаго мѣста стоятъ въ нѣсколько рядовъ простыя деревянныя скамьи. На остальномъ же пространствѣ залы, во всю ея длину, тянутся между колоннами два ряда столовъ, составленныхъ вмѣстѣ и

покрытыхъ скатертью. Тамъ и сямъ сидятъ понаѣхавшіе делегаты, толкуя между собою. Такой видъ представляла палата собора, когда я вошелъ въ нее вечеромъ за часъ до времени, назначеннаго для предварительнаго обмѣна мыслей съѣхавшихся представителей. Осмотрѣвшись ближе, я замѣтилъ въ простѣнкахъ между окнами нѣсколько (такъ какъ не всѣ еще простѣнки заняты) новѣйшихъ фресокъ. Всѣ онѣ имѣютъ отношеніе или къ событіямъ собора, или къ подвигамъ Констанцевъ въ борьбѣ за свою свободу. Изъ первыхъ двѣ представляютъ дѣло Гуса: на одной Гусъ въ рясѣ греческаго священника оправдывается предъ соборомъ и самимъ императоромъ и много величественнаго въ движеніи этой приподнятой руки съ широкимъ рукавомъ рясы; на другой Гусъ уже на кострѣ, и при этомъ удачно передано движеніе ноги, которая первая почувствовала дѣйствіе разгоравшагося пламени. Въ ожиданіи начала засѣданія я помѣстился около одного изъ столовъ, а очутившійся возлѣ меня Нѣмецъ-Австріякъ взялся по мѣрѣ увеличенія толпы въ залѣ указывать мнѣ unsere Grössen. Вотъ Шульте, вотъ Губеръ, Фридрихъ, Кноодтъ и др. Вдругъ водворилась полная тишина. Сидѣвшіе мгновенно встали, а ходившіе по залѣ тотчасъ же остановились. „Herr Bischof!“ пронеслось шепотомъ по палатѣ, и чрезъ безмолвную толпу, пожимая руки направо и налѣво, прошла симпатичная личность перваго германскаго независимаго отъ Рима епископа Іосифа-Губерта Рейнкенса. Трогательно вниманіе къ нему бывшихъ его товарищей и по профессорству, и по дѣлу движенія. Его и въ частныхъ разговорахъ, и въ офиціальныхъ обращеніяхъ иначе не называютъ какъ Herr Bischof; при его входѣ всѣ встаютъ, и водворяется на время тишина; при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ всѣ снимаютъ шляпы. Между тѣмъ палата становится все полнѣе и полнѣе. Старые знакомые ведутъ между собой бесѣду, и дѣлаются новыя знакомства.

Вотъ президентъ мѣстнаго комитета, Физиръ, занимаетъ предсѣдательское мѣсто, и колокольчикъ проситъ вниманія. Всѣ остаются, гдѣ кто былъ. Съ своего мѣ-

ста президентъ отъ имени города и комитета принесъ гостямъ поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ и, сказавъ нѣсколько словъ о Констанцѣ, гдѣ соборъ 1415 года смѣнилъ трехъ папъ и назначилъ самъ четвертаго, нашелъ въ этомъ оправданіе для нынѣшняго движенія и заключилъ рѣчь приглашеніемъ собранія произнести епископу троекратное: „Hoch!“ Наступилъ интервалъ обыкновеннаго шума и разговоровъ, пока не раздался снова звонокъ президента, занявшаго опять свое мѣсто; за нимъ на трибунѣ появилась столь типичная фигура англиканскаго клерджимена. Это былъ епископъ альбанскій изъ Америки. Онъ говорилъ объ участіи, какое въ старокатолическомъ движеніи принимаетъ американо-англиканская церковь. Изъ рѣчи на англійскомъ языкѣ для многихъ были понятны только слова: „communion“ и „intercommunion“, на которыя епископъ не скупился; но и этого было достаточно, чтобы въ концѣ довольно длинной рѣчи собраніе единодушно воскликнуло *Bravo*. Послѣ новаго промежутка, при звонкѣ президента на трибуну взошелъ нашъ отецъ протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ и на нѣмецкомъ языкѣ сказалъ вѣское слово о томъ, что мы Русскіе сочувствуемъ старокатолическому движенію безъ заднихъ мыслей и не жертвуя своими вѣрованіями, ибо видимъ въ немъ лишь развитіе того понятія о каѳоличествѣ, какое мы сами имѣемъ и за которое намъ первымъ объявилъ войну Римъ, и потому участники этого движенія вполнѣ могутъ разсчитывать на наше содѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ найдено возможнымъ. Это вѣское заявленіе вызвало громъ восклицаній и рукоплесканій. Сходя съ каѳедры отецъ Васильевъ былъ встрѣченъ епископомъ Рейнкенсомъ, который, благодаря его, сказалъ: „Да, мы выходимъ на почву, на которой скоро сойдемся съ вами“. Этотъ поступокъ сдержаннаго по отношенію къ другимъ ораторамъ епископа обратилъ на себя вниманіе всѣхъ. Затѣмъ съ трибуны раздался голосъ профессора Гольцмана, одного изъ членовъ самой крайней партіи въ протестантизмѣ. Поздравленія и благожеланія его мотивировались, конечно, соображеніями гуманно-фи-

лософскими. Поговоривъ о невозможности христіанской и нехристіанской, а тѣмъ болѣе католической и некатолической науки, Гольцманъ замѣтилъ, что есть только одна наука и что, стало быть, только на ея почвѣ можетъ послѣдовать то примиреніе, которое старокатолики поставили на своемъ знамени. Въ заключеніе было сказано нѣсколько словъ и еще объ одномъ могучемъ средствѣ объединенія—во имя христіанскаго чувства, до котораго такъ охочи протестанты на словахъ и котораго у нихъ большею частію мало на дѣлѣ. По изящности формы и по серіозности содержанія хороша была французская рѣчь аббата Мишо. Онъ говорилъ объ ужасномъ для спасенія душъ terreur blanche, который царитъ теперь во Франціи вмѣсто commune rouge. Паломничество, въ которомъ пользуются религіею только какъ предлогомъ для цѣлей политики, онъ превосходно обрисовалъ въ немногихъ, но рѣзкихъ словахъ. Въ виду закона, недозволяющаго безъ разрѣшенія полиціи собраній, если они восходятъ свыше 20 человѣкъ, и въ виду невозможности получить это разрѣшеніе, старокатолики Франціи лишены средствъ участвовать въ церковной молитвѣ. Отсюда невозможность распространенія этимъ путемъ истинныхъ религіозныхъ вѣрованій. Средствомъ для этого является теперь только ученое изслѣдованіе и популярное изложеніе въ книгахъ. Рѣчь свою авторъ закончилъ тѣмъ, что, несмотря на ультрамонтанскую окраску политическо-религіознаго состоянія Франціи, несмотря затѣмъ на индифферентизмъ съ одной стороны и на безбожіе съ другой, есть еще во Франціи люди, проникнутые истинно христіанскими воззрѣніями и ждущіе лишь времени, чтобъ обнаружить ихъ. Послѣ аббата Мишо на трибуну взошёлъ Августинъ Келлеръ, ландманъ изъ Ааргау, въ Швейцаріи, и предводитель старокатолическаго движенія въ Базельской епархіи. Это ораторъ чисто народный. У него всякое слово просто и соединено съ искусствомъ рисовать деревенскимъ языкомъ картины, которыхъ не изобразитъ лучшій стилистъ. Вся рѣчь его была, если такъ можно выразиться, лирическою поэмой въ прозѣ. Рѣчь онъ началъ опи-

саніемъ послѣдняго своего посѣщенія Констанца во времена Священнаго Союза и разсказомъ о томъ, какъ бывшій тогда при немъ учитель познакомилъ его съ исторіею Гуса. Изображеніе тогдашняго состоянія, когда утомленные народы, казалось, ходя спали, и не хотѣли думать ни о чемъ, и когда съ ними и правительства въ упоеніи отъ благъ Священнаго Союза, казалось, готовы были кричать: „Стой, солнце, и не движись, луна!“ и затѣмъ почти дикое восклицаніе: „Нѣтъ, ничто не стоитъ, все идетъ, vorwärts! vorwärts!“—да это стоитъ урока исторіи. Затѣмъ, представивъ Римъ старою колдуньей, запутавшею что-то въ клубокъ нитей хитросплетенія и хвастающеюся этимъ чѣмъ-то, онъ указалъ, какъ нѣмецкій здравый смыслъ распуталъ сразу этотъ клубокъ и вытащилъ оттуда звѣрька, не переносящаго дневнаго свѣта. Этотъ звѣрекъ—непогрѣшимость. Вся палата задрожала отъ криковъ и рукоплесканій. За ландманомъ говорилъ епископъ Рейнкенсъ. Слово его было—благодарность за вниманіе и христіанскія пожеланія. При крикахъ: „Unser Bischof lebe hoch, hoch, hoch!“ всѣ покинули палату собора, чтобъ отдохнуть съ дороги.

Нынѣшній первый день третьяго старокатолическаго конгресса, и по предмету засѣданій, и по ихъ характеру, можно назвать исключительно нѣмецкимъ, потому что разсматривался, какъ я вамъ писалъ, проектъ организаціи приходовъ и епархіи; засѣданія длились: утреннее отъ 9 до 12, а послѣобѣденное отъ 3 до 8.

Засѣданія конгресса въ залѣ театра открылъ также президентъ мѣстнаго комитета. По его предложенію, предсѣдателемъ конгресса и на этотъ разъ выбранъ также профессоръ Шульте изъ Бонна. Занявъ мѣсто, президентъ обратился къ собранію съ рѣчью о значеніи Констанцскаго собора и, какъ на причину неудовлетворительности его дѣяній, указалъ на принятое имъ для себя правило: „Divide et impera!“ Старокатолическое движеніе, исходя изъ другихъ началъ, при помощи Божіей можетъ надѣяться на иные результаты. Въ доказательство этого онъ указалъ на фактъ присутствія среди нихъ собственнаго епископа, которому по этому

случаю снова провозглашено троекратное: „Hoch!“ Затѣмъ президентъ, разсказывая о перипетіяхъ дѣла по избранію, посвященію и государственному положенію епископа, сдѣлалъ такимъ образомъ конгрессу отчетъ о движеніи за прошедшій годъ и вмѣстѣ извѣстилъ, что государственное положеніе новаго епископа обезпечено по отношенію къ Пруссіи. Вотъ ходъ и состояніе этого дѣла. При началѣ переговоровъ князь Бисмаркъ заявилъ требованіе, чтобъ избранъ былъ епископомъ человѣкъ благонадежный въ глазахъ правительства, чтобы старокатолики доказали отсутствіе всякихъ политическихъ элементовъ въ ихъ движеніи, и чтобъ они обѣщались своими реформами не давать повода къ сомнѣнію въ ихъ католицизмѣ. Вслѣдствіе утвердительнаго отвѣта прусское правительство, по словамъ президента, обѣщалось признать новаго епископа, и сей послѣдній скоро будетъ имѣть въ рукахъ офиціальный документъ этого признанія. Другія германскія правительства, есть надежда, пойдутъ по тому же пути. Въ концѣ отчета сообщены были статистическія данныя, которыя для большей увѣренности взяты минимумомъ. По этому отчету число всѣхъ старокатоликовъ въ Германской имперіи 50,000. Сказавъ нѣсколько словъ о безполезности прочитывать въ засѣданіи посланія отъ разныхъ лицъ и получивъ отъ конгресса уполномочіе отвѣтить всеобщему евангелическому союзу на просьбу его президента прислать въ Америку нѣсколькихъ человѣкъ, которые бы могли познакомить Американцевъ съ старокатолическимъ движеніемъ въ Германіи, Шульте предложилъ собранію предоставить слово гостямъ лишь по окончаніи дѣла, къ коему и приступить сейчасъ же. Такъ-то приступлено было къ разсмотрѣнію помянутаго мною проекта.

Чтобы лучше передать вамъ содержаніе принятаго нынѣ проекта, начну съ организаціи прихода. Онъ составляется изъ заявившихъ себя старокатоликами и желающихъ содержать нужный причтъ. Сей послѣдній состоитъ изъ священника, выбираемаго общимъ собраніемъ прихода, но назначаемаго епископомъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ каноническихъ, образовательныхъ и государ-

ственныхъ условій и отрѣшаемаго лишь по опредѣленію синодальнаго собранія,—это съ одной стороны; съ другой онъ состоитъ изъ выбираемыхъ также общимъ собраніемъ прихода церковныхъ совѣтниковъ, числомъ не меньше 6 и не больше 18, смотря по приходу. Въ общемъ собраніи прихода рѣшаются всѣ дѣла, касающіяся этихъ избраній и церковнаго хозяйства. Причтъ же является лишь исполнителемъ этихъ рѣшеній. Каждый приходъ выбираетъ на опредѣленныхъ условіяхъ представителей въ синодальное собраніе, коего членами по праву являются, кромѣ того, всѣ духовные епархіи, а предсѣдателемъ епископъ. Синодальное собраніе выбираетъ изъ себя синодальную управу, которая вмѣстѣ съ епископомъ и подъ его предсѣдательствомъ приводитъ въ исполненіе постановленія собранія. Синодальное собраніе созывается въ извѣстные сроки епископомъ и управой; впрочемъ, управа и епископъ могутъ созвать и экстренное собраніе. Епископъ все дѣлаетъ совмѣстно съ управой и подчиняется рѣшенію синодальнаго собранія во всемъ. Устранить своею властію священника съ прихода онъ не можетъ. Въ случаяхъ необходимости онъ имѣетъ право только запретить виновному совершать богослуженіе до предстоящаго синодальнаго собранія. Пренія не представляли никакого интереса. Проектъ принятъ, какъ онъ былъ предложенъ. Характеристична была поправка, предложенная новымъ епископомъ къ тому параграфу, по которому всякому духовному въ епархіи предоставляется право быть членомъ синодальнаго собранія. Одни хотѣли предоставить это право только приходскому духовенству; другіе возстали противъ этого. Желая примирить обѣ партіи, епископъ Рейнкенсъ предложилъ даровать это право всѣмъ духовнымъ, находящимся съ согласія епископа въ епархіи. Но противъ этой поправки возстали и тѣ, и другіе, особенно профессоръ Фридрихъ. Вотъ вамъ сущность проекта. По словамъ профессора Фридриха, при образованіи нѣсколькихъ епархій имѣетъ быть устроенъ еще провинціальный синодъ.

Констанцъ.

13-го (1-го) сентября 1873 г.

Сегодня съ 9 до 12 часовъ утра происходило третье и послѣднее делегатское засѣданіе старокатолическаго конгресса. Принятіемъ проекта объ организаціи приходовъ и епархій конгрессъ положилъ, такъ-сказать, послѣдній камень въ зданіе Германской старокатолической церкви. Имѣя іерархію съ епископомъ и при немъ представительство изъ мірянъ для участія въ дѣлахъ церковныхъ, старокатолицизмъ глубоко сознаетъ потребность вступить въ общеніе съ другими христіанскими церквами и стремится удовлетворить ей. Вотъ почему вожди старокатолическаго движенія еще на Мюнхенскомъ и Кельнскомъ конгрессѣ посвятили не мало труда обсужденію и этого важнаго вопроса. Но одного стремленія къ общенію съ христіанскими церквами недостаточно, для этого необходимо изучить другъ друга. Понятно, что такое изученіе излишне для церквей, возникшихъ одинаковымъ образомъ и по одному и тому же поводу. По отношенію къ Германской церкви такова вновь образующаяся церковь Швейцарская. Приглашая въ Констанцъ офиціальныхъ делегатовъ этой еще формирующейся церкви, конгрессъ не имѣлъ намѣренія совокупнымъ съ ними обсужденіемъ вопросовъ, касающихся внутренней организаціи только Германской церкви, пріобрѣсть право участвовать въ обсужденіи такихъ же вопросовъ и Швейцарской церкви. Конгрессъ этимъ хотѣлъ показать, что возникающая Швейцарская церковь, какъ скоро она получитъ полную церковную организацію, вступитъ тотчасъ въ общеніе съ церковью Германскою, такъ какъ онѣ знаютъ одна другую. Такъ поняли свое положеніе на конгрессѣ и сами Швейцарцы. Но не въ такомъ положеніи находятся старокатолики къ другимъ существующимъ церквамъ. Поэтому въ послѣднемъ засѣданіи конгресса внесено было предложеніе вступить въ сношеніе съ другими церквами, имѣя въ виду единеніе съ ними, и это дѣло предоставить епископу Германской церкви и состоящему подъ его предсѣдательствомъ сино-

дальному управленію, подраздѣливъ существующую при нихъ уже съ прошлаго конгресса коммиссію на нѣсколько субкоммиссій. Съ этою цѣлію профессоръ Михелисъ предложилъ учредить двѣ субкоммиссіи: одну при мюнхенскомъ комитетѣ для сношеній съ Востокомъ, а другую—въ Боннѣ для сношеній съ церквами Запада, и настаивалъ, что въ вѣкъ движенія паромъ и электричествомъ стыдно медлить изученіемъ хотя бы и Россіи. Учрежденіе субкоммиссій по мысли Михелиса,—особенно же по отношенію къ Россіи,—прекрасными доводами поддерживалъ профессоръ Губеръ изъ Мюнхена. Въ виду намѣренно-искаженныхъ ультрамонтанскихъ извѣстій о положеніи православной церкви въ Россіи и католической—въ Польшѣ, Губеръ находилъ вполнѣ необходимымъ созданіе особаго органа для ознакомленія съ церковнымъ дѣломъ въ истинно-дружественномъ государствѣ. Но вслѣдствіе заявленія секретаря мюнхенскаго комитета, профессора Фридриха, о физической невозможности для него справиться съ дѣломъ, если все оно будетъ возложено только на мюнхенскій комитетъ безъ образованія отдѣльной коммиссіи, президентъ конгресса и епископъ заявили, что синодальнымъ управленіемъ будетъ сдѣлано все возможное для устройства означенныхъ коммиссій, и это предложеніе временнаго синодальнаго управленія было принято безъ измѣненія. Затѣмъ принято было возбудившее большія пренія предложеніе о воззваніи отъ лица конгресса ко всѣмъ старокатоликамъ о пожертвованіи для составленія фонда на вспоможеніе студентамъ богословскаго факультета въ Боннѣ, объявившаго себя старокатолическимъ. Далѣе одобрено безъ преній предложеніе о возложеніи на синодальное управленіе обязанности составлять и обнародывать списки полезныхъ для старокатолическаго движенія книгъ. Потомъ предсѣдателемъ прочитанъ въ видѣ сообщенія составленный коммиссіей отъ имени конгресса отвѣтъ *всеобщему евангелическому союзу* въ Нью-Йоркѣ на извѣстное его предложеніе, и отвѣтъ тутъ же былъ подписанъ епископомъ, президентомъ и вице-президентами конгресса. Этотъ отвѣтъ: исповѣ-

данiе вѣры старокатоликовъ. По окончанiи такимъ образомъ всѣхъ дѣлъ, президентъ сталъ приводить бумаги въ порядокъ, а, чтобы занять собранiе, пока предоставилъ слово какому-то гостю-Венгерцу. По виду военный человѣкъ и по физiономiи скорѣе похожiй на Грека изъ отряда какого-нибудь Колокотрони, Венгерецъ взошелъ на каѳедру и тамъ, спрятавшись въ цвѣтахъ, сталъ читать что-то на языкѣ Гете и Шиллера, произнося слова венгерскимъ акцентомъ. Читанное имъ было нѣчто мистическое, чуть ли не пророчество Апокалипсиса о настоящемъ конгрессѣ. Делегаты, утомленные чтенiемъ, одинъ за другимъ начинаютъ оставлять залу, и скоро образовалась цѣлая процессiя тянущихся къ двери. Тогда президентъ, предвидя, что ему самому придется остаться единственнымъ слушателемъ неистощимаго оратора, рѣшается воспользоваться своимъ правомъ отнять слово. По отношенiю къ делегатамъ это не трудно: черезъ десять минутъ не кончилъ, сходи съ трибуны. Но къ гостю какъ примѣнить это правило, не обижая его? Долго посматривалъ президентъ съ своего мѣста на трибуну и наконецъ сказалъ: „Регламентъ запрещаетъ президенту давать кому бы то ни было слово болѣе чѣмъ на 10 минутъ. Ваша рѣчь.... ахъ! вотъ ваша тетрадка, дайте мнѣ ее... ваша рѣчь будетъ непремѣнно напечатана въ актахъ конгресса“. При оглушительныхъ рукоплесканiяхъ сошелъ съ трибуны обласканный Венгерецъ-Грекъ. По выслушанiи затѣмъ коротенькой рѣчи одного англиканскаго священника и по принятiи рѣшенiя, чтобы дѣло о необходимости новыхъ конгрессовъ, ихъ созванiи и мѣстѣ собранiя оставить на прежнемъ положенiи, передавъ лишь его въ вѣдѣнiе синодальнаго управленiя, имѣющаго замѣнить собой всѣ временные комитеты, президентъ конгресса всталъ произнести заключительную рѣчь. Первое его слово было благодареніе Всевышнему за успѣхъ дѣла полной организацiи церкви. Къ Троицыну дню Германская церковь получитъ окончательную форму, благодаря принятымъ на нынѣшнемъ конгрессѣ мѣрамъ. Пока же пользуясь присутствiемъ епископа и видя въ

немъ іерарха частной Германской церкви, президентъ приглашаетъ конгрессъ выразить свое удовольствіе окончанію дѣла троекратнымъ „Hoch!“ епископу Германіи, Іосифу-Губерту Рейнкенсу. Тому же обстоятельству, что до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано въ пользу Германской церкви правительствами, по мнѣнію президента, нужно радоваться, такъ какъ это дало возможность доказать, что̀ можетъ сдѣлать истинная вѣра, находящая себѣ опору въ христіанской любви, а не въ помощи юристовъ. А теперь и юристы могутъ быть полезны, и у Германской церкви скоро будетъ то, что̀ ей не достаетъ: признаніе ея государствомъ. Перейдя къ вопросу о единеніи церквей, президентъ сказалъ нѣсколько трогательныхъ словъ объ отношеніи Германской церкви къ Утрехтской, указалъ на несбывшіяся надежды злорадныхъ ультрамонтанъ, видѣвшихъ въ смерти архіепископа утрехтскаго, послѣдовавшей въ самый день избранія Рейнкенса, перстъ Божій, разрушающій дѣло старокотоликовъ, и предложилъ въ молчаніи встать въ честь покойнаго іерарха. Поблагодаривъ епископа Утрехтской церкви, рукоположившаго Рейнкенса, предсѣдатель обратился съ словомъ признательности къ представителямъ прочихъ церквей, особенно Русской. Послѣ рѣчи президента, конгрессъ, выражая ему благодарность, поднялся при крикахъ „Hoch“!

Констанцъ.

14-го (2-го) сентября 1873 г.

Публичныя засѣданія старокатолическихъ конгрессовъ имѣютъ цѣлію популяризовать начала, руководящія этимъ движеніемъ. По окончаніи делегатскихъ засѣданій, первое публичное засѣданіе нынѣшняго конгресса назначено было въ субботу, 13-го (1-го) сентября, въ три часа пополудни въ палатѣ собора. Зала вмѣщала свыше 3,000 человѣкъ. Кресла у президентскаго стола заняты были: президентомъ конгресса, профессоромъ Шульте, епископомъ Рейнкенсомъ и однимъ изъ вице-президентовъ конгресса; по краямъ стола сидѣли

бургомистръ Констанца и президентъ мѣстнаго старокатолическаго комитета. Открывъ засѣданіе нѣсколькими словами благодарности городу и лично его бургомистру и предсѣдателю мѣстнаго комитета, докторъ Шульте далъ слово одному изъ священниковъ Утрехтской церкви. Ломанымъ голландско-нѣмецкимъ, но понятнымъ языкомъ, онъ разказалъ объ отношеніяхъ Утрехтской церкви къ Германской и заключилъ просьбой, при реформахъ, которыя предполагаются въ новой церкви, не покидать католической почвы. Послѣ него на трибуну взошелъ Цоленъ изъ Крефельда, чтобъ указать на ту дѣятельность, какую обнаруживаютъ въ журналистикѣ ультрамонтаны, и чтобы рекомендовать собранію чтеніе произведеній болѣе здоровой кухни. За нимъ трибуну занялъ одинъ изъ швейцарскихъ делегатовъ, Веберъ изъ Люцерна. Выразивъ благодарность за приглашеніе на конгрессъ и симпатіи Швейцаріи къ германскому движенію, онъ изложилъ вкратцѣ результаты старокатолическаго движенія въ Швейцаріи. Признавъ въ этомъ дѣлѣ вліяніе Германіи на Швейцарію, ораторъ при этомъ замѣтилъ, что въ этихъ результатахъ послѣдняя ушла дальше первой, но только въ политическомъ отношеніи, въ отношеніи этого движенія къ государству, и отдалъ преимущество Германіи въ дѣлѣ чисто-религіознаго развитія. Указавъ на слухи журналовъ о желаніи Германіи присоединить къ себѣ Швейцарію, онъ открылъ источникъ этихъ слуховъ въ лагерѣ ультрамонтанъ-мермильйодистовъ. Ораторъ радъ былъ видѣть, что единеніе между Швейцаріей и Германіей идетъ быстрыми шагами съ обѣихъ сторонъ. Далѣе, съ трибуны раздались слова маленькаго и невзрачнаго, но вертляваго и крикливаго человѣчка, профессора Мессмера изъ Мюнхена. Цѣль его была представить въ смѣшномъ видѣ злоупотребленія ультрамонтанъ христіанскимъ культомъ. Къ сожалѣнію, почтенный профессоръ не умѣлъ хорошо выбрать предметъ посмѣянія и не всегда оставался въ предѣлахъ приличія. Нѣмцы апплодировали до изступленія, называя это саркастическимъ; но свѣжему человѣку просится на

языкъ совсѣмъ другое слово. На этомъ прервано было засѣданіе, чтобы дать время въ этой же палатѣ приготовить столы къ обѣду. За него сѣло до 200 делегатовъ и гостей. Русскіе гости были тутъ же. Отношеніе всѣхъ вождей движенія, а затѣмъ всего конгресса къ Русскимъ, и особенно къ нашему отцу Іосифу Васильевичу Васильеву, а также и къ аббату Мишо, было самое радушное. Ихъ третировали какъ своихъ. Такъ какъ обѣдъ нѣкоторымъ образомъ былъ продолженіемъ засѣданій, то вы, можетъ быть, не безъ интереса прочтете отчетъ и объ этомъ своеобразномъ засѣданіи. Да онъ и не великъ. Вниманіе всѣхъ за обѣдомъ было занято рѣчью отца Васильева. Поздравивъ конгрессъ съ достиженіемъ полной организаціи Германской церкви, отецъ Іосифъ замѣтилъ, что эта организація носитъ въ себѣ черты апостольскія и основана на тѣхъ же началахъ, которыя всегда признавала и понынѣ признаетъ Церковь Восточная. Вы имѣете въ вашемъ епископѣ выразителя вашей общей вѣры, вашей любви. Ваша жизнь слита съ нимъ. Дай Богъ, чтобы вы всегда могли, какъ вы можете это теперь, говорить словами древнихъ актовъ объ избраніи епископовъ: Мы избрали себѣ *мужа по сердцу своему*. Участіе мірянъ въ управленіи церковію, принятое вами, даетъ гарантію, что васъ не оставитъ тотъ духъ, который оживляетъ нынѣ малое стадо національной Германской церкви. Но во всякомъ случаѣ практика другихъ должна служить наставленіемъ для тѣхъ, кто думаетъ дѣлать дѣло *солидно*. Новой церкви, вступающей на почву истинной церкви, нужно принять не только ея принципы, но и познакомиться со способами примѣненія этихъ принциповъ въ Церкви Восточной. Епископъ Рейнкенсъ, Кноодтъ и др. обступили оратора, пожимая ему руки и повторяя его слово: *солидно*, съ замѣчаніемъ. что дѣйствительно эту солидность ихъ церковь пріобрѣсти можетъ только отъ поддержки Церкви Восточной.

Въ воскресенье, 14-го (2-го) сентября, утромъ въ 9 часовъ, совершено было торжественное богослуженіе въ церкви Блаженнаго Августина, а съ 3 до 7½ часовъ

происходило второе и послѣднее публичное засѣданіе въ палатѣ собора. Церковь была украшена растеніями и цвѣтами. Надъ входомъ красовались въ зелени слова Евангелія: „Молитесь убо Господину жатвы, да низведетъ дѣлатели на жатву свою“. Пѣлъ любительскій хоръ и очень хорошо. Народу было много. Послѣ Евангелія на каѳедру взошелъ епископъ въ бѣлой срачицѣ съ омофоромъ на плечахъ. Прочитавъ текстъ изъ Апостола: *да не по плоти, а по духу ходимъ*, и изъ дневнаго Евангелія исторію воскрешенія сына вдовы Наинской, онъ развилъ слѣдующую мысль: Іисусъ Христосъ воскресилъ сына вдовы Наинской и воскресилъ его юношею. Тотъ же Іисусъ воскресилъ и маленькое стадо церкви Германской для нашей Матери Святой Каѳолической Церкви и воскресилъ его въ юношеской свѣжести и чистотѣ церкви апостольской. Итакъ, если Христосъ не только воскресилъ насъ, но и совознесъ съ Собою на небеса,— то горняя мудрствуйте, ищите вышняго отечества, идѣ же правда живетъ, и, какъ граждане этого отечества, еще здѣсь на землѣ творите его законы, не по плоти, а по духу ходяще. Публичное засѣданіе открылось блестящею рѣчью профессора Вебера изъ Бреслау. Какъ бы отвѣчая на скромное замѣчаніе говорившаго вчера Швейцарца Вебера о политическихъ результатахъ старокатолическаго движенія въ Швейцаріи, онъ старался выставить важность и этого направленія, находя, что такимъ образомъ Германія и Швейцарія восполняютъ другъ друга и, можетъ-быть, неумышленно до сихъ поръ помогали одна другой. Установивъ такимъ образомъ соотношеніе между религіозною и политическою жизнію, ораторъ перешелъ къ опредѣленію характера дѣятельности церкви. Ея задача столько же воспитательная, сколько и образовательная. Давъ здравое цѣлостное міровоззрѣніе, она дѣлаетъ въ человѣкѣ это міровоззрѣніе рычагомъ его воли, его дѣятельности. Превосходно было его объясненіе словъ Ап. Павла: *Аще языки глаголю, аще тайная вѣмъ вся—любве же не имамъ, ни что же есмь*, въ томъ смыслѣ, что одно знаніе не дѣлаетъ человѣка нравственнымъ. Рѣчь слѣдовавшаго

затѣмъ оратора, баварскаго демократа Фёлька изъ Аугсбурга, была скорѣе политическаго, чѣмъ религіознаго характера. Говоря о старокатолическомъ движеніи, онъ видитъ въ немъ лишь отдѣльный видъ одной и той же исконной вражды или лучше борьбы германизма съ романизмомъ. Къ несчастію, Франція и до сихъ поръ не хочетъ покинуть поле битвы и своимъ положеніемъ только вредитъ дѣлу, которому хотѣла бы служить; а сколько она вредитъ себѣ! стоитъ только посмотрѣть на нынѣшнія паломничества, чтобы видѣть бездну въ какую она можетъ впасть. Тонъ этой рѣчи былъ таковъ, что она рисковала обратить засѣданіе, гдѣ толковали объ общеніи всѣхъ въ вѣрѣ и любви, въ сборище прусскихъ патріотовъ, коихъ національная гордость и ненависть ко всему. что не хочетъ признать насъ первыми, въ своемъ проявленіи едвали уступаютъ французскому шовинизму. На сторонѣ послѣдняго, по крайней мѣрѣ, изящность манеръ, умѣнье позировать и сноровка не бить кого либо плашмя. Не такова внѣшность и манера прусскаго патріота. проф. Фёлька изъ Аугсбурга. Сколько ненависти къ Франціи, сколько посмѣяній надъ растоптаннымъ врагомъ изрекла эта растегнутая и растрепанная личность, бившая кулакомъ по столу, рвавшая на себѣ волосы и ревѣвшая отъ неистовства! И все это по поводу борьбы германизма съ романизмомъ. Въ виду такой разнузданности выраженій ненависти при обсужденіи вопроса любви, сидѣвшіе въ первыхъ мѣстахъ делегатъ изъ Швейцаріи, отецъ Гіацинтъ, и членъ французскаго національнаго собранія, пасторъ Прессансе, оставили залу. Эта рѣчь покрывалась бѣшеными криками и рукоплесканіями всѣхъ: и знаменитыхъ профессоровъ, и толпы. Только епископъ и президентъ сидѣли какъ на шпилькахъ; но тѣмъ не менѣе не нашли возможнымъ остановить оратора въ виду пріема, сдѣланнаго ему всѣми присутствующими. По окончаніи рѣчи, президентъ Шульте, поблагодаривъ оратора, попросилъ собраніе восклицаніемъ засвидѣтельствовать, что Франція ничуть не была задѣта, а тѣмъ болѣе оскорблена. „Наше движеніе не имѣетъ въ себѣ ничего политическаго, сказалъ онъ; но всякій сво-

боденъ разсматривать его съ какой ему угодно стороны". Профессоръ Фридрихъ изъ Мюнхена, занявшій трибуну при оглушительныхъ крикахъ, представилъ собранію популярное изложеніе исторіи возникновенія и развитія догматическихъ притязаній папства, при чемъ указалъ, какія недостойныя мѣры употреблялись для подкрѣпленія ихъ, даже ложь, какъ, напримѣръ, одинъ папа заявлялъ въ посланіи къ епископамъ, что ни одинъ апостолъ, кромѣ Петра, не былъ на Западѣ. Далѣе рѣчь почтеннаго профессора была лишь блестящею популяризаціей истинъ, высказанныхъ въ окружномъ посланіи восточныхъ патріарховъ въ 1848 году относительно неосновательности папскихъ притязаній. Поздравивъ себя и собраніе съ присутствіемъ перваго епископа Германіи, профессоръ выражаетъ радость, что это дѣлаетъ старокатоликовъ независимыми отъ Рима и позволяетъ имъ даже не думать о папѣ. Каноничность новаго епископа не подлежитъ сомнѣнію: его избраніе духовенствомъ и народомъ и полученіе имъ чрезъ рукоположеніе непрерывной въ церкви благодати епископства не отрицаются даже врагами. Принимая все это, они только протестуютъ противъ правъ новаго епископа исполнять свои обязанности безъ согласія папы. Изъ исторіи видно, что, если папа и имѣлъ нѣкую юрисдикцію надъ прочими епископами, то онъ имѣлъ ее по согласію церкви. Своими же притязаніями онъ возсталъ противъ авторитета церкви, на которомъ одномъ онъ могъ бы еще основать свои притязанія не на главенство, а только на первенство; а потому и его авторитетъ, какой бы онъ ни былъ, становится, вслѣдствіе этой оппозиціи источнику всякаго авторитета, ничтожнымъ, не существующимъ. Тотъ же авторитетъ, коимъ папа могъ бы пользоваться съ согласія церкви, не страшенъ никому; но и онъ потерянъ теперь для папы навсегда. Впрочемъ, церковь всегда выражала мнѣніе, что если и удобно имѣть власть примаса, то во всякомъ случаѣ можно обойтись и безъ нея. Такимъ образомъ папа не имѣлъ права обвинять другихъ въ разрушеніи авторитета, когда самъ пытался уничтожить источникъ авто-

ритета. Только что профессоръ Фридрихъ оставилъ трибуну, на ней, при троекратномъ „Hoch!“ явился самъ президентъ конгресса, Шульте. Одному ученику, началъ онъ, на экзаменѣ предложили вопросъ о вездѣприсутствіи Божіемъ. Мальчикъ находилъ это присутствіе вездѣ гдѣ у него спрашивали. Но вотъ ему даютъ вопросъ: „А въ Римѣ?“—„Нѣтъ, отвѣчалъ бойко ребенокъ, тамъ Его намѣстникъ“. Итакъ, почему же Бога нѣтъ въ Римѣ? Отвѣтъ: Римъ, какъ столица имперіи, съ провозглашеніемъ Константиномъ Великимъ христіанства, вмѣсто того, чтобы при новыхъ обстоятельствахъ стараться ввести духъ христіанства въ государственныя учрежденія, самъ усвоилъ себѣ взглядъ и обычаи языческаго государства. Востокъ дѣлился на нѣсколько провинцій: и политической централизаціи тамъ не знали, и обычаи римской конституціи не имѣли для нихъ силы. Западъ же весь составлялъ лишь одну провинцію—римскую или италіянскую съ Римомъ, какъ центромъ и съ обычаями римской цивилизаціи. Поэтому папѣ легко было, пользуясь правомъ епископа митрополіи, признать себя представителемъ всего Запада. Заставивъ молчать народъ, епископы лишили всѣхъ каноническихъ правъ и подвѣдомое имъ духовенство организаціей капитуловъ, наконецъ папа лишилъ епископовъ и ихъ власти,—все это было развито ораторомъ ясно, отчетливо и прекрасно изложено. Послѣднимъ на трибуну взошелъ также при троекратномъ „Hoch!“ епископъ Рейнкенсъ. Изложивъ причины запрещенія Римскою церковію читать мірянамъ Библію, онъ выразился объ этомъ едвали не словами посланія восточныхъ патріарховъ къ англиканскимъ епископамъ и заключилъ свою рѣчь: „Какъ епископъ вашъ, объявляю вамъ, что не существуетъ никакого запрещенія читать священную книгу“. При громѣ рукоплесканій и кликовъ дошелъ епископъ до своего мѣста, и президентъ объявилъ конгрессъ закрытымъ.

Вечеромъ, около 9 часовъ, назначено было интимное собраніе предводителей движенія въ покояхъ епископа. Изъ гостей были приглашены только Русскіе и аб-

батъ Мишо. Всѣхъ собравшихся было 20 человѣкъ, между коими упомянемъ имена: Шульте, Губера, Фридриха, Кноодта, Газенклевера. Почтенный отецъ Васильевъ встрѣченъ былъ самымъ лестнымъ вниманіемъ. За трапезою толковали объ общеніи народовъ и о только что принятомъ рѣшеніи конгресса учредить коммиссію для изученія Востока сообща съ самою Восточною церковью. Въ виду такого направленія собранія, отецъ Васильевъ всталъ и произнесъ рѣчь въ такомъ родѣ: Благо намъ, мы дошли уже до братскаго преломленія хлѣба вмѣстѣ. Не посѣтуйте на насъ, что задолго до этого момента мы принимали участіе, и очень, очень сильное, въ столь богатой трапезѣ вашей учености. Теперь ваша очередь пожаловать къ намъ на пиршество живаго ученія единой нераздѣльной церкви, на почву которой вы всходите и съ пажитей коей мы никогда не сходили. Я уже имѣлъ случай сказать, что мы приходимъ къ вамъ безъ всякой задней мысли. Не духъ прозелитизма влечетъ насъ къ вамъ, а сознаніе, что, работая вмѣстѣ въ вертоградѣ Божіемъ, мы можемъ быть полезны другъ другу. Присутствуя при вашихъ работахъ, мы видѣли, что̀ могутъ сдѣлать вѣра, знаніе и любовь христіанская. Мы имѣемъ полное довѣріе къ вамъ, имѣйте же его къ намъ. Дѣло раздѣленія было легко, а дѣло соединенія будетъ трудно, очень трудно. Сколько предразсудковъ, сколько предубѣжденій предстоитъ преодолѣть. Но мы убѣждены въ вашемъ прямодушіи, а вы въ отсутствіи у насъ всякихъ помысловъ прозелитизма: это соединеніе возможно и вполнѣ возможно. Да благоволитъ Богъ!—Маленькое общество пришло въ волненіе. Обыкновенно сдержанный президентъ конгресса закричалъ: „Vater Wassilief lebe hoch, hoch, hoch!“ Всѣ высказывали, что недостаточно ограничиваться частными привѣтствіями, что нужно вступить въ офиціальныя сношенія съ Церковью Восточною, что учрежденіе при синодальномъ управленіи особой коммиссіи для сношенія съ Россіей поставитъ дѣло на практическую почву, и что эта коммиссія начнетъ свою дѣятельность еще въ нынѣшнемъ году.

Окончу мое длинное письмо описаніемъ прогулки, сдѣланной делегатами и гостями конгресса по озеру до Линдау въ понедѣльникъ. Въ 10 часовъ пароходъ *Kaiser Wilhelm*, имѣя на себѣ до 300 человѣкъ членовъ конгресса и гостей, двинулся по швейцарскому берегу мимо Тироля къ Линдау. Погода была дивная, видъ на Альпы очаровательный, Швабское море (такъ зовутъ здѣсь Констанцское озеро) похоже было на изумрудъ, пальба изъ пушекъ и музыка гремѣли всю дорогу. Когда пароходъ, не останавливаясь проходилъ мимо городовъ и деревень, толпы народа высыпали на берегъ, и видно было каждый искалъ глазами на палубѣ епископа, стараясь отличить его отъ другихъ. При входѣ въ портъ Линдау чрезъ узкія ворота, мы замѣтили стоявшій въ гавани готовый къ отплытію пароходъ, ожидавшій лишь нашего прохода. На немъ никого не было, кромѣ скучившихся на палубѣ и смотрѣвшихъ на насъ человѣкъ десяти католическихъ патеровъ. Всѣмъ пришла мысль, что такъ какъ нельзя по виду отличить старокатолическаго священника отъ римско-католическаго, то хорошо было бы крикнуть: „браво!“ что и послѣдовало. Такъ какъ патеры не отвѣчали на привѣтствіе, то браво съ нашего парохода обратилось въ мирную демонстрацію и сопровождало бѣдныхъ патеровъ до тѣхъ поръ, пока ихъ пароходъ не скрылся. Толпа народа встрѣтила насъ на дебаркадерѣ. Всѣ сняли шляпы предъ епископомъ. Мы направились въ hôtel de Bavière, гдѣ, благодаря распорядительности Констанцскаго комитета, насъ ждалъ уже обѣдъ на 300 кувертовъ. Предъ обѣдомъ распростился я съ отцомъ Васильевымъ и секретаремъ Петербургскаго Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, А. А. Кирѣевымъ, которому я былъ такъ обязанъ содѣйствіемъ при исполненіи принятыхъ мною обязанностей корреспондента. Оба они отправились отсюда въ Мюнхенъ. Обѣдъ прошелъ безъ рѣчей, но говорили много, говорили съ неподражаемою нѣмецкою Gemüthlichkeit. Въ пять часовъ *Kaiser Wilhelm* взялъ насъ снова и повезъ въ Констанцъ другимъ берегомъ. Швабское же море при-

няло видъ дѣйствительнаго моря. Небо было покрыто черными тучами, и вѣтеръ нагонялъ громадныя волны и срывалъ шляпы. Въ каютахъ собралось много народу, пѣли пѣсни изъ Шиллера и Гёте. Но вотъ является профессоръ Кнодтъ. „Стой, кричитъ онъ, безъ троицы домъ не строится. Все Гёте да Шиллеръ, а третье что же? Третье—это нашъ старокатолицизмъ. Что-жъ такое онъ? Онъ—самостоятельное внутреннее развитіе каждой націи, уваженіе къ особенностямъ другихъ націй и общеніе всѣхъ ихъ въ любви и вѣрѣ. Что было бы изъ міра, еслибы все было германизмъ и не существовало бы романизма и другихъ *измовъ?* Да здравствуетъ Франція и пусть развивается въ томъ направленіи, какъ желаетъ ей въ своей рѣчи аббатъ Мишо. „Er lebe hoch, hoch, hoch!“ Все это было сказано съ каламбурами и остротами. Такъ-то, не замѣчая бури, достигли мы благополучно Констанца.

Еще о Констанцскомъ конгрессѣ.

(Статья въ Гражданинѣ, № 4 за 1874 г.).

Въ январѣ 1874 г. разосланъ подписчикамъ и поступилъ въ продажу „Оффиціальный отчетъ о дѣйствіяхъ третьяго старокатолическаго конгресса въ Констанцѣ 1873 г.“ (Der dritte Altkatholiken-Congress in Constanz im Jahre 1873. Stenographischer Bericht. Officielle Ausgabe). Содержаніе этого тома передано было въ свое время корреспонденціями изъ Констанца въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Но одна очень важная черта одного изъ засѣданій конгресса не была доведена до свѣдѣнія православныхъ. Это—рѣчи профессоровъ Михелиса и Грубера съ отзывами о насъ и о нашей церкви, произнесенныя въ засѣданіи депутатовъ въ субботу, 13-го (1-го) сентября 1873 года, когда дѣло шло объ учрежденіи коммиссій для сношеній по вопросу о соединеніи церк-

вей. Эти отзывы заслуживаютъ полнаго вниманія съ нашей стороны. Не было же сказано о нихъ всего, что̀ слѣдовало бы сказать: объ отзывѣ пр. Михелиса—потому, что я пришелъ въ засѣданіе уже послѣ его рѣчи и могъ догадываться о ея смыслѣ только по тому обстоятельству, что предсѣдатель конгресса, пр. Шульте, предполагавшій, что я слышалъ ее, при выходѣ изъ засѣданія, лично просилъ меня не передавать словъ Михелиса о нашей церкви, а объ отзывѣ пр. Грубера—потому, что боялся ошибиться, не надѣясь на свое знаніе нѣмецкаго языка, каковое сомнѣніе поддержали во мнѣ отецъ Васильевъ и г. Кирѣевъ, увѣряя меня, что я не дослышалъ. Послѣ же появленія въ свѣтъ оффиціальнаго отчета о засѣданіяхъ конгресса, и когда православные могли прочесть, какъ отозвались о насъ и о нашей церкви два выдающіеся представителя старокатолицизма, я считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ отзывахъ. Приводимъ ихъ здѣсь въ томъ—конечно, смягченномъ—видѣ, въ какомъ они явились въ оффиціальномъ отчетѣ, изъ-подъ редакціи въ высшей степени осторожнаго президента конгресса. Но и въ этомъ видѣ они все же доступны возраженіямъ.

Вотъ слова пр. Михелиса, какъ они приведены на стр. 145 и 146 отчета: Bisher hat man gewöhnlich versucht, die Einigkeit dadurch wieder herzustellen, dass jede Partei gesagt hat: „Wir sind im Rechte und die andern sind alle auf verkehrtem Wege“, und eben desshalb ist es zu Nichts gekommen. Wir wollen in entgegengesetzter Weise davon ausgehen, dass wir sagen: „Die Einigkeit in Christus ist da“, und jede Partei soll bei sich fragen: „Wo fehlt es bei uns, welchen Beitrag liefern wir zu diesem Zustande der Zerrissenheit?“ [1]). Такой вопросъ каждая церковь обязана дѣлать себѣ безпрестанно, но только въ сферѣ любви христіанской.

[1]) До сихъ поръ обыкновенно пытались возстановить единство (церкви) тѣмъ, что каждая сторона говорила: „Мы стоимъ въ правдѣ, а всѣ остальные находятся на превратномъ пути“,—и именно потому ни къ чему не приходили. Мы-же, напротивъ, выходимъ изъ того, что говоримъ: „Единство во Христѣ вотъ гдѣ“, и всякая сторона (партія) должна у себя спросить: „Въ чемъ мы погрѣшаемъ и что̀ привносимъ мы въ это состояніе разрозненности?“

Въ сферѣ же религіознаго убѣжденія, въ сферѣ вѣроученія такъ дѣйствовать и задавать себѣ подобный вопросъ можетъ только тотъ, кто все потерялъ и для кого Infallibilität nur die Spitze der Häresie ist, т. е. для кого непогрѣшимость есть только завершеніе ереси всей предъидущей церковной жизни. Но что прикажете вы дѣлать тому, кто ничего не терялъ? Неужели и онъ долженъ, хотя для компаніи, объявить себя потерявшимъ что-либо? Если принять такой взглядъ, то что же будутъ значить слова Господа: „И врата адова не одолѣютъ ей“? Такимъ путемъ отрицается непрерывность истины Христовой на землѣ, непрерывность спасенія рода человѣческаго, а стало быть и непрерывность церкви. Нельзя думать, чтобъ эти слова Господа обезпечивали церкви лишь частичное каждою ея вѣтвью обладаніе истины, которое только въ своей фиктивной и даже не сознанной сложности является обладаніемъ полной истины. Нѣтъ, истина Христова, какъ самъ Христосъ въ таинствѣ евхаристіи, не раздробима, а только распространима. Ея цѣлостность, ея каѳоличность не можетъ, стало быть, имѣть ничего общаго съ тою фиктивно-существующею кусочками въ отдѣльныхъ церквахъ полнотою истины, которую предполагаютъ слова почтеннаго профессора. Und das soll die Basis sein, продолжаетъ профессоръ, auf der wir unsere Vereinigung versuchen [1]). Порядочные люди, въ сношеніяхъ между собою, избѣгаютъ компромиссовъ и всякихъ фальшивыхъ уступокъ avec réserves, а тѣмъ болѣе недостойно это церквей. По теоріи почтеннаго профессора, только и можно достигнуть той сдѣлки, которую еще раньше изобрѣли Англичане, окрестивъ ее столь часто повторяемымъ именемъ „intercommunion“. Wir konnten als Bekämpfer der Infallibilität mit sehr gutem Bewusstsein das thun [2]). Понятно совершенно, что тотъ, у кого, по его собственному сознанію, нѣтъ ничего, не

[1]) И это должно быть основаніемъ, на которомъ мы пытаемся построить наше соединеніе.

[2]) Мы, какъ борцы противъ непогрѣшимости, можемъ это сдѣлать съ добрымъ сознаніемъ.

только можетъ, но и долженъ сдѣлать это, если у него есть еще это доброе сознаніе, — но сдѣлать это лишь по отношенію къ самому себѣ. Что же касается до желанія навязать это смиреніе, не смотря ни на что другимъ, то тутъ дѣйствуетъ не *доброе* сознаніе, а мысль, что если даже нѣмецъ остался ни при чемъ, то другіе народы и подавно. Почтенный профессоръ боится, чтобъ на этомъ основаніи какой-либо народъ не заявилъ притязанія на первенство предъ нѣмецкою націею. Г. профессоръ и не догадывается, что обладаніе истины Христовой для того, у кого оно есть дѣйствительно, никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ племеннаго различія, народныхъ распрей, народной ревности и разногласія. Что же касается собственно православнаго отечества нашего, то нѣмцы-старокатолики „не хотятъ понять, что не мы изобрѣли православіе, и что присоединиться къ Православной Церкви чистосердечно и безоговорочно вовсе не значитъ поклониться Россіи и признать превосходство ея просвѣтительнаго начала. Во всѣхъ ихъ рѣчахъ такъ и слышится: „Отъ Назарета можетъ ли что добро быти?“ Разница противъ предубѣжденнаго израильтянина въ томъ только, что они даже не возьмутъ на себя труда придти и всмотрѣться. Нѣтъ, приходи къ намъ на смотръ!“ [1]). Wir wollen an der katholischen Kirche festhalten, aber wir wollen uns nicht das angehängte „römisch“ zur Hauptsache machen lassen und können in der Infallibilität nur die Spitze der Häresie erkennen. Ich kenne in der That keine tiefere Verirrung von der Wahrheit als die ist, die in der Infallibilität uns Katholiken aufgedrängt werden will [2]). Ясная идея и хорошо выражена. So haben wir also zu sagen: „Wir wollen nicht anglo-katholisch, wir wollen nicht griechisch-katholisch, wir wollen nicht römisch-

[1]) Слова изъ письма Ѳ. Ю. Самарина ко мнѣ, отъ 26 ноября 1873 года, въ отвѣтъ на мои сѣтованія о томъ, что эти отзывы на самомъ конгрессѣ остались безъ возраженія.

[2]) Мы хотимъ держаться католической церкви, но мы не хотимъ дозволить, чтобъ обращали въ главное прибавку „римско“, и въ непогрѣшимости можемъ признавать только завершеніе ересн. Я не знаю болѣе глубокаго заблужденія отъ истины, какъ то, которое хотятъ навязать намъ, католикамъ, въ догматѣ непогрѣшимости.

katholisch sein; sonder wir wollen katholisch sein [1]). Между тѣмъ самый конгрессъ не имѣлъ другой задачи какъ организація „германо- или нѣмецко-католической церкви“. Если справедливое негодованіе противъ прибавки: „римско“ не исключаетъ возможности замѣнить его ничѣмъ пока неповиннымъ „нѣмецко“, то почему отрицать у другихъ право приставлять свое „греко“ или „англо“. Въ такое противорѣчіе самому себѣ почтенный профессоръ философіи сталъ потому, что, сдѣлавшись старокатоликомъ и тѣмъ расширивъ свой кругозоръ на столько, чтобъ не считать латинства за одно съ каѳоличествомъ, онъ продолжаетъ мѣрять другихъ, и въ томъ числѣ Восточную Церковь, на свой прежній аршинъ, предполагая, что и эта послѣдняя свое православіе смѣшиваетъ съ своею, такъ сказать, восточностію. Такъ дѣлающій первые шаги въ какой-либо отрасли думаетъ, что онъ повсюду производитъ открытія, коихъ до него никто не зналъ. Безъ такого объясненія философія пр. Михелиса должна показаться сумбуромъ. Und ich darf hinzusetzen: „Auch griechische Kirche hat sich wohl vor der Gefahr zu hüten, dass nicht gerade der Name „Orthodoxe Kirche“ bei ihr zu derselben Häresie werde, wie es bei uns die Infallibilität geworden ist [2]). Напрасная забота! Церковь, *говорящая устами своихъ патріарховъ*: „Изъ церковныхъ историческихъ книгъ извѣстно, что нѣкоторые обычаи и чиноположенія въ различныхъ мѣстахъ и церквахъ были и бываютъ измѣняемы; но единство вѣры и единомысліе въ догматахъ остаются неизмѣнными“,—церковь, одинъ изъ синодовъ коей писалъ въ наставленіе раскольникамъ: „Въ церкви Божіей есть двоякаго рода вещи: однѣ—необходимы и неизмѣнны, это догматы, другія же ко спасенію ниже нужны, ниже вредны, а употребляемыя съ благочиніемъ служатъ къ украшенію церкви. Кто же вещь *среднюю* обратитъ или въ крѣпкій догматъ, или въ ересь, тотъ

[1]) И такъ мы имѣемъ сказать вотъ что: „Мы не хотимъ быть ни англо-католиками, ни греко-католиками, ни римско-католиками; но мы хотимъ быть католиками“.

[2]) И я смѣю прибавить, что и Греческая церковь должна беречь себя отъ опасности, чтобы самое „Православіе“ ея не сдѣлалось такою же ересью, какою стала у насъ „Непогрѣшимость“

самъ уже еретичествуетъ“,—такая церковь знаетъ, въ чемъ ея православіе, и опасности обратить его въ *ересь* не подвержена. Вообще же о рѣчи пр. Михелиса нужно сказать, что, говоря такъ, профессоръ какъ бы показываетъ неувѣренность въ принципахъ, легшихъ въ основу старокатолическаго движенія, и отрицаетъ возможность всякаго критеріума въ сужденіи о правости того или другаго мнѣнія въ дѣлахъ вѣры. На самомъ же дѣлѣ старокатолики, становясь на почву нераздѣльной церкви, тѣмъ самымъ признаютъ ученіе ея критеріумомъ того, что ихъ *мнѣніе* въ дѣлахъ вѣры есть *правое* въ сравненіи съ мнѣніемъ Римской церкви. Въ силу этого „православіе, orthodoxia“ есть не самохвальное и произвольное присвоеніе себѣ полной истины, а характеристика ученія, выдерживающаго критику на основаніи критеріума, признаваемаго и самими старокатоликами.

Переходимъ теперь къ словамъ проф. Губера въ томъ видѣ, какъ они читаются на стр. 154 оффиціальнаго отчета: Es sollen uns, wenn Werke vorhanden sind oder geschrieben werden, die in Beziehung zu unsere Sache stehen, dieselben zugeschickt werden. Aber, meine Herren, nur nicht in russischer oder neugriechischer Sprache! [1]). Это было произнесено въ такомъ тонѣ, какъ будто бы рѣчь шла объ языкахъ низшихъ расъ. Сверхъ того, такое сопоставленіе новогреческаго языка съ русскимъ въ устахъ профессора одного изъ германскихъ университетовъ, знающаго поэтому въ совершенствѣ древне-греческій, показываетъ только одно, что почтенный профессоръ не далъ себѣ труда даже заглянуть въ одну изъ присланныхъ имъ новогреческихъ книгъ: ибо иначе онъ зналъ бы, что тотъ, кто владѣетъ древне-греческимъ церковнымъ языкомъ на столько, чтобъ понимать творенія Аѳинагора, Діонисія Ареопагита, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ, легко можетъ читать сочиненія Экономоса, Византиса, граматы и посланія восточныхъ патріарховъ

[1]) Если есть готовыя или же будутъ вновь написаны произведенія, относящіяся къ нашему дѣлу, то ихъ слѣдуетъ прислать къ намъ. Но, господа, только не на русскомъ или ново-греческомъ языкѣ!

и т. п. Es sind uns Folianten in russischer Sprache zugeschickt worden. Damit können wir Nichts machen (замѣчаніе, которое слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію; какое въ немъ слышится пренебреженіе!). Die Herren in Russland *welche ein Interesse haben, dass die griechische Kirche verstanden und gewürdiget wird,* sollen Preisaufgaben ausschreiben [1]). Выраженія почтеннаго профессора могутъ быть поняты въ томъ смыслѣ, будто бы *лишь одни русскіе* имѣютъ интересъ въ томъ, чтобы ихъ церковь была понята и оцѣнена старокатоликами. Русскіе увѣрены, что ученіе Восточной Церкви выдержитъ критику на основаніи критеріума, признаваемаго нынѣ и старокатоликами. Но ихъ внутреннее убѣжденіе въ истинахъ православія, не только не боящееся научной критики, но даже поощряющее ее, есть въ сущности убѣжденіе чисто и глубоко религіозное, которое никогда не можетъ быть поставлено въ исключительную зависимость отъ результатовъ критики. У нѣмцевъ же замѣтно стремленіе сдѣлать изъ религіи нѣчто, исключительно покоющееся на данныхъ науки. Но въ такомъ случаѣ гдѣ же разница между религіею и раціонализмомъ? Неужели и послѣ того, какъ на глазахъ всего міра умъ человѣка, вземлющійся, въ лицѣ папъ, на разумъ Божій, извратилъ въ Римской церкви богооткровенную истину Христову, — неужели и послѣ того нѣмецкіе профессора философіи еще думаютъ возстановлять эту истину при свѣтѣ лишь научной критики? Если это такъ, то мы, не отрицая ни у себя, ни у нихъ права на эту критику, оставляемъ за собою полную свободу нашего религіознаго убѣжденія. Стараясь объяснять самимъ себѣ и дать отвѣтъ всякому вопрошающему словесе, мы не можемъ поставить судьбу религіи въ зависимость отъ результата научныхъ преній, а тѣмъ болѣе эти результаты не послужатъ для насъ мѣриломъ достоинства нашей церкви.

Говорятъ, что темы уже получены, и наши академіи

---

[1]) Намъ присланы фоліанты на русскомъ языкѣ. Съ ними мы ничего не можемъ сдѣлать. *Тѣ господа въ Россіи, которые имѣютъ интересъ въ томъ, чтобы греческая церковь была понята и оцѣнена,* должны предложить задачи или темы на преміи.

распредѣлили между собою работу. Изъ тона выписываемыхъ нами словъ человѣка, болѣе многихъ другихъ настаивавшаго на необходимости войти въ обмѣнъ мыслей съ представителями Русской церкви, видно, какъ нѣмецкіе профессора понимаютъ этотъ обмѣнъ мыслей, и какъ они посмотрятъ на будущіе труды нашихъ ученыхъ. Согласно ли съ достоинствомъ нашихъ академій заниматься темами, на которыя нѣмецкіе отцы-философы смотрятъ, какъ на ученическія задачки? Damit kleine Arbeiten in französischer Sprache gemacht werden, die wir in Deutschland (у себя, на печкѣ безъ всякаго труда) lesen und verbreiten können [1]).—Это уже совершенно какъ въ нашихъ семинаріяхъ; ихъ профессора назначаютъ не только темы, но и объемъ сочиненій и отказываются принимать и читать сочиненія, выходящія изъ предположеннаго ими объема.

Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ отношеніи къ старокатолическому движенію. До сихъ поръ представительствующая власть нашей церкви не сдѣлала еще ничего рѣшительнаго касательно занимающаго насъ вопроса. На этотъ разъ такая медлительность можетъ даже служить признакомъ такта и оправдываться слѣдующими вполнѣ вѣрными соображеніями. Въ виду того, что, вмѣстѣ съ непогрѣшимостію, старокатолики должны отвергнуть весь духъ папизма, поддерживавшій собственно до сихъ поръ и самую догматическую разность между Церковью Восточною и Латинскою; въ виду того, что они прямо-таки склонны выбросить изъ символа filioque; въ виду того, что даже въ обычаяхъ и чиноположеніяхъ, кои, по словамъ восточныхъ патріарховъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена бывали и бываютъ различны,—даже и въ этихъ вещахъ они сами предполагаютъ взять изъ практики нашей церкви больше, чѣмъ то строго необходимо для полнаго общенія въ вѣрѣ и любви [2]),—въ виду

---

[1]) Такъ будутъ составлены небольшія сочиненія на французскомъ языкѣ, которыя мы въ Германіи можемъ читать и распространять.

[2]) Изъ изданнаго пр. Фридрихомъ кробнаго служебника и требника, подъ заглавіемъ „Gott meine einzige Hoffnung", видно, что старокатолики хотятъ при-

всего этого, образъ дѣйствія святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго Синода имѣетъ, по нашему мнѣнію, такой смыслъ: показавъ старокатоликамъ, что, по осуществленіи у нихъ заявленныхъ ими реформъ, они съ готовностью будутъ приняты въ общеніе вѣры и любви, ждать, пока они сами *найдутъ удобнымъ* воспользоваться этою готовностію. Есть еще другой способъ—это послать имъ, отъ имени Святѣйшаго Синода, „Изложеніе Православнаго Исповѣданія Восточно-Каѳолическія Церкви“, въ переводѣ на французскій или нѣмецкій языкъ, повторивъ, опять-таки отъ лица Святѣйшаго Синода, слова восточныхъ патріарховъ къ англиканскимъ епископамъ: „Изъ сего можете познать и несомнѣнно уразумѣть благочестивый и православный образъ мыслей Восточной Церкви. Если же согласитесь съ нами, удовлетворившись тѣмъ ученіемъ, которое мы изложили теперь, то будете во всемъ едино съ нами и никакого не будетъ между нами раздѣленія. Что же касается до прочихъ обычаевъ и чиноположеній церковныхъ, до совершенія священныхъ обрядовъ литургіи, то и сіе, при совершившемся съ Божіею помощію единеніи, можно будетъ легко и удобно исправить“. Что Святѣйшій Синодъ имѣетъ полное право поступить такъ, это видно изъ того обстоятельства, что восточные патріархи сочли нужнымъ прислать ему, вмѣстѣ съ утвердительными грамотами, означенное „Изложеніе“ и свое посланіе къ англиканамъ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „И вы убо, аще намѣреніе имате и хощете писати и отвѣщавати онымъ, тако тощно пишите, глаголюще, яко сицево есть наше Восточныя Церкве мудрованіе, яково изъявляетъ и представляетъ нынѣ отъ насъ къ нимъ посланное „Изложеніе православія“. Но, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, такой образъ дѣйствія, способный

нять квасный хлѣбъ для евхаристіи, ввести признаваніе Св. Духа при освященіи даровъ, допустить мірянъ въ чашѣ, возстановить бывшую еще въ IX вѣкѣ повсемѣстную древнюю форму крещенія чрезъ погруженіе и совершеніе муропомазанія священникомъ сейчасъ же послѣ крещенія, отмѣнить обязательное безбрачіе священниковъ, совершать литургію на національномъ языкѣ и разрѣшить чтеніе библіи міранамъ, съ ограниченіями, въ видѣ совѣтовъ, подобными тѣмъ, кои находятся въ „Изложеніи Православнаго Исповѣданія“.

вполнѣ обнаружить ту степень искренности, которую нѣмцы питаютъ къ дѣлу возсоединенія церквей, врядъ ли подвинетъ это дѣло впередъ; напротивъ того, поставивъ нѣмцевъ въ необходимость отвѣчать теперь же: „да“ или „нѣтъ“, введетъ ихъ въ непріятное положеніе и, быть можетъ, охладитъ къ дѣлу, къ которому они теперь, по крайней мѣрѣ, не относятся еще апатично.

Послѣднее замѣчаніе заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о положеніи самихъ нѣмецкихъ старокатоликовъ въ ихъ собственномъ дѣлѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о внутренней ихъ искренности, искренности мысли и слова, нельзя не замѣтить, что внѣшняя ихъ искренность, искренность дѣла, связана кн. Бисмаркомъ, желающимъ, въ своихъ видахъ, выставлять ихъ единственными католиками, стоящими на почвѣ конкордатовъ. Никто, конечно, не забылъ того, какъ на Констанцскомъ конгрессѣ президентъ его, пр. Шульте, разсказывая о перипетіяхъ дѣла по избранію епископа и по опредѣленію его положенія въ государствѣ, настаивалъ на томъ, что въ переговорахъ съ представителями свѣтской власти не было уступлено ни *іоты* въ дѣлѣ религіозной свободы совѣсти; но тутъ же, чрезъ нѣсколько словъ, заявилъ, что кн. Бисмаркъ обѣщалъ имъ свое содѣйствіе лишь подъ условіемъ, чтобы они своими реформами не дали повода сомнѣваться въ ихъ католицизмѣ. Г. президентъ при этомъ умно, но врядъ ли искренно, умолчалъ о томъ, что понятіе Бисмарка о католицизмѣ далеко не то, какое развивалось въ рѣчахъ ораторовъ конгресса. Имѣяй уши слышати, конечно, вывелъ то заключеніе, что принять при такихъ условіяхъ предложенное содѣйствіе никакъ ни значитъ — не уступить ни *іоты* въ вопросѣ свободы. Доказательство же этому то, что, не смотря на заявленія о реформахъ, эти послѣднія, какъ я знаю изъ вѣрнаго источника, отсрочены, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ. Къ чему же послѣ этого толковать о возсоединеніи съ Восточною Церковью, которое невозможно безъ означенныхъ реформъ и которое само въ себѣ составляетъ существеннѣйшую изъ реформъ? Между тѣмъ, когда весь

міръ видитъ, въ чемъ дѣло, предводители германскаго старокатолицизма стараются выставить на видъ, что только рѣшеніе связанныхъ съ этими реформами научныхъ вопросовъ задерживаетъ ихъ. Этимъ аргументомъ пользуются особенно по отношенію къ вопросу о воссоединеніи церквей. Выше сказано было кое-что на этотъ счетъ. По самому существу предмета, научная критика не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ этомъ дѣлѣ. Нѣмцы это знаютъ. Нѣкоторыя темы, рѣшеніе коихъ ниже нужно, ниже вредно для единенія церквей, напримѣръ, вопросъ о пресуществленіи въ таинствѣ евхаристіи, относительно котораго даже въ лонѣ одной и той же церкви можетъ существовать терпимое разногласіе, даютъ понять, что нѣмецкіе профессора-священники, подымая ненужные вопросы, хотятъ лишь протянуть время. У себя же дома они придумали еще другой предлогъ для отсрочки реформъ и единенія. Это—неразвитость массы. Намъ же, напротивъ, кажется, что введеніе реформъ было бы средствомъ не оттолкнуть, а привлечь ее. И теперь, когда реформы еще и не предпринимаются,—что̀ удаляетъ ее отъ участія въ старокатолическомъ движеніи? Ослѣпленные надеждою скорѣе пустить корни въ массѣ при помощи свѣтской власти, германскіе старокатолики союзомъ съ нею успѣли лишь отдалить эту возможность, которая была бы болѣе осуществима при дѣйствіи свободнаго слова убѣжденія. Мѣра, въ какой они пользуются этимъ союзомъ, особенно въ Пруссіи, положительно отталкиваетъ массы отъ движенія. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда римско-католическіе іерархи просто-таки преслѣдуются, старокатолики-пруссаки имѣютъ духъ обращать епископскія отлученія противъ нихъ въ диффамацію и привлекать епископовъ въ судъ за это преступленіе.

Борьба государственной власти съ Римско-католическою церковью въ Пруссіи.

Независимое отъ государственной власти возникновеніе многихъ и весьма полезныхъ ассоціацій привело общество къ мысли о свободѣ образованія ассоціацій, о свободѣ ихъ внутренней жизни и организаціи. Для нихъ не можетъ быть даже понятно жить не своимъ умомъ, испрашивая и принимая совѣты какой либо власти, кромѣ власти своей ассоціаціи. Таково нынѣшнее понятіе о свободѣ ассоціацій. Это же понятіе примѣняется и къ вопросу о положеніи церкви въ государствѣ, который вслѣдствіе того и приведенъ нынѣ къ его простѣйшему выраженію. Полная, ничѣмъ, кромѣ обязательствъ по общему праву, не стѣсняемая личная свобода гражданина избирать и покидать ту или другую ассоціацію и полная, внѣ сферы общаго права, коллективная свобода каждой ассоціаціи въ дѣлѣ внутренняго устройства—вотъ два провозглашенныя нынѣ въ Европѣ начала, кои въ приложеніи къ церковно-государственнымъ вопросамъ поведутъ не къ взаимному игнорированію другъ друга со стороны церкви и государства, а къ установленію между ними нормальныхъ отношеній. Общее право, о которомъ здѣсь упоминается, понимается въ Европѣ, какъ уравненіе частныхъ интересовъ, равновѣсіе коихъ и есть то, что называется общимъ интересомъ. Съ этой точки зрѣнія государство, какъ органъ этого уравненія, уполномочено имѣть общій полицейскій надзоръ и за ассоціаціями, какъ за отдѣльными лицами, и облечено властію, находя ассоціацію вредною, но въ силу свободы ея внутренней жизни и организаціи не имѣя права, а иногда и возможности навязать ей, безъ ея воли на то, мѣры исправленія, прекратить ея существованіе, подобно тому какъ на немъ же лежитъ обязанность устранять неисправимовредныхъ членовъ общества. Съ формулированіемъ этихъ началъ въ законодательствѣ кончится режимъ такъ на-

зываемыхъ признанныхъ и терпимыхъ въ государствѣ церквей. До поры до времени можно лишь будетъ говорить только о церквахъ, культъ коихъ оплачивается государствомъ, и о церквахъ, культъ коихъ не оплачивается имъ. Но чтобы и этотъ, по необходимости сохраняемый на время, остатокъ прежнихъ отношеній между церковью и государствомъ лишить исторически связаннаго съ нимъ значенія, самая оплата культа той или другой церкви обосновывается на этотъ переходный періодъ на предоставленіи гражданамъ права требовать ея отъ государства и на признаніи за государствомъ обязанности удовлетворять это требованіе, коль скоро оно предъявлено въ законной формѣ. При этомъ государство не имѣетъ права, ни подъ условіями, ни безъ нихъ, навязывать той или другой религіозной ассоціаціи оплату ея культа. Все, что оно въ правѣ сдѣлать,—это установить извѣстныя законныя формы для предъявленія требованія со стороны тѣхъ, кто пожелалъ бы воспользоваться своимъ правомъ. Только въ этой системѣ заключается гарантія того, что ни государство не поглотитъ ассоціаціи цѣною оплаты ея культа, ни ассоціація изъ-за получаемыхъ ею отъ государства денегъ не припишетъ себѣ государственныхъ аттрибутовъ. Вотъ въ чемъ, по ходу исторіи, должно состоять отдѣленіе церкви отъ государства, а не въ обязательномъ только равнодушіи государства къ церкви и тѣмъ болѣе не во взаимномъ ихъ игнорированіи другъ друга. До тѣхъ поръ, пока эта простая идея не понимается, жизнь государства и церкви будетъ лишь стремленіемъ поглотить другъ друга съ перевѣсомъ то въ ту, то въ другую сторону, пока которая либо одна не поглотитъ другую окончательно. Въ такихъ случаяхъ или государство становится орудіемъ для цѣлей церкви, или церковь обращается въ государственное учрежденіе.

Но не вездѣ еще на западѣ сообразуются съ этимъ выводомъ исторіи. Въ Пруссіи, напримѣръ, подъ маскою современныхъ идей, дѣлаютъ видъ, будто все въ отношеніяхъ государства къ Римской церкви зависитъ отъ обоюдной сдѣлки, выраженіемъ коей и

являются 15, 18 и 22 статьи ея конституціи, забывая при этомъ, что сдѣлка понятна только при сохраненіи индивидуальности обѣихъ вступающихъ въ нее сторонъ. Между тѣмъ именно съ точки зрѣнія этихъ-то статей конституціи, понимая ихъ выраженіемъ дѣйствительной сдѣлки между государствомъ и Римскою церковью, такъ называемые майскіе церковные законы Пруссіи являются полнымъ нарушеніемъ сдѣлки. Что эти законы вполнѣ измѣняютъ существовавшія доселѣ отношенія между государствомъ и Римскою церковью, — это признается и самимъ составителемъ ихъ, министромъ Фалькомъ, когда онъ называетъ ихъ: „Bruch mit bestehenden Verhältnissen“ (разрывъ съ настоящими отношеніями). Но въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ разрывъ съ настоящимъ? Въ прекращеніи со стороны государства сочувственныхъ отношеній къ церкви, которая перестала быть ему излюбленною, и во вступленіи на почву отношеній безразличныхъ, на почву общаго права. Но даже и при этой постановкѣ дѣла уваженіе къ самому себѣ обязывало государство не дѣлать подобнаго шага безъ причинъ. До сихъ поръ Римская церковь пользовалась извѣстностью — объявлять своими рабами государства въ силу того только, что они *безъ спору оплачивали* ея культъ, а нынѣ государственная власть Пруссіи открываетъ новую эру—порабощенія церкви государствомъ за то только, что считаетъ себя въ правѣ *навязывать* ей *оплату* ея культа. Мы не оспариваемъ у государственной власти Пруссіи права не принимать на себя холопской роли, которую Римъ хотѣлъ бы навязать всѣмъ государствамъ по отношенію къ церкви; но мы не думаемъ, чтобы противъ подобныхъ барскихъ претензій Римской церкви нужно было бороться тѣмъ же самымъ средствомъ, т. е. деспотическимъ обращеніемъ ея въ рабство государства. Къ чему было поводъ къ измѣненію отношеній государства къ Римской церкви искать въ томъ предположеніи, будто ватиканскими рѣшеніями *впервые* уничтожена самостоятельность епископовъ и вся власть перенесена на объявленнаго непогрѣшимымъ намѣстника Христова

въ Римѣ, и будто съ принятіемъ ватиканскихъ опредѣленій Римская церковь устроилась на *новыхъ* началахъ и такимъ образомъ сама сошла съ прежнихъ основаній ея государственнаго признанія въ Пруссіи? Вѣдь этотъ пунктъ не признается даже со стороны союзниковъ князя Бисмарка, со стороны прусскихъ старокатоликовъ, заявившихъ на Констанцскомъ конгрессѣ, устами профессора Михелиса, что „непогрѣшимость есть только завершеніе ереси всей предъидущей исторіи римскаго католицизма“ (nur die Spitze der Häresie ist); но тутъ же, впрочемъ, устами профессора Шульте назвавшихъ себя „единственными католиками, стоящими на почвѣ конкордатовъ“, заключенныхъ этою погрязавшею въ ереси церковью. Не лучше ли было, безъ подобныхъ историко-юридическихъ тонкостей, прямо и открыто объявить Римской церкви, что государственная власть Пруссіи, пользуясь своимъ неоспоримымъ правомъ распоряжаться собственнымъ бюджетомъ и чиновниками, прекращаетъ опредѣленную въ 1821 году и выплачиваемую донынѣ дотацію изъ государственнаго казначейства и отказываетъ въ оффиціальномъ значеніи всѣмъ и каждому служителямъ и сановникамъ этой церкви. Въ такомъ случаѣ дѣло слѣдовало бы начать съ отмѣны 15, 18 и 22 ст. конституціи, на коихъ покоились до сихъ поръ конкордатныя отношенія. Но этого не дѣлается. Государство по прежнему, на основаніи статей конституціи, не только считаетъ себя обязаннымъ выплачивать дотацію и признавать оффиціальное значеніе за должностями и званіями Римской церкви, но для блага ея добровольно беретъ на себя тяжелую и самоотверженную обязанность жить вмѣсто нея и вести ея дѣла. Самоотверженіе это идетъ до того, что у церкви отрицается даже право отказаться отъ предлагаемой любезности подъ страхомъ штрафовъ, которые къ тому же возмѣщаютъ отчасти и расходы казначейства на дотацію. Впрочемъ, достигнуть этого по отношенію къ Римской церкви оказалось труднѣе, чѣмъ относительно протестантской. Тамъ можно было подмѣнить карты. Вслѣдствіе обособленія отдѣльныхъ частей протестантизма въ отдѣльныя церк-

ви по государствамъ и вслѣдствіе полной зависимости всѣхъ ихъ учрежденій и порядковъ (Einrichtungen und Ordnungen) отъ государственной власти, подобныя мѣры менѣе чувствительны для протестантской церкви, но за то и болѣе опасны для индивидуальности ея существованія. Такимъ образомъ государство, пользуясь далеко несовершенными порядками протестантской церкви, старалось ввести въ нее свои. Возможность этой подмѣны церковной жизни государственною облегчалась въ Пруссіи по отношенію къ протестантизму сліяніемъ въ лицѣ государя (Landesherr) двухъ властей—и главы государства, и главы церкви. При этомъ стоило только власть государя, какъ главы церкви, его отношенія къ ней и его положеніе въ ней, выставить аттрибутами государственной власти,—и поглощеніе церкви государствомъ оправдано въ умахъ послѣдовательныхъ протестантовъ. Аттрибуты государственной власти реализируются въ отдѣльныя верховныя учрежденія. Что же мѣшаетъ теперь реализировать въ особое верховное государственное учрежденіе новый аттрибутъ государственной власти—главенство въ церкви? Такимъ-то верховнымъ учрежденіемъ, безъ права апелляціи и кассаціи, а слѣдовательно и самоопредѣляющимъ свою компетентность, и является нынѣ установленный въ Пруссіи верховный государственный судъ по церковнымъ дѣламъ (Oberste Staatliche Gerichtshof für kirchliche Angelegenheiten). Власть государя, какъ главы церкви, стало быть какъ ея собственнаго органа, была для нея своею внутреннею властію, предполагавшею, по крайней мѣрѣ, взаимнодѣйствіе и другихъ органовъ. Въ видѣ же верховнаго государственнаго учрежденія она стоитъ по праву внѣ этого взаимнодѣйствія всѣхъ органовъ и является такимъ образомъ внѣшнимъ мѣриломъ и регуляторомъ церковной жизни. Католическая же церковь, съ самаго начала сознавая себя повсюду чѣмъ-то особо цѣлымъ,—или, лучше сказать, чѣмъ-то единственно цѣлымъ, такъ что и самое государство есть только какъ бы внѣшняя форма той же церкви,—выросшая и окрѣпшая въ борьбѣ противъ свѣтской власти, найдетъ въ своей не стѣс-

няющейся предѣлами отдѣльнаго государства, а напротивъ чуть не весь міръ объемлющей организаціи и централизаціи достаточно средствъ, чтобы пережить время невзгодъ. Здѣсь нужно было придумать другія средства обмороченія. Для этого стали ссылаться на то, что духовнымъ должностямъ приписывается оффиціальное значеніе, и стало быть съ этой стороны духовные суть не что иное какъ государственные чиновники. Но этого соображенія не могло быть достаточнымъ для оправданія предполагаемыхъ законодательныхъ мѣръ. Тогда стали на культурно-историческую почву. Начали доказывать, что такъ называемое appellatio tanquam ab abusu, существовавшее во Франціи и дававшее католикамъ право противъ злоупотребленій церковной власти прибѣгать къ суду парламента, служило лучшею поддержкою свободы и относительной независимости галликанской церкви. Но во первыхъ, нѣтъ ничего общаго между существовавшимъ во Франціи *правомъ* католиковъ обращаться къ государственному суду противъ злоупотребленій церковныхъ властей и вводимымъ въ Пруссіи *обязательствомъ* для католиковъ подъ страхомъ наказаній не имѣть никакого дѣла къ духовной власти и не принимать отъ нея ничего безъ предварительнаго вѣдѣнія и даже одобренія свѣтской власти; а во вторыхъ, знающему дѣло кажется, что французское appellatio tanquam ab abusu и въ его дѣйствительномъ видѣ было предметомъ столькихъ злоупотребленій, что когда въ глазахъ французовъ эту систему обобщили съ галликанизмомъ, то этимъ былъ нанесенъ послѣднему рѣшительный ударъ въ общественномъ мнѣніи. Сверхъ же всего этого, государственная власть, задающаяся такими цѣлями, какъ отторженіе отъ Рима Римской церкви въ предѣлахъ Пруссіи и Германіи, оставляетъ сферу своей собственной компетентности и принимаетъ на себя роль церковнаго реформатора, на что́ у ней нѣтъ ни признанія, ни права. Вѣкъ реформаціи нельзя перенести въ нынѣшній. Да и реформація не такъ сдѣлалась. Тогда требованія христіанской совѣсти, обхватывая и народы, и ихъ государей, стояли на первомъ ряду, а

интересы политическіе должны были подчиниться имъ. Нынѣ не то: стремленія и чаянія невѣрія выступаютъ на первый планъ, а политическіе мотивы преобладаютъ всюду.

Итакъ ясно, что государство безъ права и необходимости вторглось въ сферу собственно духовной власти, усвоивъ себѣ аттрибуты этой послѣдней и положительными распоряженіями вмѣшавшись въ область внутренней жизни церкви. Выше было уже указано на противорѣчіе подобнаго порядка статьямъ 15, 18 и 22 прусской конституціи. Мы признаемъ за государствомъ право даже уничтожить ту или другую ассоціацію, если познана ея вредность; а тѣмъ болѣе оно имѣетъ право распоряжаться своимъ бюджетомъ и чиновниками. Одного мы не можемъ признать за государственною властію—это права навязанною оплатою культа той или иной церкви насильно покупать у нея распоряженіе ея внутренними дѣлами. Съ тѣхъ поръ, какъ Римская церковь готова отказаться и отъ дотаціи, и отъ государственнаго признанія, у нея нѣтъ болѣе никакихъ, кромѣ полицейскихъ, обязательствъ къ государству. Въ дѣлѣ внутренней организаціи и администраціи, внѣ сферы общаго права, она, какъ всякая свободная ассоціація, можетъ запереть дверь предъ правительственною властію. Майскіе церковные законы выставляются обыкновенно лишь условіями для признанія Римской церкви государствомъ, то есть для полученія дотаціи и т. п.,—условіями, которыя тою же самою церковью принимались и принимаются въ другія времена и въ другихъ мѣстахъ. Но вопросъ не въ томъ, основательно ли поступаетъ Римская церковь, принимая въ Баваріи и Франціи и отвергая въ Пруссіи *будто бы* тѣ же самыя условія, а въ томъ, можно ли какими бы то ни было условіями заставить кого-либо получить или дать что-нибудь, когда онъ не хочетъ этого. Поэтому дѣло не въ томъ, можетъ ли Римская церковь принять майскіе законы или нѣтъ; а въ томъ, имѣетъ ли право государство не позволить Римской церкви, отказывающейся отъ его дотацій и т. п., стать въ такія же отношенія, въ

какихъ находятся, положимъ, хоть еврейскія общины, которыя, пользуясь даже субсидіями отъ государства и въ лицѣ своихъ раввиновъ нѣкоторыми правами государственнаго положенія, избавлены отъ дѣйствія майскихъ законовъ, благодаря своему положенію *терпимаго* лишь, а не признаннаго въ государствѣ вѣроисповѣданія. По майскимъ законамъ, духовная юрисдикція надъ церковью Римскою въ предѣлахъ Пруссіи можетъ принадлежать только прусскимъ подданнымъ, тогда какъ это ограниченіе не существуетъ для религіозныхъ обществъ, непризнанныхъ государствомъ; а исполненіе священнослужительскихъ обязанностей дозволяется съ вѣдома правительства только священно-служителямъ католической церкви, состоящимъ въ германскомъ подданствѣ, тогда какъ для раввиновъ нѣтъ такого ограниченія. Далѣе майскіе законы опредѣляютъ условія образованности при назначеніи священнослужителей на мѣста, чего не дѣлается по отношенію къ раввинамъ, даже преподающимъ законъ Божій въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ цѣлію контроля надъ исполненіемъ этого закона постановлено, что епископъ безъ вѣдома оберъ-президента провинціи не имѣетъ права ни самъ, — если онъ вновь назначенный, — вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, ни поставить куда-либо священника или діакона. Въ случаѣ несоблюденія указанныхъ въ законѣ условій и формъ, и сдѣлавшій назначеніе, и принявшій его подвергаются штрафу, а при несостоятельности—соотвѣтственному тюремному заключенію. Но всѣ эти частности ничто въ виду всецѣлаго поглощенія церковной жизни государственною, посредствомъ учрежденія для церковныхъ дѣлъ особаго верховнаго королевскаго суда (Oberste Staatliche Gerichtshof für kirchliche Angelegenheiten), члены коего назначаются королемъ. безъ всякаго соображенія ихъ религіозныхъ взглядовъ, юрисдикція простирается на всѣхъ духовныхъ лицъ, а компетентность — не на дисциплинарные только, но и на догматическіе вопросы. Высшая мѣра наказанія, какую этотъ судъ можетъ произнести, это — отрѣшеніе всякаго духовнаго лица отъ

должности. Дѣла въ немъ начинаются по жалобамъ частныхъ лицъ и по представленію властей. Аппеляціи на рѣшенія этого суда нѣтъ, да и обращеніе за помилованіемъ къ королю не допускается. Все это даетъ означенному суду въ дѣлахъ обѣихъ церквей — Римской и Протестантской—такое значеніе, которое *ни въ чемъ не уступаетъ непогрѣшимости безаппеляціоннаго папы.* Разница между этими двумя непогрѣшимостями та, что противъ папы можно еще бороться съ точки зрѣнія старокатолицизма и протестантизма, а противъ государственнаго деспотизма?... Да, сильны страсти политическія, но сильнѣе ихъ и глубже страсти религіозныя и антирелигіозныя. Ихъ разнуздать не трудно, но затѣмъ умиротворить—не всегда въ рукахъ человѣка. Ослѣпленіе, доведшее до подобныхъ мѣръ, становится еще страшнѣе, когда эти мѣры облекаются въ законныя формы. Лучше въ случаѣ необходимой обороны употребить открытую силу, дабы послѣ честной войны можно было заключить и честный миръ. Подобный же образъ дѣйствія извращаетъ сознаніе права и ослабляетъ собственную нравственную силу. Что теперешнее направленіе не можетъ вести къ миру, что продолжительность его вліянія врядъ ли послужитъ къ окрѣпленію нѣмецкаго объединенія—въ этомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на дѣло, едва ли можно сомнѣваться съ тѣхъ поръ, какъ учрежденіемъ верховнаго суда объявлено военное положеніе между церковью и государствомъ.

Такимъ образомъ майскіе законы представляются нарушеніемъ всѣхъ тѣхъ понятій о государствѣ и свободѣ ассоціацій и личности, до коихъ дошла нынѣ цивилизація. Но союзники князя Бисмарка, прусскіе старокатолики, объявили ихъ согласными и съ духомъ христіанской общественности, и съ исторіею отношеній католической церкви къ государству. Но если можно согласиться, что въ исторіи есть примѣры ложнаго отношенія сторонъ къ тому или другому вопросу, то нельзя однако-жъ допустить, чтобъ эти примѣры исправляли лучшее пониманіе. Отрицая у прусскихъ старокатоликовъ право ссылаться на исторію въ этомъ

смыслѣ, мы совсѣмъ уже не можемъ понять такую безцеремонность отношеній съ культурно-историческими данными, по которой учрежденіе въ Пруссіи верховнаго государственнаго суда для церковныхъ дѣлъ приравнивается ими къ существовавшему во Франціи, такъ называемому, appelatio tanquam ab abusu, которое давало католикамъ право противъ злоупотребленій церковной власти прибѣгать къ суду парламента. Мы уже спрашивали, что общаго между этимъ *правомъ* католиковъ обращаться къ государственному суду противъ злоупотребленій церковной власти и вводимымъ въ Пруссіи *обязательствомъ* для католиковъ, подъ страхомъ наказаній, не имѣть отношеній къ духовной власти безъ предварительнаго вѣдѣнія и одобренія государства? Чѣмъ же объяснить подобную услужливость прусскихъ старокатоликовъ, по отношенію къ правительству князя Бисмарка? Ослѣпленные надеждою скорѣе пустить корни въ массѣ подъ щитомъ столь популярнаго послѣ войны съ Франціею правительства, прусскіе старокатолики смѣло объявили майскіе 1873 г. церковные законы „основаніемъ гражданскихъ правъ своихъ въ Пруссіи“. Въ виду же духа этихъ законовъ и въ виду ихъ примѣненія, получившаго характеръ дѣйствительнаго преслѣдованія римскихъ іерарховъ, такой образъ дѣйствія могъ лишь оттолкнуть массы отъ старокатолическаго движенія. Мѣра же, въ какой прусскіе старокатолики пользуются этимъ „основаніемъ своихъ гражданскихъ правъ“, выходитъ даже изъ предѣловъ приличія. Они, какъ мы уже замѣчали, имѣютъ духъ обращать епископскія отлученія противъ нихъ въ диффамацію и, въ силу означенныхъ законовъ, привлекать епископовъ къ свѣтскому уголовному суду за это преступленіе. Вслѣдствіе всего этого, мы позволили себѣ такое замѣчаніе на счетъ прусскаго старокатолицизма: „Отождествляя себя, вопреки собственному внутреннему убѣжденію и внѣшней очевидности, съ Римскою церковью и принимая, во имя ея, мѣры правительства, онъ сильно вредитъ ей тѣмъ, что даетъ право государству отвѣчать ей, будто его мѣры не противны церковнымъ порядкамъ. Но кто скажетъ, что подобный образъ дѣйствія прус-

скихъ старокатоликовъ, положительно вредящій движенію даже теперь, не вяжетъ ихъ по рукамъ и ногамъ на будущее!“

Вотъ что о подобныхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ нами въ замѣткахъ объ этомъ *прусскомъ*—именно прусскомъ, а не другомъ какомъ-либо—старокатолицизмѣ, нашелъ возможнымъ сказать отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго отдѣла „Общества любителей духовнаго просвѣщенія“ 1873—74 г.: „Насчетъ того, крѣпко ли, надежно ли зданіе, возведенное старокатоликами, существуютъ мнѣнія различныя. *Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые даже сочувствуютъ движенію старокатоликовъ*, полагаютъ однако, что оно стало на такой путь, который прямо приведетъ его къ погибели—на путь правительственной опеки и административной поддержки, дарованной ему прусскимъ правительствомъ; „все дѣло перейдетъ теперь, какъ они выражаются, въ руки князя Бисмарка“. Если бы такое мнѣніе было дѣйствительно справедливо, тогда, конечно, все дѣло должно бы считать потеряннымъ; если бы дѣйствительно старокатолицизмъ не представлялъ никакой внутренней силы и существовалъ бы только по милости свѣтской власти, то, конечно, съ нимъ бы не зачѣмъ было и вступать въ сношенія! Но, къ счастію, это не такъ; у германскаго правительства и у старокатоликовъ одинъ и тотъ же врагъ; они стоятъ „рядомъ, какъ сказано въ нашемъ отчетѣ о Констанцскомъ соборѣ, съ мірскимъ правительствомъ“, но въ борьбѣ съ ультрамонтанствомъ преслѣдуютъ свои собственныя цѣли. Какъ граждане, старокатолики подчинены государству, но какъ представители вѣроученія, какъ члены старокатолической церкви, они только его союзники, но отнюдь не слѣпое орудіе. Таковы, мм. гг., люди, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло, такова почва, на которой мы стоимъ; она надежна, на нее можно опереться; мы ведемъ переговоры съ живыми религіозными силами! Къ вышесказанному должно прибавить еще слѣдующее: въ 1872 году мы имѣли дѣло съ группою людей, правда, крѣпко между собою связанныхъ единствомъ надеждъ и убѣжденій,

но не имѣвшихъ еще окончательной организаціи. Теперь мы находимся въ сношеніяхъ съ старокатолической *церковью*, имѣющей свою законную іерархію и признанной правительствомъ равноправною съ ея могущественною соперницею, съ церковью, правда, еще малочисленною, но оживленною истинно христіанскимъ духомъ и имѣющею въ себѣ всѣ задатки плодотворной будущности. Говоря о безусловномъ, будто-бы подчиненіи старокатоликовъ прусскому правительству, обыкновенно ссылаются на „майскіе“ церковные законы, *послужившіе основаніемъ гражданскихъ правъ старокатоликовъ въ Пруссіи.* Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этихъ законовъ; я позволю себѣ замѣтить только одно: во Франціи конкордатъ 1801 г. между Піемъ VII и французскою республикой затронулъ гораздо сильнѣе интересы церкви и однако былъ принятъ католиками безропотно. Въ Баденѣ, Вюртембергѣ и даже въ самой Баваріи епископы издавна преспокойно подчинялись законамъ, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже строже майскихъ (не представляющихъ почти ничего новаго и небывалаго въ Германіи). Теперь же поднялись крики.... Напр., епископъ фрейбургскій безропотно подчинялся строгимъ баденскимъ законамъ 1830 и 60 годовъ; теперь онъ отказывается исполнять майскіе церковные законы, введенные въ Пруссіи и въ Гогенцоллернѣ (составляющемъ часть его діецезіи), находя, что они нарушаютъ права церкви!“

Мы сочувствуемъ старокатолическому движенію и именно потому не можемъ оправдывать прусскихъ старокатоликовъ тѣми соображеніями, кои приводитъ отчетъ, заимствуя ихъ, впрочемъ, изъ „Kölnische-Zeitung“. Между тѣмъ намъ кажется, что и сами прусскіе старокатолики начинаютъ уже расходиться съ княземъ Бисмаркомъ на счетъ пониманія „основанія ихъ гражданскихъ правъ въ Пруссіи“, т. е. на счетъ значенія майскихъ законовъ. „Deutscher Mercur“, изданіе прусскихъ старокатоликовъ, сообщаетъ, по словамъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, слѣдующее по дѣлу архіепископа познань-гнезенскаго Ледоховскаго: „Архіепископъ поз-

нань-гнезенскій рѣшеніемъ суда отрѣшенъ отъ своей должности, и архіепископская каѳедра объявлена вакантною. Произошло такимъ образомъ то, чего *въ этой формѣ* (не въ формѣ дѣло, суть-то развѣ лучше?) никакой католикъ, по своему церковному сознанію, не можетъ признать справедливымъ. Никакой судъ и никакая государственная власть не могутъ лишить епископа его церковной должности, точно также, какъ государство не можетъ и произвесть въ епископы. Конечно, не таковъ смыслъ приговора надъ архіепископомъ (А какой же? Напрасная оговорка: новый церковный законъ, принятый на дняхъ прусскими палатами, отнимаетъ у ней всякое основаніе): государство, по закону самоподдержанія, своей верховной властью только останавливаетъ *исполненіе* епископской должности, такъ какъ это исполненіе въ принципѣ стало противозаконнымъ и революціоннымъ. Я не знаю, почему такой смыслъ осужденія не былъ выраженъ въ самой формѣ приговора; но я полагаю, что вполнѣ правильная форма и въ данномъ случаѣ могла бы предупредить много опасныхъ недоразумѣній". Государство, по мнѣнію газеты, не можетъ лишить епископа его церковной должности, но, по закону самоподдержанія, своей верховной властью только останавливаетъ исполненіе епископской должности. Спрашивается: что-жъ такое значитъ быть епископомъ безъ исполненія должности? Хороша логика! Что же касается того, что это исполненіе въ принципѣ стало противозаконнымъ, то въ поясненіе приводимъ текстъ одной каррикатуры въ „Kladdaradatch": *Судья.* Вы обвиняетесь въ томъ, что обходите государственные законы о церкви. *Подсудимый.* Виновато въ томъ государство, поставившее эти напрасныя преграды: отнимете ихъ, и намъ нечего будетъ обходить.—Вотъ что далѣе говоритъ объ этихъ законахъ одинъ изъ англійскихъ журналовъ „Saturday Rewiew": „Даже познань-гнезенскій епископъ допускаетъ обыкновенный долгъ повиновенія; но онъ утверждаетъ только, что долженъ быть нѣкоторый предѣлъ этой обязанности, или, въ противномъ случаѣ, не будетъ никакого обезпеченія отъ излишествъ

произвольнаго стѣсненія. Ограничиваясь религіозной стороной вопроса, очевидно, что если долгъ гражданскаго повиновенія безусловенъ и всеобщъ, то древніе христіанскіе мученики были виновны и противъ нравственности, и противъ закона въ томъ, что свою вѣру ставили выше повелѣній августѣйшаго императора". Даже „Daily Telegraph", эта англійская защитница политики князя Бисмарка, и та допускаетъ, что многія законодательныя мѣропріятія Фалька едва-ли отвѣчаютъ нашимъ понятіямъ о правѣ и справедливости, и, объясняя это, перечисляетъ почти всѣ предложенные имъ законы.

Вышеприведенныя нами выписки изъ органа прусскихъ старокатоликовъ и изъ англійскихъ изданій показываютъ, что и у прусскихъ старокатоликовъ, и у англійскихъ пріятелей политики князя Бисмарка зародилось нѣчто похожее на разочарованіе. Причина этого въ положеніи дѣлъ, созданномъ майскими законами. Вотъ оно, какъ его описываетъ „Allgemeine Augsburger Zeitung", которую никто, конечно, не заподозритъ въ пристрастіи къ Риму: „Всѣ епископы прусскаго государства успѣли уже подпасть подъ денежные штрафы, болѣе или менѣе значительные. Ни одинъ изъ нихъ не подчинился взысканію ихъ добровольно. Вслѣдствіе этого, согласно опредѣленіямъ закона, фискъ вынужденъ былъ наложить руку на собственность виновныхъ. Такъ какъ для троихъ изъ нихъ, а именно: архіепископа познань-гнезенскаго Ледоховскаго, епископа трирскаго Эбергарда и архіепископа кёльнскаго Мельхерса, произведенная опись имущества не привела ни къ чему, то денежные штрафы, къ коимъ они были приговорены обыкновенными судами, сообразно съ приговорами были замѣнены соотвѣтственнымъ величинѣ штрафа заключеніемъ въ тюрьмѣ. Такъ-то одинъ за другимъ эти три прелата были арестованы и отвезены въ мѣста заключенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и прочіе епископы Пруссіи, по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени, раздѣлятъ ту же самую участь. Сверхъ того, въ примѣненіе майскихъ 1873 г. законовъ начато дѣло объ отрѣшеніи архіепископа Ле-

доховскаго предъ верховнымъ государственнымъ судомъ по церковнымъ дѣламъ. Мы уже знаемъ о рѣшеніи суда и о формѣ, въ какой оно выражено. И на этомъ пути Ледоховскій только открываетъ шествіе, а за нимъ послѣдуютъ одинъ за другимъ и его собраты. Такъ какъ нельзя допустить, чтобы свѣтская власть отступила предъ какимъ-либо изъ послѣдствій предначертаннаго ею себѣ поведенія относительно *мятежныхъ* прелатовъ, то нужно предвидѣть минуту—и она не далека, когда католическое населеніе королевства Пруссіи окажется безъ епископовъ, и когда по-неволѣ придется обыкновенное епископское управленіе замѣнить чрезвычайною администраціею. Но борьба не остановится и на этомъ. Большая часть приходовъ въ Пруссіи состоитъ въ распоряженіи епископовъ, и относительно приходовъ, въ коихъ патронатство принадлежитъ государству, участіе сего послѣдняго въ назначеніи священника ограничивается каноническою формальностію представленія кандидата, а не утвержденія (investiture). Итакъ, въ дѣлѣ замѣщенія вакантныхъ приходовъ невозможно обойдтись безъ вмѣшательства епископской власти. Между тѣмъ извѣстное число приходовъ епископы уже успѣли замѣстить священниками въ прямое и открытое нарушеніе предписаній закона 11 мая 1873 года объ условіяхъ, коимъ должны удовлетворять духовные для того, чтобы епископъ могъ назначить ихъ на мѣста. Ясно, что такіе священники не могутъ быть признаны законными, и ихъ приходы по закону останутся вакантными. Въ скоромъ же времени не будетъ больше и священниковъ для назначенія, и такимъ образомъ со временемъ всѣ приходы въ прусскихъ епархіяхъ окажутся безъ законныхъ священниковъ. Некому будетъ крестить новорожденныхъ, некому будетъ благословлять брачущихся, некому наконецъ будетъ напутствовать умирающихъ: вѣрующіе будутъ лишены утѣшеній и помощи религіи. Страшна эта перспектива! За то даже люди, не отказывающіе государству въ правѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ распоряжаться дѣлами церкви, и тѣ объяты нынѣ безпокойствомъ и почти отчаяніемъ на счетъ успѣха. Мы те-

перь—въ полномъ разгарѣ кризиса. Католическая Германія—въ страшномъ плачѣ на преслѣдованіе церкви государствомъ, епископы прославляются и окружаются ореоломъ мученичества, глухой гулъ фанатизма потрясаетъ Германскую землю отъ Альповъ до Балтійскаго моря и отъ Рейна до Вислы. Въ самыхъ скромныхъ горныхъ лачугахъ, въ улыбающихся городахъ береговъ Рейна и въ непріютныхъ предѣлахъ Познани служители слова Божія всѣми силами стараются влить въ души порученныхъ ихъ попеченіямъ вѣрующихъ побольше ненависти противъ того, что они называютъ *языческимъ* государствомъ. Въ печати и парламентахъ этотъ пожаръ раздувается съ удивительною ловкостью. Сѣмя возмущенія противъ верховной власти своей родины дѣятельно сѣется даже въ умахъ дѣтей. Мы показали уже, что точка отправленія всего этого движенія находится въ 1 и 15 статьяхъ закона 11 мая 1873 г. и въ упорномъ сопротивленіи имъ со стороны князей Римской церкви. Кто дастъ отчетъ во всемъ этомъ предъ Богомъ и исторіей? Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя уклоняться отъ изслѣдованія настоящаго положенія дѣла и оставлять въ сторонѣ вопросъ права". Далѣе „Augsburger Zeitung" старается всю вину свалить на епископовъ, а майскіе законы оправдываетъ тѣми же самыми соображеніями, что и отчетъ с.-петербургскаго отдѣла „Общества любителей духовнаго просвѣщенія".

Но прусская государственная власть не остановилась на этомъ. Сочинивъ майскіе законы 1873 г., она составила въ 1874 году новые, майскіе же, законы. Вооруженная первыми, она увидѣла ихъ недостаточность въ томъ, что у нея нѣтъ средствъ помѣшать общенію насомыхъ съ низложенными епископами и священниками, а также нѣтъ средствъ и навязать имъ новыхъ. 4 мая новаго стиля 1874 года подписанъ, отъ имени союзныхъ правительствъ, императоромъ германскимъ принятый нѣмецкимъ парламентомъ имперскій законъ „о священно-церковно-служителяхъ (Kirchen-Diener-Gesetz)". Этимъ закономъ начальникамъ округовъ, оберъ-президентамъ провинцій и министрамъ внутреннихъ дѣлъ въ

разныхъ союзныхъ государствахъ предоставляется право: лицъ духовнаго званія, рѣшеніемъ суда отрѣшенныхъ отъ мѣстъ, но продолжающихъ исполнять обязанности своего званія, высылать изъ округа, изъ провинціи, изъ государства и, наконецъ, изъ союза, причемъ высланный изъ союза однимъ государствомъ не можетъ быть принятъ даже другимъ иначе какъ съ согласія выславшаго. Относительно же духовныхъ лицъ, хоть разъ подвергшихся штрафу и тюремному заключенію, но еще не отрѣшенныхъ отъ должности, такая высылка съ одновременнымъ перенесеніемъ дѣла въ подлежащій судъ дозволяется только изъ одного округа въ другой, до рѣшенія дѣла. Въ то же время прусскими палатами принятъ еще новый церковный законъ собственно для Пруссіи: „Объ управленіи вакантныхъ епископствъ и о замѣщеніи незанятыхъ приходовъ“. Коммиссія палаты депутатовъ въ своемъ отчетѣ, большинствомъ 12 голосовъ противъ 5, видитъ въ новомъ законѣ „лишь необходимое слѣдствіе того положенія, какое создала себѣ *признанная* государствомъ церковь, ставъ, чрезъ *непризнаніе* государственнаго закона, въ противорѣчіе съ правовымъ основаніемъ своего существованія въ государствѣ“. Тутъ что ни слово, то противорѣчіе. Было бы, впрочемъ, лучше, по мнѣнію коммиссіи, измѣнить конституціонное положеніе Католической церкви изданіемъ органическаго закона о выборахъ въ епископы и священники, о правахъ приходскихъ общинъ и объ управленіи церковныхъ имуществъ. Въ концѣ же концовъ она рекомендовала принять законъ, какъ Nothstandsgesetz. §§ 1—5 имѣютъ цѣлію препятствовать должностному сношенію церковныхъ учрежденій и духовенства съ низложеннымъ епископомъ или съ лицомъ, замѣнившимъ его безъ удовлетворенія требованій государства. Такъ, кто безъ вѣдома оберъ-президента провинціи и безъ присяги королю совершитъ въ вакантной епархіи какое-либо епископское дѣйствіе наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Лица, не имѣющія епископскаго сана и взявшія на себя мѣстоблюстительство вакантнаго престола безъ вѣдома оберъ-президента и безъ при-

сяги. подлежатъ такому же наказанію. Духовные, вступившіе въ оффиціальныя сношенія съ низложеннымъ или еще государствомъ непризнаннымъ епископомъ и съ лицами, исполняющими его должность безъ требуемыхъ государствомъ условій, наказываются денежнымъ штрафомъ до 100 тал., или заключеніемъ до 1 года. §§ 6—13 опредѣляютъ обязанности капитула вакантной епархіи. Если чрезъ 10 дней, по сообщеніи оберъ-президента о вакантности епархіи, капитулъ не увѣдомляетъ его объ избраніи имъ удовлетворяющаго условіямъ мѣстоблюстителя, или если чрезъ 14 дней послѣ подобнаго увѣдомленія со стороны капитула не послѣдуетъ присяга выбраннаго лица, то назначается свѣтскій управитель епископскихъ имуществъ, а члены капитула, по усмотрѣнію и выбору министра лишаются содержанія до тѣхъ поръ, пока не выберутъ надлежащее лицо. §§ 14—17 обозначаютъ права патроновъ и приходскихъ общинъ въ вакантной епархіи. Если при отсутствіи епископа и при упорствѣ капитула выбрать мѣстоблюстителя становится невозможнымъ каноническое замѣщеніе приходовъ, то патронъ имѣетъ право представить своего кандидата, который,—если онъ удовлетворяетъ условіямъ,—и утверждается правительствомъ. Если же и патронъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ срока ничего не дѣлаетъ, то его права переходятъ къ приходской общинѣ. Въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе заявленія по крайней мѣрѣ 10 совершеннолѣтнихъ полноправныхъ гражданъ общины, амтманъ созываетъ сходку, на которой абсолютнымъ большинствомъ явившихся рѣшается вопросъ, чего желаетъ приходъ—временнаго ли или окончательнаго замѣщенія мѣста. Дальнѣйшія подробности процедуры такого замѣщенія приходовъ для каждой провинціи составляетъ ея оберъ-президентъ.

Старокатолическое движеніе въ Швейцаріи.

Извѣстно, что базельская епархія основана на договорѣ между правительствами семи входящихъ въ нее кантоновъ и на совмѣстномъ конкордатѣ этихъ правительствъ съ папою. Этотъ договоръ и этотъ конкордатъ даютъ большія права въ дѣлахъ церкви и отдѣльнымъ кантональнымъ правительствамъ. и общему собранію ихъ представителей по дѣламъ епархіи, извѣстному подъ именемъ епархіальной конференціи. Въ силу этого явилось слѣдующее устройство базельской епархіи: епископъ, избираемый капитуломъ, утверждаемый конференціею съ согласія папы: капитулъ, составляющій совѣтъ епископа, а во время вакантности престола управляющій вполнѣ епархіею и избирающій кандидата въ епископы: епархіальная конференція, состоящая изъ спеціально-уполномоченныхъ католическихъ представителей отъ правительствъ входящихъ въ составъ епархіи кантоновъ и наблюдающая за дѣйствіями епископа и капитула. Въ силу этихъ же договора и конкордата, какъ назначеніе, такъ и удаленіе священниковъ зависитъ не отъ одного епископа, а и отъ прихода подъ контролемъ конференціи. И самая проповѣдь въ церкви, и образованіе будущихъ пастырей не изъяты были изъ-подъ этого контроля. Послѣ изданія *Силлабуса*, и особенно послѣ Ватиканскаго собора, базельскій епископъ Лаша сталъ чаще и чаще уклоняться отъ означеннаго контроля сначала въ преподаваніи наукъ въ духовной семинаріи и затѣмъ въ удаленіи отъ должностей священниковъ, не подчиняющихся ватиканскимъ декретамъ, и въ замѣщеніи ихъ новыми по своему усмотрѣнію, не сносясь съ конференціей и не обращая вниманія на право прихожанъ участвовать въ избраніи своихъ пастырей. На представленія конференціи епископъ отвѣчалъ перифразами тѣхъ статей *Силлабуса*. гдѣ говорится, что власть папы выше всякой другой. При такомъ положеніи дѣла и въ виду негодованія народа на по-

добныя притязанія духовной власти, кантональныя правительства сочли униженіемъ для себя обращаться за рѣшеніемъ этого дѣла къ иноземной власти. Въ силу своихъ правъ конференція признала Лаша нарушившимъ свои обязательства и объявила каѳедру вакантною. Такъ какъ поводомъ къ удаленію епископа было главнымъ образомъ проповѣданіе имъ догмата о непогрѣшимости, то папа не могъ признать, чтобы низложеніе Лаша произошло на основаніи конкордата. Такъ какъ затѣмъ, по внушенію изъ Рима, епархіальный капитулъ не только отказался признать каѳедру вакантною и взять на себя временное управленіе епархіей, но напротивъ объявилъ конкордатъ нарушеннымъ и ссылки на него впредь неимѣющими силы для католиковъ въ ихъ сношеніяхъ съ кантональными правительствами, то правительства, съ своей стороны, объявили, что догматомъ о непогрѣшимости папа самъ нарушилъ конкордатъ; ихъ же дѣйствія, сообразныя притомъ съ самимъ конкордатомъ и уже потому обязательныя для католиковъ, имѣютъ, кромѣ того, силу для всѣхъ тѣхъ католиковъ, кои, какъ нѣкогда и самъ папа, признаютъ за государствомъ не только обязанность оплачивать культъ, но и право участвовать въ дѣлахъ церкви. Конференція поэтому опредѣлила, оставляя приходы на прежнемъ основаніи, при назначеніи на мѣста и удаленіи съ нихъ священниковъ, довольствоваться выговоренными въ договорѣ и конкордатѣ правами прихожанъ и конференціи. Такимъ образомъ не произошло ни малѣйшаго замѣшательства въ управленіи приходами, и всѣ священники-паписты замѣнены священниками-старокатоликами. Въ виду нѣжныхъ посланій папы къ низложенному епископу и не подчинившемуся распоряженіямъ правительства духовенству, заинтересованный въ этомъ дѣлѣ народъ и представляющія его кантональныя правительства поняли, что дѣломъ епископа задѣтъ самъ Римъ, и что оттуда нельзя получить епископа, не признавъ своего подчиненія. Такія дѣйствія кантональныхъ правительствъ, при ихъ народномъ характерѣ, получили видъ народнаго движенія. Только что зачинавшійся тогда старокатолицизмъ со-

сѣдней Германіи, въ лицѣ лучшаго изъ своихъ представителей І. Г. Рейнкенса, осмыслилъ его съ религіозной точки зрѣнія. Такимъ образомъ широкія права, коими пользовались правительства по конкордату, народный характеръ движенія и старокатолическія идеи — вотъ тѣ элементы, коими съ перваго начала опредѣлился характеръ борьбы государства противъ Римской церкви въ предѣлахъ базельской епархіи. Внѣшняго потрясенія тутъ не произошло. Располагая значительнымъ числомъ священниковъ, не сочувствующихъ притязаніямъ Рима, опираясь на народъ, ставшій на ихъ сторону, кантональныя правительства, не смотря на вакантность каѳедры и на нежеланіе епархіальнаго капитула назначить мѣстоблюстителя, могли принять вполнѣ законныя мѣры во избѣжаніе замѣшательствъ въ церковномъ управленіи. Это тѣмъ болѣе, что выговоренныя въ конкордатѣ права, коими пользовались кантональныя правительства и приходы базельской епархіи въ дѣлахъ церкви, повидимому, совпадали съ требованіями старокатолицизма, какъ-то: избраніе и низложеніе епископа, избраніе священниковъ и веденіе церковнаго хозяйства. Такимъ образомъ одни стояли за права, дарованныя конкордатомъ, отмѣны коего, по ихъ мнѣнію, они не заслужили, другіе опирались на идеи старокатолицизма, а всѣ вмѣстѣ требовали одного и того же. Между тѣмъ для людей, дорожившихъ правами конкордата, со дня на день все болѣе выяснялась невозможность возстановить его съ Римомъ и полная возможность сохранить эти права внесеніемъ ихъ въ сферу общаго права. Въ виду этого народнаго настроенія и особенно въ виду невозможности, на основаніи конкордата, получить епископа, кантональныя правительства уже заявили прямо, что назначеніе новаго епископа произойдетъ во всемъ по прежнему, но на основаніи не конкордата, а общаго государственнаго права, которое всѣ кантоны внесутъ въ свои конституціи и которое будетъ вѣроятно санктифицировано въ союзной конституціи. Эта мысль о замѣнѣ правъ по конкордату общимъ государственнымъ правомъ ранѣе этого провоз-

глашенія развилась и созрѣла подъ вліяніемъ законодательной борьбы государства противъ захватовъ Римской церкви въ Женевѣ.

Ватиканскія опредѣленія повсюду вызвали противъ себя, какъ извѣстно, двоякое движеніе: религіозное и политическое. Но эта общность вызвавшей ихъ причины еще не предполагаетъ общности ихъ дѣйствія. Особенно должно дорожить полною самостоятельностію движеніе религіозное. Пользоваться содѣйствіемъ политическаго движенія, а тѣмъ болѣе подчиниться ему, оно могло бы только въ такомъ случаѣ, если бы политика руководилась тѣми же началами, какъ и религія, и если-бы не полагали различія между нравственностію государственною, политическою и нравственностію церковною, религіозною. На примѣрѣ нѣмецкихъ старокатоликовъ мы уже видѣли, какъ можетъ деморализироваться религіозное движеніе, польстившееся на содѣйствіе политики, не только не руководящейся какими-либо религіозно-нравственными началами, но и прямо презирающей ихъ. Теперь же на примѣрѣ старокатолическаго движенія въ Женевѣ мы намѣрены показать, какъ дѣлу религіи опасна бываетъ поддержка даже со стороны политики, старающейся, повидимому, стать въ уровень съ нравственными началами религіи.

Въ 1815 году волею великихъ державъ маленькій кантонъ Женева окончательно включенъ въ Швейцарскій Союзъ и расширенъ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ католическихъ общинъ Савойи. Новые граждане кантона объявлялись равноправными съ прежними и въ политическомъ, и въ религіозномъ отношеніи. Такимъ образомъ, вслѣдствіе своего территоріальнаго расширенія, протестантскій Римъ, по своей невѣротерпимости не уступавшій католическому, *поневолѣ* сдѣлался вѣротерпимѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Римская церковь, въ лицѣ почти половины женевскихъ гражданъ, получила въ этомъ кантонѣ такое же государственное положеніе, какъ и національная, Протестантская. Въ духовномъ управленіи присоединенныя католическія общины находились въ вѣдѣніи шамберійскаго епископа въ Савойѣ.

Пользуясь ихъ присоединеніемъ, при указанныхъ выше условіяхъ, къ Женевскому кантону, папа соглашался отдѣлить ихъ отъ шамберійской епархіи, но съ тѣмъ, чтобы возстановлено было древнее католическое епископство въ Женевѣ. Кантонъ нашелъ, что подобныя требованія не могутъ, строго говоря, быть необходимы для равноправности новыхъ гражданъ. При содѣйствіи великихъ державъ, Женевѣ удалось уговорить папу отдѣлить новыя общины отъ прежней епархіи и, не образуя новой, подчинить ихъ епархіальному вѣдомству одного изъ существовавшихъ уже швейцарскихъ епископствъ, а именно: лозанскаго, коего каѳедра находится во Фрибургѣ, и коему съ тѣхъ поръ назначено именоваться лозанскимъ и женевскимъ. Изданное по этому случаю папское бреве нашло свое признаніе въ конституціонныхъ статьяхъ о положеніи Католической церкви въ Женевѣ. На это бреве и на признающія его статьи женевской конституціи съ тѣхъ поръ всегда смотрѣли какъ на формальный конкордатъ. Но, не смотря на это, римская курія съ того времени и по нынѣ не оставляла сладостной мечты о возстановленіи древняго женевскаго епископства и всѣми силами старалась осуществить ее. Такъ, изъ Рима стали было подбивать покойнаго епископа лозанскаго и женевскаго подать просьбу объ отставкѣ отъ управленія женевскою церковью; но тотъ, считая Женеву, въ силу папскаго бреве до новаго равносильнаго распоряженія, интегральною частію своей епархіи, соглашался подать въ отставку лишь отъ управленія цѣлой епархіи и тѣмъ не далъ папѣ предлога разорвать обязательства къ Женевскому кантону. При нынѣшнемъ же лозанскомъ и женевскомъ епископѣ папа заблагоразсудилъ возвести въ санъ епископа хевронскаго in partibus infidelium генеральнаго викарія и канонически-законнаго приходскаго священника города Женевы, Гаспара Мермильо. Не усматривая въ сообщеніи епископа лозанскаго и женевскаго объ этомъ ничего, что измѣняло бы положеніе Мермильо, какъ приходскаго священника, правительство Женевы не нашло нужнымъ сказать что-либо ни за, ни противъ. Чрезъ

нѣсколько времени въ Женевѣ получается новое сообщеніе изъ Фрибурга, въ которомъ епископъ Стефанъ Марилей извѣщаетъ правительство кантона, что вслѣдствіе желанія святаго отца онъ, пользуясь епископскимъ саномъ своего генеральнаго викарія въ Женевѣ, предоставляетъ свои каноническія права по управленію женевской церкви епископу хевронскому, Гаспару Мермильо, и проситъ правительство въ дѣлахъ административно-церковныхъ обращаться непосредственно къ сему послѣднему. Не видя и тутъ отказа каноническаго епископа отъ части его епархіи и усматривая лишь простую делегацію правъ другому правоспособному лицу, женевское правительство не возражало и противъ этого — тѣмъ болѣе, что въ подписи и на печати всѣхъ исходящихъ отъ епархіальнаго епископа официальныхъ бумагъ продолжало стоять всегда: „епископъ лозанскій и женевскій“. Такъ прошло много лѣтъ. Римская же курія—большая мастерица пользоваться правами давности. И вотъ прошелъ слухъ, что въ Римѣ давно уже все готово, и остается только объявить Женеву отдѣльнымъ епископствомъ. Первою заявила объ этихъ намѣреніяхъ „Gazette de Lausanne“. Въ виду серьезнаго характера газеты, ея извѣстіе всполошило правительство Женевскаго кантона. Скоро представился случай провѣрить слухъ: нѣсколько католическихъ приходовъ въ кантонѣ сдѣлались вакантными. Правительство обращается непосредственно къ каноническому епископу лозанскому и женевскому въ Фрибургъ съ приглашеніемъ его войти съ нимъ въ соглашеніе на счетъ замѣщенія вакантныхъ приходовъ. Марилей же отсылаетъ его къ Мермильо. Тогда правительство проситъ снова епископа лозанскаго и женевскаго о замѣщеніи свободныхъ мѣстъ, объясняя ему, что оно не считаетъ себя обязаннымъ признавать епископскаго делегата даже и тогда, когда онъ пересталъ быть пріятенъ ему. На это послѣ долгихъ проволочекъ Марилей отвѣчалъ полнымъ отказомъ завѣдывать дѣлами женевской церкви, давая понять, что онъ—подчиненный и долженъ свято исполнять волю своего начальника. На конвертѣ этого сообщенія была печать:

„епископъ лозанскій", а слова: „и женевскій" были приписаны чернилами. Немного спустя, изъ Фрибурга извѣстили, что святѣйшій отецъ, снисходя на просьбу Стефана Марилей, изволилъ отставить его отъ управленія римско-католиками Женевы. Подпись и печать гласили просто: „епископъ лозанскій".

Тутъ уже женевское правительство поняло, что непогрѣшимый папа не въ шутку думаетъ воспользоваться статьею XLIII *Силлабуса*, по коей „всякій конкордатъ есть лишь частный законъ, издаваемый папой, а форма договора касается только обязательствъ государства; но лишь одному папѣ принадлежитъ право толковать его". Тогда Женева увидѣла, что папа, одностороннею властію раздвоивъ существовавшую въ силу договора съ нимъ епархію, самъ отмѣнилъ свое бреве, въ виду котораго въ женевскую кантональную конституцію были включены тѣ, а не иныя статьи о положеніи Католической церкви въ кантонѣ. Правительство тотчасъ же вознамѣрилось предложить законодательной палатѣ кантона измѣнить конституціонныя статьи о Католической церкви такъ, чтобы, нисколько не ухудшая положенія этой церкви по отношенію къ государству сравнительно съ тѣмъ, какое она имѣла по конкордату, обосновать его на общемъ правѣ. Между тѣмъ наступило время перемѣны личнаго состава правительства. Ультрамонтаны употребляли всѣ свои усилія въ выборахъ, чтобы устраненіемъ непріятныхъ имъ лицъ изъ среды правительства предотвратить даже обсужденіе внесеннаго уже проекта. Но большинство народа подало голоса за людей, вступившихся за авторитетъ кантона и его достоинство. Такимъ образомъ былъ выбранъ прежній личный составъ правительства, и разсчеты ультрамонтанъ не оправдались. Проектъ измѣненія конституціи, предложенный правительствомъ, не смотря на сильную оппозицію ультрамонтанъ и соединившихся съ ними для своихъ особенныхъ цѣлей радикаловъ, былъ принятъ законодательной палатой; но чтобы получить силу закона, какъ проектъ измѣненія конституціи, подвергся всеобщему голосованію народа и также былъ принятъ гро-

мадным̈ъ большинствомъ. Что же касается федеральнаго правительства и законодательства, то они держались пока въ сторонѣ во всемъ этомъ дѣлѣ—до того, что новый женевскій законъ, какъ измѣненіе конституціи раньше своего примѣненія долженствовавшій получить санкцію союзныхъ палатъ, долгое время оставался безъ разсмотрѣнія. Такъ какъ непосредственныя сношенія съ Римомъ принадлежали союзному правительству, и такъ какъ оно не получало никакихъ заявленій со стороны куріи на счетъ ея намѣреній передѣлать фрибургскую епархію, то ему и приходилось ждать рѣшительнаго шага со стороны самого папы. Этотъ рѣшительный шагъ и послѣдовалъ. Въ одно прекрасное воскресенье во всѣхъ католическихъ церквахъ Женевскаго кантона прочитано было папское бреве о назначеніи г. Мермильо самостоятельнымъ епископомъ Женевы, и это раньше сообщенія этого документа федеральному правительству, что вопреки не только праву, но и дипломатическимъ приличіямъ. Признавъ себя оскорбленнымъ, союзное правительство тотчасъ же сдѣлало швейцарскому гражданину Мермильо запросъ: принимаетъ ли онъ званіе, данное ему чужеземною властію съ цѣлью оскорбить правительство его страны? На утвердительный отвѣтъ Мермильо послѣдовалъ декретъ объ удаленіи изъ Швейцаріи этого гражданина до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ считать себя подданнымъ иноземной власти. Съ этихъ поръ федеральное правительство, имѣя явное доказательство, нарушенія конкордата папою, не считало себя болѣе связаннымъ въ своихъ мѣрахъ. Тотчасъ же послѣдовала федеральная санкція женевскаго конституціоннаго закона, и союзныя палаты, при ревизіи союзной конституціи по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, приняли руководительнымъ началомъ женевскій принципъ замѣны конкордатныхъ отношеній отношеніями общаго права. Съ этого момента de facto прекратились дипломатическія сношенія съ Римомъ, и если нунціатура существовала и послѣ, то только изъ вниманія къ личнымъ качествамъ послѣдняго нунція.

Теперь Женева могла приступить къ составленію но-

ваго закона о положеніи Католической церкви въ кантонѣ; но еще раньше составленія этого закона папа уже объявилъ его схизматическимъ. Въ силу этого ультрамонтаны съ злорадствомъ заявляли, что такъ какъ въ примѣненіи закона, т. е. въ выборѣ священниковъ, будутъ участвовать лишь одни католики, и такъ какъ вѣрные сыны папы не примутъ въ томъ участія, то первые же выборы окажутся недѣйствительными, ибо готовыхъ участвовать въ нихъ схизматиковъ не наберется даже на столько, чтобы составить необходимую по закону для дѣйствительности выборовъ треть вписанныхъ на приходскіе листы избирателей. Письма папы къ изгнаннику и къ лишенному пастыря духовенству вызвали на Женеву всѣ громы ультрамонтанства. Истые католики приглашались напередъ заявить, что они не подчинятся схизматическимъ законамъ о Католической церкви, которые будутъ составлены на основаніи новыхъ, тоже схизматическихъ, статей конституціи. Противъ этого вліянія на убѣжденія вѣрующихъ и въ виду фіаско, которое ультрамонтаны готовили новымъ законамъ, у правительства не было и не могло быть никакихъ средствъ предупрежденія. Но такъ какъ народъ одобрилъ идею этихъ законовъ, то самъ же онъ взялся подготовить и почву для ихъ осуществленія. Этимъ государство вполнѣ обязано вліянію чисто религіознаго движенія, результатамъ борьбы старокатолицизма съ римскимъ католицизмомъ. Новые законы прошли съ успѣхомъ въ силу лишь того, что положенныя въ основу ихъ начала, казалось, были почти въ уровень съ началами старокатолицизма, и въ силу все большаго и большаго проникновенія старокатолическихъ воззрѣній въ массу женевскаго народа. Число гражданъ-католиковъ, готовыхъ воспользоваться новыми законами, росло со дня на день, потому что со дня на день возростало число людей, переставшихъ вѣрить, что sine papa nemo potest salvari. Правда, вслѣдствіе опрометчивости со стороны римской куріи, пользованіе новымъ закономъ должно было сдѣлаться мѣриломъ успѣховъ старокатоличества надъ римскимъ католицизмомъ; но не видно было, что новые законы составятъ собою одинъ изъ

элементовъ, обусловливающихъ этотъ успѣхъ, что они нарушатъ естественное отношеніе взаимно борющихся силъ — римско-католицизма и старо-католицизма. Нѣтъ, въ Женевѣ между двумя враждебными другъ другу религіозными обществами не переставало пока существовать свободное соперничество пропаганды. Этими соображеніями опредѣляется вся важность дѣятельности того человѣка, который стоялъ въ Женевѣ во главѣ этого религіознаго движенія, этой духовной борьбы противъ римской теократіи, — отца Гіацинта, бывшаго кармелита и блестящаго проповѣдника Парижскаго собора Богоматери. Дѣло было такъ. Еще за долго до разсмотрѣнія и изданія новыхъ церковныхъ законовъ въ Женевскомъ кантонѣ самостоятельно образовалось независимое общество либеральныхъ (старыхъ) католиковъ (Association des catholiques libéraux de Genève). Принимались въ это общество только католики, поставившіе своимъ девизомъ — ложность ультрамонтанства и законность протеста противъ его системы, особенно ясно выразившейся въ опредѣленіяхъ Ватиканскаго собора, и обязывавшіеся вносить на расходы общества ежемѣсячно извѣстную, разъ навсегда добровольно назначенную, сумму — не менѣе, впрочемъ, 20 сантимовъ 5 коп. Въ основу своей программы это общество положило старокатолическія начала въ смыслѣ отрицанія папскаго главенства и признанія автокефальности національно-католическихъ церквей, поставило своею задачею вступить въ сношенія съ главными комитетами по старокатолическому движенію, принять мѣры къ распространенію старокатолическихъ понятій въ Женевскомъ народѣ и озаботиться объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ своихъ адептовъ. Въ исполненіе-то послѣднихъ двухъ возложенныхъ имъ на себя заботъ общество обратилось къ отцу Гіацинту съ просьбою прибыть въ Женеву и дать нѣсколько конференцій. Но дѣло не ограничилось нѣсколькими конференціями: отецъ Гіацинтъ вскорѣ сталъ душею и центромъ всего старокатолическаго движенія въ Женевѣ.

Съ прибытіемъ о. Гіацинта, весь городъ заговорилъ

о дѣлѣ, ему предстоявшемъ. Уже однимъ этимъ возбужденіемъ онъ оказалъ большую услугу только еще зачинавшемуся движенію; уже отъ одного этого религіозные вопросы перестали быть исключительнымъ удѣломъ той жреческой касты, коей верховный первосвященникъ находится въ Римѣ; уже однимъ этимъ пробужденъ былъ въ народѣ живой, дѣятельный интересъ къ существеннѣйшимъ вопросамъ частной и общественной жизни. Бывшему въ ту пору въ Женевѣ легко было представить себѣ картину, какую представляла Византія во время бывшихъ тамъ догматическихъ споровъ. Тогда въ Женевѣ только и было толковъ что объ отцѣ Гіацинтѣ и о томъ, что онъ скажетъ и сдѣлаетъ относительно поднятыхъ религіозныхъ вопросовъ. Наканунѣ первой конференціи я зашелъ въ одну цирюльню. Цирюльникъ брилъ какого-то господина, но видно было, что всѣ мысли его не тутъ: онъ продолжалъ начатый имъ передъ тѣмъ споръ съ товарищемъ о томъ, за кого выдастъ себя Гіацинтъ — за протестанта или за католика, коль скоро вѣрно, что онъ не признаетъ папы. Только крикъ пораненнаго паціента заставилъ его на время удержать свои порывы. При всей незначительности своей, подобный фактъ показывалъ, чѣмъ и до какой степени интересовался въ тѣ поры Женевскій народъ. Въ то время нерѣдкость было видѣть, какъ двое знакомыхъ, встрѣтившись на улицѣ, вмѣсто „Bon jour, mon cher!“ начинали прямо съ того: „Есть-ли у васъ билетъ на слѣдующую конференцію?“ при чемъ уже само собою подразумѣвалось *чтю*. Можно сказать положительно. что тысячи народа рвались на конференціи блестящаго оратора. Комитетъ названнаго выше общества нанялъ для нихъ громадную залу Реформаціи, вмѣщающую свободно свыше 5000 человѣкъ. Чтенія объявлены безплатными; но, во избѣжаніе наплыва публики въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ могла вмѣстить зала, и могущихъ отъ того произойти давки и смятенія, входъ назначенъ по билетамъ, кои въ числѣ 5000 и раздавались желающимъ безплатно. Однако же, запастись картою на входъ было не легко. Вотъ, напримѣръ, что

нужно было перенести, чтобъ достать себѣ билетъ на первую конференцію. Было объявлено, что раздача картъ будетъ производиться у книжнаго магазина Верезова и Гарригъ, въ такой-то день, въ 8½ часовъ утра. Не смотря на ранній часъ дня, не смотря даже на проливной дождь, въ назначенный день, за часъ до объявленнаго времени, большая площадь предъ названнымъ магазиномъ была уже покрыта сплошною толпою. При открытіи конторки и появленіи въ дверяхъ трехъ членовъ комитета съ пачками билетовъ въ рукахъ, вся эта мокрая масса рванулась такъ, что у многихъ захватило дыханіе. Въ виду неудобства такого способа раздачи билетовъ, для второй конференціи ихъ раздавали по слѣдующей системѣ: желающіе присылали письменныя требованія въ комитетъ, и карты подвергались тиражу лоттереи. Изъ обнародованнаго комитетомъ отчета видно, что на 5000 имѣвшихся въ его распоряженіи билетовъ поступило 35,000 требованій. Эта система требовала громадной работы отъ комитета. Оттого на слѣдующія четыре конференціи билеты раздавались членамъ общества либеральныхъ католиковъ, съ порученіемъ распространять ихъ въ публикѣ. Для того же, чтобы читатели сколько-нибудь могли составить себѣ ясное понятіе объ этихъ конференціяхъ, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней обстановкѣ и характерѣ ихъ. Чтеніе начиналось всегда въ 8 ч., а зданіе залы Реформаціи уже въ 6 часовъ находилось въ осадномъ положеніи, и простирающаяся предъ нимъ большая площадь бывала уже покрыта густою толпою людей, изъ коихъ многіе пришли и безъ билета, въ надеждѣ попасть въ залу и такъ. Мнѣ каждый разъ стоило труда — пробиться сквозь эту толпу. Съ видомъ побѣдителя входилъ я въ дверь, точно въ тріумфальныя ворота, и на порогѣ довольнымъ воиномъ отдавалъ распорядителю эту карту съ надписью: „A l'entrée elle sera rigoureusement exigée“, какъ послѣ побѣды сдается на храненіе трофей. Тому, кто бы пришелъ чрезъ полчаса по открытіи залы, уже нечего искать переднихъ мѣстъ,—ихъ нѣтъ даже въ проходахъ: приходилось оставаться назади. Извнѣ зданіе залы Рефор-

маціи имѣетъ видъ огромнаго сарая или амбара безъ оконъ. Внутренность его занята сполна одною лишь громадною залою подъ крышею безъ потолка, но съ двумя отверстіями, служащими и вмѣсто оконъ, и вмѣсто душниковъ. Вокругъ всего зданія по стѣнамъ тянутся галлереи въ два яруса. Въ стѣнѣ противъ входа — громадная ниша, и въ ней возвышается двумя террасами обширная трибуна. Часть верхней террассы обнесена рѣшеткой. Это и есть мѣсто для ораторовъ, а за нимъ въ стѣнѣ дверь для ихъ выхода. Остальное пространство трибуны на верхней и нижней террассѣ занято стенографами, членами комитета, пасторами и т. п. Зала же, какъ мы сказали, вся полна. Тутъ одни сидятъ, другіе стоятъ, а третьи пробираются съ складными стуликами, чтобъ помѣститься гдѣ-нибудь въ проходѣ. Посмотримъ наверхъ въ галлереи. Тамъ таже давка, тамъ точно въ процессіи пробираются по стѣнкамъ запоздалые, отыскивающіе себѣ мѣстечка, гдѣ бы, какъ говорится, приткнуться. Шумъ отъ вскрикиваній и перекличекъ — женскихъ и мужскихъ — наполняютъ воздушныя пространства залы. Все же это залито свѣтомъ тысячи газовыхъ рожковъ. Но вотъ, въ рожкахъ прибавляютъ газу, дверь на трибуну отворяется, и на ней является ораторъ всегда ровно въ 8 часовъ. Точно по чьему-то мановенію, въ одинъ мигъ со всѣхъ головъ слетаютъ шапки, и воцаряется тишина. Поклонившись публикѣ, проповѣдникъ начинаетъ свое дѣло. Два-три выраженія, и зала дрожитъ отъ грома рукоплесканій съ криками. И эта пятитысячная слишкомъ толпа, въ которой, конечно, всегда находились и люди, приходившіе сюда съ единственнымъ намѣреніемъ выискать случай, чтобы произвести скандалъ—и эта толпа держала себя не только съ достоинствомъ, но и свидѣтельствуя оратору свое глубокое сочувствіе каждый разъ, какъ „рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися“. Въ первый, быть можетъ, разъ на западѣ устами католическаго священника произносимы здѣсь были слова: „вѣра и отечество“ въ томъ смыслѣ неразрывнаго, но и не слiяннаго ихъ единенія, въ какомъ до сихъ поръ только

одни мы, русскіе, умѣли ихъ произносить. И такихъ конференцій было пять! Первая изъ нихъ была, по просьбѣ публики и комитета повторена, что доводитъ число сеансовъ до шести. Вотъ что, между прочимъ, говорилось въ швейцарскихъ газетахъ объ этомъ повтореніи. „Journal de Genève“ писалъ: „Стенографическіе отчеты о первой конференціи въ газетахъ, разошедшихся по этому случаю въ тысячахъ лишнихъ экземпляровъ, сдѣлали для оратора невозможнымъ ея буквальное повтореніе. Дѣло, поэтому, шло о свободно-художественномъ воспроизведеніи сказаннаго 6 (18) марта, и отецъ Гіацинтъ вышелъ побѣдителемъ“. „Gazette de Lausanne“ выражается такъ: „Говорятъ, что когда Тальма или Рашель объясняли на сценѣ Расина и Мольера, то всякій разъ это было въ одно время и тоже самое, и нѣчто новое. Таково и повтореніе у отца Гіацинта“. Въ виду этого нечего и говорить о хлопотахъ достать входную карту на каждую изъ конференцій и о радости — всякій разъ новой — владѣть ею.

Передадимъ теперь содержаніе курса конференцій, даннаго отцемъ Гіацинтомъ въ Женевѣ съ 6 (18) марта по 9 (21) мая 1873 года. Вотъ оно: 1) Невѣрность отождествленія папства съ каѳоличествомъ; неуспѣшность до сихъ поръ борьбы противъ папства именно оттого, что, обобщивъ его съ каѳоличествомъ, боролись и противъ сего послѣдняго; законность борьбы противъ папства и безсмысленность ея противъ каѳоличества; 2) Что такое папство и что такое истинно-каѳолическая церковь; 3) Каѳолическая реформа семьи; 4) и 5) Съ чего слѣдуетъ начать, чтобы на западѣ создать каѳолическую церковь, которая могла бы войти въ общеніе съ дѣйствительно апостольскою и каѳолическою (veritablement apostolique et catholique) церковью Востока и Россіи, основывающеюся на семи великихъ вселенскихъ соборахъ и лучше запада (mieux que nous) соблюдшею священный залогъ (depôt, depotisum). Въ болѣе связномъ и разработанномъ видѣ содержаніе это можно передать такъ: Съ первой же конференціи отецъ Гіацинтъ установилъ различіе между римскимъ католициз-

момъ, исключающимъ всякое разнообразіе и дѣйствительнымъ каѳоличествомъ, живущимъ лишь во многообразіи національныхъ проявленій. Поставивъ такъ вопросъ, онъ сразу далъ женевцамъ понять, что въ основѣ нынѣшняго движенія лежитъ совершенно иное стремленіе, чѣмъ то, которое воодушевляло Лютера и другихъ реформаторовъ. Участіе народа въ дѣлахъ церкви и каѳоличество безъ папы съ національными церквами—это нѣчто другое, чѣмъ Лютерово отрицаніе церкви. Поэтому, для всѣхъ были понятны его смѣлыя увѣщанія, его горячія мольбы не вдаваться въ эту другую крайность, которая могла прельщать людей, лишь пока въ виду былъ только римскій католицизмъ, но которая должна потерять свою обаятельность при свѣтѣ истиннаго каѳоличества. Постоянныя ссылки на Церковь Восточную въ подтвержденіе его понятія о каѳоличествѣ и сочувственные отзывы объ ней и о той роли, которая ей предстоитъ въ дѣлѣ возрожденія запада, дали Женевцамъ возможность отвѣчать ультрамонтанамъ, отрицавшимъ у нихъ право называть себя католиками (каѳоликами) потому только, что они не признаютъ папу, — такъ: „Да вѣдь и самое слово „католикъ (каѳоликъ)“—не папское. Это слово греческое, и его употребляла церковь нераздѣльная, и до сихъ поръ употребляютъ и Греки, и Русскіе, когда говорятъ о своей Восточной Церкви; а вѣдь всѣмъ извѣстно, что ни церковь до раздѣленія, ни Греки, ни Русскіе не признаютъ папы“. Доказавъ ложность римскаго католичества, выставивъ на видъ истинное каѳоличество Восточной Церкви и предостерегши отъ крайности, отецъ Гіацинтъ перешелъ къ необходимости возстановленія истиннаго каѳоличества на западѣ и къ связаннымъ съ нимъ практическимъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи строго разграничивая въ каѳоличествѣ два элемента—національный и космополитическій, отецъ Гіацинтъ опредѣляетъ сферу, въ которой каждая національная церковь можетъ организоваться безъ вмѣшательства другихъ, указываетъ и область, въ которой она и шагу не можетъ сдѣлать безъ согласія другихъ католическихъ (каѳолическихъ) церквей. Стоя на кано-

нически-церковной почвѣ, онъ за каждою національною церковью признаетъ право распоряжаться своими внутренними дѣлами лишь посредствомъ канонически-законныхъ органовъ. Такими органами, безъ коихъ церковь не можетъ считаться католическою, являются епископы, священники и діаконы, причемъ самостоятельною единицей церковь можетъ быть признана только, когда у ней есть хоть одинъ епископъ. Такимъ образомъ, не отказываясь и теперь отъ проведенія нѣкоторыхъ реформъ—литургическихъ (употребленіе національнаго языка при богослуженіи, причащеніе подъ двумя видами, муропомазаніе священниками тотчасъ же послѣ крещенія, самое крещеніе чрезъ погруженіе) и дисциплинарныхъ (какъ, напримѣръ, отмѣна безбрачія для лицъ духовныхъ),—онъ умолялъ смотрѣть на это не какъ на нѣчто законно-канонически законченное, а скорѣе какъ на вещи подготовительныя, и мнить сіе добро быти только за настоящую нужду (1 Коринѳ. VII, 26), блюдя, да не како власть сія преткновеніе будетъ немощнымъ (1 Коринѳ. VIII. 9), и оставаясь всегда готовыми подчиниться рѣшенію собственнаго епископата, отвергнетъ ли онъ ихъ или утвердитъ. Что же касается реформъ догматическихъ, то ихъ, собственно говоря, не можетъ быть. Слѣдуетъ принять догматы во всей ихъ чистотѣ и неприкосновенности, какъ сохранила ихъ Церковь Восточная. Для этого необходимо войти съ нею въ общеніе вѣры и любви и вмѣстѣ съ нею обстоятельно разсмотрѣть нововведенія Рима, а для достиженія этого опять-таки необходимы каноническіе органы, кои могла бы признать таковыми и сама Церковь Восточная. До тѣхъ же поръ всякое обращеніе къ ней будетъ имѣть характеръ не болѣе какъ личнаго присоединенія къ ней съ подчиненіемъ всѣмъ ея внѣшнимъ мѣстнымъ и обрядовымъ особенностямъ. Между тѣмъ всѣми силами нужно стремиться къ возстановленію единой каѳолической церкви, какъ понималась она въ древности. и какъ понимается и теперь Церковью Восточною. Такъ какъ вопросъ о посвященіи старокатолическаго епископа рѣшенъ уже въ Германіи, то въ этомъ отношеніи Швей-

царцамъ нечего задумываться. Они прямо обратятся къ утрехтскимъ епископамъ. Восточная Церковь, которая и по отдѣленіи отъ нея Римской, никогда не переставала признавать законность ея священства, Восточная Церковь, говорятъ Швейцарцы, не можетъ, не рискуя быть непослѣдовательною, отрицать законность священства по римскому обряду въ церкви Утрехтской, потому только, что эта церковь отлучена Римомъ за непризнаніе ею союза съ нимъ, то есть изъ-за тѣхъ притязаній, изъ-за коихъ самъ Римъ исключенъ былъ изъ общенія вѣры и любви Церковью Восточною. Получивъ такимъ образомъ католически-законное рукоположеніе, отвергая папство и его нововведенія и являясь духовными представителями единомыслящей съ ними паствы, старокатолическіе епископы, вмѣстѣ съ своими пасомыми, представятъ дѣйствительную каѳолическую церковь, de facto находящуюся на пути къ общенію вѣры и любви съ Церковью Восточной. Недоставать будетъ только формальнаго акта единенія, и это можно сдѣлать лишь посредствомъ каноническихъ органовъ — епископовъ той и другой церкви. Такимъ-то образомъ пятитысячная толпа, наполнявшая громадную залу Реформаціи каждый разъ, какъ тамъ раздавалось слово, примирявшее въ ея мысляхъ и стремленіяхъ эти двѣ дорогія вещи: вѣру и отечество, установливала мало по малу свой взглядъ на дѣло.

Но, кромѣ этого проповѣдническаго дѣла, отца Гіацинта, сверхъ всякаго чаянія, ожидала въ Женевѣ и другая задача — быть духовнымъ отцомъ новой, самостоятельно, внѣ всякихъ оффиціальныхъ отношеній, образовывавшейся паствы. Организуясь въ отдѣльную церковь, женевскіе старокатолики дѣйствовали по примѣру древнихъ христіанъ, устроивавшихся въ общины, не спрашиваясь, конечно, у государственной власти. На средства изъ членскихъ взносовъ общество либеральныхъ католиковъ рѣшило устроить правильное отправленіе духовныхъ требъ, видя въ этомъ исполненіе долга по отношенію къ своимъ адептамъ и лучшее средство распространенія старокатолическихъ понятій. Не имѣя

возможности выстроить для своей общины храмъ, оно выпросило у города въ свое распоряженіе на извѣстное время большую залу въ старой библіотекѣ Кальвина. Эту-то залу, вмѣщающую въ себѣ тысячи двѣ съ половиною человѣкъ, и обратили въ церковь, устроивъ у одной изъ ея стѣнъ алтарь. Въ виду, впрочемъ, только что начинавшейся дѣятельности своей въ Женевѣ и не обезпеченный еще на счетъ ея результатовъ, отецъ Гіацинтъ дѣйствовалъ осторожно въ принятіи на себя священническихъ обязанностей въ новой общинѣ. Поэтому, въ первомъ религіозномъ собраніи, состоявшемся въ день западной пасхи, а нашего вербнаго воскресенья, дѣло началось проповѣдью отца Гіацинта о смыслѣ подобныхъ собраній. Указавъ на свободу, какую церковь всегда допускала относительно обрядовыхъ сторонъ богослуженія—особенно въ исключительныхъ случаяхъ, онъ, во всякомъ случаѣ, не считалъ себя въ правѣ, не обсудивши зрѣло положенія дѣлъ, отступить отъ узаконенныхъ,—если и не всегда удовлетворительныхъ, то непремѣнно почтенныхъ,—формъ культа. Затѣмъ, онъ просилъ вѣрующихъ, до времени такого обсужденія, довольствоваться богослуженіемъ въ родѣ нашей обѣдницы, состоящимъ въ чтеніи дневныхъ апостола и евангелія, въ пѣніи символа вѣры, въ возглашеніи молитвы Господней и въ заключительной молитвѣ съ благословеніемъ народа. Этотъ же характеръ имѣло богослуженіе и въ Ѳомино воскресенье по заграничному, а въ пасху по нашему календарю. Проповѣдь была на текстъ: „Миръ вамъ“. Въ заключительныхъ же словахъ проповѣдникъ просилъ Бога о мирѣ святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ. „Мы молимъ Тебя, Боже, о Матери нашей, Церкви Латинской. Дай ей разумъ и сердце новы, а станетъ она дѣйствительною сестрою восточной каѳолической церкви, и да оставитъ ее духъ любоначалія. Мы молимъ Тебя, Боже, и о Церкви Восточной, которая и здѣсь, въ Женевѣ, въ русскомъ храмѣ пѣла нынѣ всю ночь побѣдныя пѣсни воскресшему Христу. Солнце прежде чѣмъ быть на западѣ освѣщаетъ предѣлы Востока. Съ Востока приходитъ къ намъ и свѣтъ солнца,

и свѣтъ истины. Ex oriente lux"! Въ слѣдующее воскресенье — тотъ же характеръ богослуженія. Чтеніе евангелія о добромъ пастырѣ. Проповѣдь же начата была такъ: „Не знаю, кто изъ васъ оставилъ кого. Знаю только, что пастыри ваши, мало заботясь объ овцахъ, повели ихъ на пажити съ отравленными травами. Но они забыли, что имѣютъ дѣло съ *словесными* овцами. Вы не захотѣли слѣдовать за ними, и такъ произошла разлука. Но Господь близъ есть, какъ близко былъ Онъ къ ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ". Въ высокопоэтическихъ краскахъ изобразивъ явленіе Христа ученикамъ у этого моря, проповѣдникъ воскликнулъ: „Да, Господь возставитъ вамъ пастырей изъ среды вашей, по сердцу вашему,—людей, избранныхъ вами, но званныхъ волею Божіею ни человѣкомъ, ни отъ человѣкъ". Далѣе проповѣдь была о томъ, что избраніе не есть еще посвященіе, и о непрерывности благодати священства отъ апостоловъ, передаваемой возложеніемъ рукъ, какъ необходимомъ условіи его дѣйствительности. Несмотря на подобныя заявленія и разъясненія и въ этихъ собраніяхъ, и на конференціяхъ, между протестантами и ультрамонтанами пошли разговоры: одни съ радостію, а другіе съ злорадствомъ стали обзывать богослуженіе либеральныхъ католиковъ *неопротестантскимъ*. Понятна цѣль подобныхъ разговоровъ. Въ устраненіе недоразумѣній, комитетъ общества либеральныхъ католиковъ упросилъ отца Гіацинта воспользоваться ученіемъ западной церкви о томъ, что священство есть indélébile, и правомъ „за настоящую нужду" (1 Корине. VII, 26), которымъ (Nothstand-Recht) такъ широко уже раньше воспользовались искусные каноники, нѣмецкіе старо-католическіе профессора-священники. Въ силу этихъ-то соображеній отецъ Гіацинтъ и рѣшился совершать божественную литургію, не смотря на отлученіе отъ церкви и безъ требуемаго канонами благословенія епископа. Въ виду сплотившихся уже, подъ вліяніемъ конференцій и проповѣдей отца Гіацинта, значительнаго числа католиковъ, искренно и рѣшительно присоединившихся къ новой общинѣ и готовыхъ поддерживать ее своими вкладами,

устройство правильнаго богослуженія не могло представлять также и матеріальныхъ затрудненій. Полная же организація культа могла имѣть еще и нравственное вліяніе, такъ какъ этимъ показывалось, что для существованія старокатолической церкви въ Женевѣ все равно, какой оборотъ получитъ дѣло о новыхъ законахъ, бывшихъ тогда на очереди. При такихъ-то обстоятельствахъ и съ такими-то мыслями открылось правильное совершеніе *мессы* въ той же залѣ библіотеки Кальвина. Во время первой старокатолической литургіи въ Женевѣ — лучшій хоръ тамошнихъ пѣвцовъ исполнялъ прекрасные гимны. Это была обыкновенная латинская месса. Только апостолъ, евангеліе и символъ вѣры читались по-французски. Особенно же пріятное впечатлѣніе произвело на насъ то мѣсто, когда естественный, безъ ксендзовскихъ завываній, голосъ священника внятно провозгласилъ: „Спасительными предписаніями предъувѣдомленные и установленіемъ божественнымъ наученные, мы дерзаемъ говорить Тебѣ: Отче нашъ“ и пр. Послѣ литургіи отецъ Гіацинтъ, обратясь къ народу, началъ такъ: „Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ“. Ваша любовь и настойчивость возвратили мнѣ алтарь. Не магію и не символъ только, а истую дѣйствительность видѣли вы предъ собою. Жертва голгоѳская единая и единственная, всегда таже, какъ и Христосъ, — вчера, днесь и во вѣки, совершена вашею вѣрою и вашею любовью чрезъ меня недостойнаго: ибо мы едино тѣло и единъ духъ“. Послѣ такого вступленія, проповѣдникъ говорилъ объ условіяхъ достойнаго приближенія къ Тѣлу и Крови Спасителя. „Да испытуетъ человѣкъ себе и тако отъ хлѣба до ястъ и отъ чаши да піетъ: ядый и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ„ — изслѣдованіе души самимъ человѣкомъ; „Аще братъ твой имать нѣчто на тя, остави у алтаря даръ твой и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ“ — фактическое засвидѣтельствованіе стремленія къ исправленію, — вотъ тѣ средства, которыми человѣкъ можетъ освѣтить и успокоить свою совѣсть, и только при условіи этого освѣщенія и

успокоенія совѣсти можно приступать къ таинству причащенія, ничто же бояся, ничто же сумняся. Спросятъ: можно ли приступать къ этому таинству, не принявши предварительно таинства покаянія?—Можно, если, при указанныхъ выше условіяхъ, человѣкъ чувствуетъ освѣщеніе и успокоеніе совѣсти. Что въ древности причащались и безъ предварительной исповѣди, видно уже изъ того, что многіе, отправляясь въ дальнія путешествія, брали съ собою запасные Дары. Да и въ настоящее время священно-дѣйствующіе пріобщаются безъ предварительной исповѣди. Что же касается самаго таинства покаянія, то оно есть таинство отдѣльное и самостоятельное и по силѣ дѣйствія, и по благодати, даруемой имъ, а не преддверіе только другаго таинства. Въ рукахъ современнаго іезуитства это таинство стало самымъ могущественнымъ средствомъ угнетенія и растлѣнія совѣстей и сдѣлалось предметомъ ужасающей безнравственности. Въ исповѣди іезуитской прежде всего слѣдуетъ заклеймить отрѣченіе исповѣдующагося отъ личной совѣсти въ пользу духовника. О такой уступленной другому совѣсти у іезуитовъ есть даже свое выраженіе: „Quasi baculus in manu senis — какъ посохъ въ рукахъ старца“. Между тѣмъ даже со стороны неразвитаго ребенка и въ отношеніи опытнѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго священника исповѣдь не должна быть отрѣченіемъ отъ собственной совѣсти. Правда, и самое это отрѣченіе отъ совѣсти отвѣчаетъ также извѣстнымъ потребностямъ человѣческой природы, но потребностямъ извращеннымъ, а именно: потребности господства у пастыря и потребности безотвѣтственности у пасомаго. Стремленіе-то къ безотвѣтственности въ дѣлѣ религіи и нравственности и создало собственно непогрѣшимость папы. Да, есть для человѣка ноша тяжелѣе ноши собственнаго разума (отъ этой послѣдней легко отдѣлываются ложно понятымъ послушаніемъ вѣрѣ)—это ноша собственной совѣсти, и относительно очень мало людей, справляющихся съ нею. Одни сбрасываютъ ее съ себя среди порока, въ опьяненіи страстей или въ софизмахъ разсудка; другіе, считая себя добродѣтельными въ то

время, какъ на самомъ дѣлѣ не больше какъ трусы, сдаютъ эту ношу на руки духовника. Такою исповѣдью настоящая совѣсть замѣняется искусственною. Есть большая фабрика совѣсти для всего римско-католическаго міра — это папство съ непогрѣшимой совѣстью папы, отмѣняющей всякую надобность имѣть кому бы то ни было свою собственную частную совѣсть, и вотъ ее то нужно уничтожить! Настоящая же исповѣдь и по ея происхожденію, и по ея внутренней природѣ не отмѣнима. Нельзя отмѣнить текстъ евангелія и толкованіе, даваемое ему съ первыхъ временъ существованія церкви какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ относительно этого явленія Іисуса Христа ученикамъ въ самый день воскресенія Его, относительно этого дуновенія на нихъ и этихъ торжественныхъ словъ: „Пріимите Духъ Святъ: имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите, держатся“ (Іоан. XX, 22 и 23). Католики всегда вѣровали, что Христосъ далъ своей церкви власть не только *возвѣщать*, но и *совершать* отпущеніе грѣховъ, не потому, чтобъ въ ея распоряженіи были какія-то зачетныя квитанціи преизбыточествующихъ заслугъ святыхъ (thesaurus meritorum), а потому, что вся она, вся ея жизнь есть взаимная любовь ея членовъ, любовь, сказывающаяся чрезъ ея служителя-священника при совершеніи таинствъ молитвою вѣры и надежды. Никакая отдѣльная личность, личность внѣ церкви, внѣ сферы обнаруженія вѣры, надежды и любви, не можетъ сдѣлать этого. Таинства существуютъ только въ церкви. Ея-то вѣрѣ, ея любви, ея молитвамъ послушливъ бываетъ Богъ. Далѣе, есть для исповѣди еще основаніе, кромѣ евангелія и священнаго преданія, — это самая природа человѣка. Подобно разуму и сердцу, совѣсть имѣетъ надобность въ развивающемъ ее воспитаніи. Исповѣдь есть воспитаніе индивидуальной совѣсти совѣстью коллективною—совѣстью церкви, олицетворяемою въ священникѣ. „И въ самомъ дѣлѣ, — восклицаетъ авторъ,—почему бы въ христіанской общинѣ не быть старцу, испытанному и умудренному долгими опытами жизни, посѣдѣвшему въ трудѣ, молит-

вѣ и борьбѣ за добродѣтель и пріобрѣвшему, наконецъ, самое высшее изъ знаній—знаніе сердца человѣческаго съ его грѣхомъ и Божія съ его любовью и прощеніемъ. Сколько тайнъ, которыхъ нельзя сказать кому другому, можно повѣрить старцу церкви, сколько слезъ оросило бы его руки, сколько страшныхъ рыданій утихло бы на его груди"! Съ этихъ поръ старокатолическая литургія совершалась регулярно всякій воскресный и праздничный день въ 8½ часовъ утра. Не смотря на раннее время, при какой бы то ни было погодѣ, около 7 часовъ утра въ эти дни у воротъ библіотеки непремѣнно уже толпилась масса народу, и, по открытіи дверей, огромная зала, вмѣщающая свыше 2000 человѣкъ, наполнялась въ нѣсколько минутъ. Ультрамонтаны и это съумѣли поставить отцу Гіацинту въ упрекъ, утверждая, что эта толпа состояла изъ зѣвакъ: протестантовъ-раціоналистовъ и свободныхъ мыслителей. Да если бы это было и такъ, то что-жъ тутъ дурнаго для проповѣдника, привлекшаго къ себѣ даже людей, не желавшихъ слушать и хорошихъ протестантскихъ ораторовъ, коими такъ богата Женева. Неужели одно только любопытство заставляло людей каждое воскресенье вставать въ 7 часовъ, не смотря на погоду бѣжать къ воротамъ библіотеки и тамъ иногда подъ дождемъ тѣсниться въ толпѣ, пока отопрутъ ворота, чтобы потомъ прытью броситься занимать мѣсто?

Вотъ тѣ средства, коими собственно распространялись и утверждались въ Женевѣ старокатолическія понятія, и наносились смертельные удары ультрамонтанству. Этими мирными завоеваніями воспользовалась и политика. Такъ какъ новый законъ въ томъ видѣ, какъ онъ вырабатывался, стоялъ на высотѣ провозглашаемыхъ отцомъ Гіацинтомъ началъ, то проповѣдникъ и относился къ нему сочувственно. Впрочемъ, выражая свое сочувствіе, онъ всякій разъ оговаривался такъ: если женевскіе старокатолики и воспользуются новымъ закономъ, то ничуть не для того, чтобы заявить, будто жить субсидіями государства есть нормальное положеніе церкви, внѣ коего она не можетъ даже существовать, — не для того, чтобъ, прикрываясь законами, борьбу

убѣжденія обратить въ борьбу насилія, — не для того, наконецъ, чтобъ изъ-за закона, выходящаго изъ принципа свободы гражданъ принадлежать къ той или другой религіозной ассоціаціи и полной свободы внутренней жизни ассоціаціи, стать въ зависимость отъ государственныхъ чиновниковъ. Они воспользуются новымъ закономъ развѣ только для того, чтобъ предъ всѣмъ міромъ показать, сколько въ Женевѣ католиковъ, не покоряющихся велѣніямъ непогрѣшимаго папы.

Передадимъ теперь сущность этого закона, утвержденнаго законодательною палатою въ концѣ іюня 1873 года. Признавая еще предъ своими католическими гражданами обязанность свою содержать, согласно ихъ желанію, католическое вѣроисповѣданіе, государство, въ виду послѣднихъ событій, нашло нужнымъ обезпечить себя на счетъ увѣренности, что оно оплачиваетъ культъ, дѣйствительно нужный для его гражданъ и признаваемый таковымъ ими самими. Съ этою цѣлію, оставляя въ сторонѣ всякіе религіозно-церковные и догматическіе вопросы, оно законодательнымъ порядкомъ опредѣляетъ не обязанность, а право самихъ католиковъ-согражданъ избраніемъ своихъ пастырей указывать правительству, кому оно должно выдавать деньги на отправленіе богослуженія, дѣйствительно имъ необходимаго. Этимъ же пастырямъ передаются въ пользованіе и общественныя зданія для богослуженія, принадлежащія приходу. По отношенію же къ себѣ государство требуетъ отъ священниковъ только присяги, отъ которой не освобождены даже епископы Франціи. Самое устраненіе ихъ отъ мѣстъ предоставлено, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, также ихъ избирателямъ. Вотъ и весь законъ. Отношенія же вѣрующихъ и ихъ пастырей къ епископу, синоду или даже папѣ стоятъ внѣ компетентности государственнаго законодательства. Странно было слышать возраженія противъ этого закона изъ устъ извѣстнаго и у насъ профессора Карла Фохта. Съ своей точки зрѣнія полнаго игнорированія церкви государствомъ — онъ былъ еще послѣдователенъ, возставая противъ обязанности

государства содержать церковь своихъ согражданъ и, стало быть, противъ необходимости толковать о гарантіяхъ. Но когда съ его мнѣніемъ не согласились, ему не слѣдовало участвовать болѣе въ преніяхъ. Между тѣмъ этотъ явный атеистъ неоднократно вставалъ съ своего мѣста, чтобъ говорить о вещахъ, которыя, — всякій согласится,—стоятъ внѣ его компетентности, и между прочимъ о несправедливости распоряженія, по коему церковными зданіями прихода будутъ пользоваться избранные священники даже и въ томъ случаѣ, когда въ выборахъ участвовала лишь кое-какъ набравшаяся изъ католиковъ-схизматиковъ треть вписанныхъ на листы приходскихъ избирателей, а двѣ трети ихъ, состоящія изъ *истинныхъ* католиковъ, послушныхъ папѣ, воздержались отъ голосованія. Поздравивъ Фохта съ глубокимъ знаніемъ теологіи, позволяющимъ ему опредѣлить черты истиннаго католика, ему возразили, что законъ предоставляетъ всякому католику право заявить свою волю, а единственный способъ къ тому — это подавать голосъ, и что католикамъ-папистамъ стоитъ лишь подавать голоса, чтобъ, если они составляютъ въ приходѣ большинство, назначить себѣ священника-паписта и обезпечить за нимъ право на полученіе жалованья отъ государства и на пользованіе церковными зданіями. Неприличныя выходки Фохта противъ какого-то новаго, по его мнѣнію, католицизма и противъ личности отца Гіацинта возбуждали смѣхъ и негодованіе. Съ Фохтомъ рука объ руку шли, конечно, ультрамонтанскіе члены палаты и... старый парламентскій боецъ протестантъ-радикалъ Джемсъ Фази. Мысль Фохта, будто бы новый законъ нарочно составленъ въ пользу меньшинства, возникла изъ того обстоятельства, что еще раньше его принятія папа объявилъ его схизматическимъ и запретилъ католикамъ пользоваться имъ. Намъ же кажется, смыслъ принятаго въ Женевѣ закона—таковъ: по требованію самихъ гражданъ дать имъ законную гарантію противъ притязаній религіознаго общества, къ коему они не желаютъ болѣе принадлежать, признаніемъ за ними неотъемлемаго притомъ права образовать изъ себя

новое религіозное общество. При этомъ новымъ закономъ, конечно, не нарушаются условія свободнаго существованія прежняго общества для тѣхъ, кто пожелалъ бы принадлежать къ нему и впредь,—не нарушаются даже существовавшія доселѣ отношенія этого общества къ государственной власти, на что́ собственно оно не могло уже болѣе и претендовать. Только упорство римской куріи считать этотъ законъ схизматическимъ сдѣлало для римскихъ католиковъ, т. е. полныхъ папскихъ приверженцевъ, невозможнымъ пользоваться имъ. Трудно было въ этомъ законодательствѣ видѣть вмѣшательство государства въ дѣла церкви и стѣсненіе имъ *церковной* свободы подъ предлогомъ защиты свободы *личной*—тѣмъ болѣе, что подобное мнѣніе о вмѣшательствѣ и стѣсненіи проповѣдывалось такими людьми, какъ Эрнестъ Навиль съ полковникомъ Вурстембергеромъ съ одной стороны, и атеистъ Карлъ Фохтъ съ радикаломъ Джемсомъ Фази съ другой, причемъ первые видѣли въ этомъ законодательствѣ революцію, воплотившуюся въ государственныя мѣры, а вторые — постыдную попытку устранить столь желаемую ими революцію.

Чрезъ три мѣсяца, по принятіи закона въ палатѣ, послѣдовало первое его примѣненіе въ католическомъ приходѣ города Женевы. 30 сентября (12 октября) съ изумленіемъ увидѣли ультрамонтаны и ихъ защитники и адвокаты, К. Фохтъ, Д. Фази и Эр. Навиль, что не только не менѣе трети, а напротивъ больше половины вписанныхъ на избирательные листы женевскаго прихода католиковъ приняли участіе въ схизматическихъ выборахъ и при отсутствіи ультрамонтанъ единодушно избрали себѣ священниками отца Гіацинта, аббата Шавара и каноника Юрто. По громадности своей, женевскій приходъ имѣетъ трехъ священниковъ. Выборы были въ воскресенье. Въ четвергъ же трое избранниковъ были приглашены въ присутствіе государственнаго совѣта Женевскаго кантона принести требуемую закономъ присягу, а муниципальный совѣтъ получилъ предписаніе передать имъ приходскую церковь во имя Св. Германа (Saint-Germain).

Въ то самое время, когда новые священники произносили присягу въ государственномъ совѣтѣ, въ сосѣдней улицѣ возлѣ приходской церкви и въ самой церкви происходило сильное движеніе. Изъ церкви выносились вещи, нагружались на извощиковъ и исчезали. У зданія, гдѣ помѣщается государственный совѣтъ, собралась толпа зрителей; такая же толпа образовалась и у церкви. По окончаніи присяги, первая толпа стала расходиться, но, замѣтивъ вторую, вся хлынула туда же. Явившаяся полиція остановила расхищеніе церкви, совершавшееся подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не подверглись профанаціи священныя вещи; но толпа стояла до поздней ночи, и, конечно, не обошлось безъ приключеній. На слѣдующій день, вслѣдствіе распущеннаго ультрамонтанами слуха о передачѣ новому духовенству и церкви во имя Богоматери, или о ея профанаціи, какъ говорили они,— громадная толпа собралась и вокругъ этой церкви, обмѣниваясь другъ съ другомъ не только словами, но и кулаками. Новыхъ священниковъ хотѣли ввести въ приходскую церковь въ слѣдующее же воскресенье, 7 (19) октября; но прежніе хозяева, спасая священныя вещи отъ профанаціи, изуродовали стѣны, заплевали полъ и перебили стекла, такъ что все это требовало времени для передѣлки и чистки. Введеніе новыхъ священниковъ въ церковь Св. Германа совершилось 14 (26) октября. Въ 10 часовъ утра, въ присутствіи членовъ государственнаго совѣта, съ г. Картере во главѣ, введены въ церковь новоизбранные священники. При этомъ вице-президентъ приходскаго совѣта, г. Ревершонъ, произнесъ рѣчь. Разсказавъ, почему народъ долженъ былъ самъ взять дѣло церкви въ свои руки, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что въ глубинѣ это было движеніе религіозное, неразрывное съ движеніемъ старокатолическимъ. На упрекъ въ ереси, онъ спрашивалъ, въ чемъ она состоитъ: неужели въ возвратѣ къ ученію нераздѣльной церкви, неужели въ совершеніи литургіи на національномъ языкѣ? Но тогда за это движеніе противъ папы-бога стоятъ великіе учители церкви Василій Великій, Аѳанасій Великій, Григорій Богословъ, Августинъ, Ам-

вросій, Златоустъ, Ириней и семь вселенскихъ соборовъ; за него стоитъ практика Церкви Восточной. Въ заключеніе Ревершонъ отъ лица прихожанъ выразилъ священникамъ благодарность, что для великаго дѣла они покинули свою родину и все дорогое сердцу, просилъ вѣрить, что новая паства постарается замѣнить имъ все оставленное, и поднесъ имъ евангеліе. Отецъ Гіацинтъ, положивъ руку на книгу, произнесъ нѣсколько словъ о томъ, что руководителемъ новыхъ священниковъ будетъ эта книга съ ея предисловіемъ, писаніемъ ветхаго завѣта, и ея комментаріемъ, преданіемъ нераздѣльной церкви, безъ прибавокъ суевѣрія и науки, вземлющейся на разумъ Божій. Послѣ этого началась литургія по римскому обряду, но на французскомъ языкѣ. По окончаніи обѣдни, отецъ Гіацинтъ взошелъ на каѳедру и произнесъ слово о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства во Христѣ Іисусѣ. Церковь одною стороной касается неба, другою—земли. Въ гражданской сферѣ она ищетъ не привилегій, а приложенія къ ней общаго права касательно ея собственности, ея отношеній, какъ личности юридической. Но все это должно имѣть христіанскій характеръ. Власть государства примѣняется на землѣ, но силу свою получаетъ съ неба: *нѣсть власть аще не отъ Бога*. Итакъ, различаясь по преобладающему характеру своей дѣятельности, церковь и государство примиряются однимъ общимъ принципомъ и въ немъ должны находить регуляторъ взаимныхъ отношеній. Этотъ принципъ есть божественное ихъ основаніе въ Іисусѣ Христѣ. Прекрасно выразилъ проповѣдникъ ту мысль, что, по ученію Каѳолической церкви, священнослужитель не есть посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, а слуга, приводящій людей къ Богу, причемъ служеніе его становится тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ въ болѣе близкое общеніе вступаетъ самъ человѣкъ съ Богомъ, и чѣмъ болѣе жизнь Христова развивается въ человѣкѣ, по слову Іоанна Крестителя: „*Ему подобаетъ расти, мнѣ же малитися*“. Народу было такъ много, что уютная, но небольшая церковь Св. Германа не могла вмѣстить всѣхъ.

Около того же времени, какъ въ Женевѣ приходская

католическая церковь передана старокатолическимъ священникамъ, подобный случай имѣлъ мѣсто и въ Бернскомъ кантонѣ. 16 (4) ноября, въ воскресенье, въ Бернской Юрѣ, въ трехъ верстахъ отъ французской границы, въ маленькомъ городкѣ Поррантрюи (Porrentruy), въ присутствіи двухъ членовъ бернскаго государственнаго совѣта и многихъ старокатолическихъ священниковъ, въ томъ числѣ аббата Герцога изъ Ольтена, предполагаемаго въ будущемъ національнаго старокатолическаго епископа Швейцаріи, католическая приходская церковь передана была аббату Дераме, назначенному государственнымъ совѣтомъ Бернскаго кантона занять должность приходскаго священника въ Поррантрюи, вмѣсто устраненнаго священника-паписта. Изъ префектуры означенныя лица, въ сопровожденіи толпы и подъ звуки благовѣстнаго колокола къ обѣднѣ, отправились въ приходскую церковь Св. Петра; при входѣ ихъ въ нее раздались съ хоръ стройные аккорды какой-то симфоніи. Предъ главнымъ алтаремъ изъ богатаго мрамора, освѣщеннымъ множествомъ свѣчей, помѣстились стоя префектъ и два священника: Герцогъ и Дераме. По окончаніи симфоніи, префектъ прочелъ указъ, а Дераме произнесъ, держа одну руку со сложенными тремя пальцами кверху, присягу въ вѣрности и повиновеніи властямъ. Послѣ этого аббатъ Герцогъ, обратясь къ народу, сказалъ: „Торжественно объявляемъ, что мы уполномочены епископскою властію нашей церкви, дѣйствующею въ свободномъ согласіи съ державною властію кантона, канонически поставить аббата Дераме, доктора Сорбоннской академіи, священникомъ прихода Поррантрюи“. Еще нѣсколько словъ со стороны новоопредѣленнаго священника, и затѣмъ началась обѣдня. Послѣ обѣдни болѣе ста человѣкъ, въ томъ числѣ семь старокатолическихъ священниковъ разныхъ націй, получившихъ или еще ожидающихъ назначенія, собрались на обѣдъ въ ратушѣ. Изъ рѣчей упомянемъ лишь рѣчь одного изъ членовъ правительства, въ которой онъ изложилъ, какимъ образомъ дѣйствовалъ Бернъ въ дѣлѣ низложенія епископа, въ дѣлѣ отрѣшенія свя-

щенниковъ и въ дѣлѣ отысканія, выбора и назначенія новыхъ. Вскорѣ по низложеніи базельскаго епископа Лаша и безплоднаго протеста папы, духовенство Бернской Юры (Jura Bernois), заселенной католиками, не только продолжало официальныя сношенія съ низложеннымъ епископомъ, но стало возбуждать народъ къ неповиновенію законной власти и производило во многихъ мѣстахъ волненія. Не ограничиваясь этимъ, 97 приходскихъ священниковъ письменно заявили бернскому правительству о своемъ рѣшительномъ сопротивленіи на будущее время всѣмъ мѣрамъ законодательной и административной власти. Правительство сначала предложило имъ взять назадъ подписи, а послѣ отказа прекратило имъ выдачу жалованья и устранило отъ должности; окончательное же обсужденіе дѣйствій духовенства было предоставлено верховному суду кантона Берна. Судъ постановилъ отстранить отъ должности всѣхъ 97 священниковъ. Гдѣ взять такое число кандидатовъ для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ? Ни Германія, ни Швейцарія не могли дать сейчасъ же такого числа хорошо владѣющихъ французскимъ языкомъ священниковъ. Но сосѣдняя съ Юрою Франція помогла отчасти горю. Нѣсколько „бѣглыхъ“, какъ называютъ ихъ ультрамонтаны, священниковъ перешли французско-швейцарскую границу и получили мѣста въ Бернской Юрѣ. Но и этихъ пришельцевъ недостаточно, чтобы замѣстить всѣ вакансіи. Въ виду этого, законодательнымъ порядкомъ предпринято сокращеніе приходовъ, а пока на время новое ихъ распредѣленіе сдѣлано административно. При сочувствіи этому дѣлу со стороны представителей старокатолическаго движенія въ Германіи, каноническую санкцію новые священники получали пока отъ германскаго старокатолическаго епископа, Рейнкенса. Въ заключеніе кѣмъ-то произнесено было нѣсколько словъ въ память Гуса и Іеронима Пражскаго, съ указаніемъ на нихъ, какъ на примѣръ твердости въ вѣрѣ и терпѣнія въ страданіяхъ.

По этому поводу нужно сказать, что Бернскій кантонъ, вмѣстѣ съ другими кантонами базельской епархіи

разошедшись съ куріей и духовенствомъ Римской церкви на счетъ пониманія конкордата, заключеннаго ими сообща съ папой, могъ, конечно, разорвать этотъ конкордатъ; но онъ не долженъ былъ касаться правъ народа принадлежать къ той или другой религіозной ассоціаціи. Далѣе, государственная власть упомянутаго кантона могла предать суду ультрамонтанскихъ священниковъ Бернской Юры за открытое возбужденіе прихожанъ къ неповиновенію законной власти и требовать не одного только, какъ оно ограничилось, отрѣшенія ихъ отъ мѣстъ, а и уголовнаго ихъ наказанія; но не должна была распоряжаться мѣстами священниковъ, какъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, государственная власть Берна могла наблюдать за религіозною жизнію церкви, но не должна была навязывать народу ту или другую религію. Казалось, что именно такими соображеніями руководилась бернская государственная власть, когда, разорвавъ нарушенный самимъ папой и духовенствомъ Римской церкви конкордатъ, рѣшилась, по примѣру государственной власти Женевскаго кантона, искать гарантій противъ захватовъ римско-католическаго духовенства не въ конкордатахъ, подлежащихъ толкованію этого же самаго духовенства, а въ ясно выраженной волѣ тѣхъ, кому это духовенство служитъ. Съ этою цѣлію уже принятъ новый законъ, замѣняющій конкордатныя отношенія отношеніями общаго права, передающій дѣло назначенія и устраненія священниковъ выбору прихода и обязывающій государство оплачивать содержаніе лишь выборныхъ священниковъ; но примѣненіе этого закона отсрочено на шесть лѣтъ. На это же время принята весьма удобная система административныхъ мѣръ, пользующихся привилегіею не согласоваться ни со старымъ, еще не отмѣненнымъ, ни съ новымъ, еще не введеннымъ порядкомъ. Такъ, устранивъ отъ мѣстъ, оплачиваемыхъ государствомъ, почти всѣхъ священниковъ Бернской Юры, коихъ предъ тѣмъ верховный судъ призналъ виновными въ открытомъ возбужденіи прихожанъ къ неповиновенію законной власти. — бернская государственная власть даже не воспользовалась, какъ мы видѣли, всѣми своими несомнѣн-

ными правами; но это сдѣлано было, кажется, только для того, чтобы впослѣдствіи нельзя было отнестись строго къ такой, уже ни на какихъ правахъ не основанной мѣрѣ, какъ замѣщеніе вакантныхъ приходовъ священниками по выбору и назначенію государственной канцеляріи, со всѣми аттрибутами чиновническаго положенія, какъ-то: съ правомъ правительства, единственно по своему усмотрѣнію, отрѣшать назначенныхъ имъ священниковъ отъ мѣстъ и переводить съ одного на другое. При невозможности для священниковъ-папистовъ принимать мѣста при подобныхъ условіяхъ и при несогласіи дѣйствительно старокатолическихъ священниковъ лишь въ силу правительственнаго декрета навязывать себя приходамъ, гдѣ старокатолицизмъ не имѣлъ иногда ни одного послѣдователя, — бернское правительство въ большинствѣ случаевъ принуждено было довольствоваться предлагавшими ему свои услуги священниками сомнительнаго достоинства и нерѣдко такими, коихъ Римъ отвергъ, да и старокатолики не должны бы принимать. Такимъ образомъ, безъ всякой подготовки, крайне ультрамонтанскому населенію Бернской Юры, подъ прикрытіемъ вооруженной силы, стали навязывать мнимыхъ старокатолическихъ священниковъ.

Результатомъ подобныхъ мѣропріятій было слѣдующее положеніе дѣлъ въ Юрѣ, какъ его описываетъ оффиціозный органъ бернскаго правительства, газета „Bund“: „Отношенія народонаселенія къ назначеннымъ вновь священникамъ таковы: въ духовныхъ нуждахъ оно обращается къ прежнимъ своимъ пастырямъ, кои и отправляютъ всѣ обязанности своего званія въ частныхъ собраніяхъ, приправляя ихъ приличными положенію поученіями; ночью новые священники не имѣютъ покоя отъ крика, битья стеколъ и ломанья дверей; а утромъ или не могутъ выйти изъ дома чрезъ заваленныя двери, или выйдя — находятъ на порогѣ, крыльцѣ и вокругъ груды всякихъ нечистотъ, такъ что некуда ногу поставить; идя въ церковь или въ школу, они бываютъ свидѣтелями самыхъ грязныхъ сценъ, особенно со стороны

женщинъ, принимающихъ нерѣдко неприличныя и безстыдныя положенія, и предметомъ опасныхъ сопровожденій со стороны мальчишекъ, подымающихъ при видѣ ихъ страшный крикъ и, какъ бы играя между собою, попадающихъ въ нихъ чѣмъ попало; въ церкви же и въ школѣ они находятъ лишь голыя стѣны". Въ виду всего этого, правительство Бернскаго кантона нашлось вынужденнымъ объявить въ этой части своей территоріи нѣчто въ родѣ военнаго положенія, занявъ ее усиленнымъ составомъ кантональныхъ войскъ.

Чувствуя, однако-жъ, что такое положеніе вызвано ею самою, и считая постыднымъ отступить отъ своихъ необдуманныхъ мѣръ въ виду явнаго возмущенія, государственная власть Берна, подобно прусскому правительству, пытается въ глазахъ свѣта обставить свои поступки культурно-историческими цѣлями, стараясь свой образъ дѣйствій выставить солидарнымъ съ интересами старокатоликовъ. Примѣръ прусскихъ старокатоликовъ, примкнувшихъ къ политикѣ Бисмарка, нашелъ подражателей и среди старокатоликовъ швейцарскихъ. Снесшись съ старокатолическимъ епископомъ І. Г. Рейнкенсомъ, аббатъ Герцогъ изъ Ольтена, предполагаемый въ будущемъ старокатолическій епископъ Швейцаріи, согласился на настоянія бернскаго правительства присутствовать при вводѣ въ должность назначаемыхъ декретами этого правительства священниковъ и объявлять при этомъ народу, что вновь назначаемые священники признаются въ ихъ санѣ однимъ изъ католическихъ епископовъ.

Не много труда, конечно, стоило ультрамонтанамъ догадаться, кто этотъ одинъ изъ католическихъ епископовъ. „Какъ же это? притворяясь ничего непонимающими, спрашивали они старокатоликовъ: до сихъ поръ у насъ каждый епископъ былъ епископомъ только для своей епархіи, и лишь папа имѣлъ юрисдикцію надъ всей Католической церковью. Вы отрицаете папу и признаете только епископовъ, имѣющихъ власть лишь въ ихъ собственныхъ областяхъ; а за кого вы прикажете считать этого германскаго епископа, который имѣетъ

юрисдикцію и надъ церковью Швейцаріи?“ Въ силу этого старокатоликовъ стали поздравлять съ пріобрѣтеніемъ новаго папы, который за признаніе его самого государствами платитъ имъ признаніемъ священнаго сана за ихъ чиновниками. Смущеніе умовъ стало усиливаться и положеніе дѣлъ запутываться. Съ одной стороны пошли слухи, что если старокатолики нѣмецкой Швейцаріи туги на дѣло учрежденія швейцарскаго національнаго старокатолическаго епископата, то потому, что имѣютъ въ виду подчиниться юрисдикціи германскаго старокатолическаго епископа, признаваемаго, оплачиваемаго и стало быть зависящаго отъ Пруссіи. Съ другой стороны стали поговаривать, что и въ Женевѣ, при помощи выборовъ и присяги, обративъ священниковъ-старокатоликовъ въ чиновниковъ, правительство нарочно поддерживаетъ нерѣшительность нѣмецкихъ кантоновъ въ вопросѣ объ учрежденіи національнаго старокатолическаго епископата — съ цѣлію продолжительнымъ существованіемъ старокатолической общины въ Женевѣ внѣ епископской юрисдикціи придать ей пресбитеріанскій характеръ и тѣмъ незамѣтно втянуть ее въ протестантизмъ. Всѣ эти толки вкось и вкривь могли дѣйствовать лишь самымъ невыгоднымъ образомъ на старокатолическое движеніе въ Швейцаріи.

9 (21) декабря 1873 г., въ „Journal de Genève“ и въ парижской либеральной и распространенной „Temps“ напечатано было письмо отца Гіацинта. Отецъ Гіацинтъ начинаетъ съ того, что онъ не считаетъ себя въ правѣ быть ни защитникомъ, ни обвинителемъ того, что дѣлается въ Бернской Юрѣ. Онъ только возстаетъ противъ примѣненія къ Женевѣ тѣхъ выводовъ, которые — правильно или нѣтъ, онъ не беретъ на себя разбирать — дѣлаются изъ тамошнихъ отношеній. Такъ, напр., положеніе старокатолическихъ священниковъ въ Женевѣ нельзя назвать чиновническимъ ни по причинѣ назначенія ихъ посредствомъ выборовъ, ибо такой способъ назначенія — чисто церковный, ни по причинѣ приносимой ими государству присяги, ибо, съ полчаса ѣзды отъ Женевы, во Франціи подобная присяга не при-

знается предосудительною даже для епископовъ. Что же касается до мнимой юрисдикціи епископа Рейнкенса надъ Швейцаріею, то Швейцарская — и особенно Женевская—національно-католическая церковь, питая духъ общенія вѣры и любви ко всѣмъ католическимъ церквамъ, не имѣетъ причинъ не питать тѣхъ же чувствъ и по отношенію къ церкви Германской; но. уже по смыслу самой старокатолической реформы, подчиняться она можетъ лишь юрисдикціи своего собственнаго національнаго епископата, къ учрежденію котораго и направлены теперь усилія всѣхъ швейцарскихъ старокатоликовъ безъ различія кантоновъ.

Ультрамонтаны не замедлили бы и самое это письмо представить признакомъ распаденія только что объединившагося швейцарскаго старокатолицизма. Въ предупрежденіе подобныхъ комментарій въ происходившемъ на другой же день послѣ напечатанія письма годичномъ собраніи женевскаго старокатолическаго общества единогласно принята слѣдующая резолюція: „Мы — солидарны, и желаемъ остаться таковыми, съ нашими братьями, съ католиками нѣмецкой Швейцаріи; но съ другой стороны мы категорически одобряемъ заявленіе отца Гіацинта, обнародованное въ „Journal de Genève“ и во французской газетѣ „Temps“, въ отвѣтъ на корреспонденцію послѣдней изъ Берна, въ коей предполагаются для нѣмецкой Швейцаріи болѣе чѣмъ общія связи съ старокатолицизмомъ Германіи. И теперь, какъ въ началѣ нашего дѣла, мы ищемъ для Швейцаріи лишь національной (автокефальной) католической церкви. Поэтому предъ лицомъ всѣхъ нашихъ согражданъ-соотечественниковъ объявляемъ, что всѣ наши стремленія имѣютъ въ виду только эту цѣль“. Съ своей стороны аббатъ Герцогъ, виновникъ всей этой исторіи, напечаталъ въ „Neue Züricher Zeitung“ заявленіе, въ коемъ отвергаетъ мысль о юрисдикціи надъ Швейцаріею германскаго старокатолическаго епископа Рейнкенса и присоединяется къ тому объясненію, какое далъ этому дѣлу отецъ Гіацинтъ.

Въ Женевѣ же, между прочимъ, ультрамонтаны не

теряли еще духу, разсуждая: женевскій приходъ еще не Женевскій кантонъ; потерянъ городъ, устоятъ деревни. Но вотъ три самые ультрамонтанскіе предъ тѣмъ прихода: Каружъ, Шенъ-Бургъ и Ланси подаютъ прошеніе о скорѣйшемъ примѣненіи новаго закона и у нихъ. Государственный совѣтъ назначаетъ выборы, и 15 (27-го) декабря во всѣхъ трехъ приходахъ большая половина вписанныхъ на приходскіе листы католическихъ избирателей участвуетъ въ выборахъ, и при отсутствіи ультрамонтанъ опять-таки почти вездѣ единогласно избраны старокатолическіе священники. Изъ сказаннаго уже видно, что ультрамонтаны, задававшіеся цѣлью — пассивнымъ отношеніемъ къ закону причинить ему позорное фіаско, не могли пока утѣшать себя даже мыслію, что дѣло было бы иначе, если бы папа разрѣшилъ имъ принять участіе въ выборахъ. Но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока радикалы и правительство не взяли этого дѣла въ свои руки исключительно.

Не смотря на всю ясность хода дѣла, люди, мѣшающіе политику въ религію, послѣ такого успѣха притворились незамѣчающими того, что не старокатолицизмъ развивался въ Женевѣ въ силу примѣненія новаго закона, а, напротивъ, новый законъ примѣнялся съ успѣхомъ въ силу большаго и большаго проникновенія старокатолическихъ воззрѣній въ массу женевскаго народа. Въ Женевѣ, Каружъ, Шенъ-Бургъ и Ланси старокатолики, какъ мы видѣли, — въ большинствѣ, а потому, выбравъ себѣ священниковъ — не-папистовъ, законно владѣютъ приходскими церквами. Ультрамонтаны же, оставшіеся въ меньшинствѣ, образовали изъ себя церковь неоффиціальную и располагаютъ всѣми неприходскими католическими церквами, — въ томъ числѣ такъ называемымъ у нихъ соборомъ Женевской Богоматери (Cathédrale de Notre Dame de Genève). Вотъ этотъ-то соборъ радикалы, выдающіе себя за старокатоликовъ, и хотѣли бы отнять въ пользу оплачиваемаго казною культа, подъ тѣмъ предлогомъ, что земля подъ него уступлена была государствомъ не ульт-

трамонтанамъ, а католикамъ. На такую аргументацію справедливость требовала отвѣтить, что эта церковь выстроена была на средства, собранныя г. Мермильо и людьми его партіи. Отнять ее у ультрамонтанъ—было бы дѣйствіемъ, позорящимъ старокатолицизмъ Женевы въ глазахъ всего католическаго міра. Таково было мнѣніе о. Гіацинта и дѣйствительныхъ старокатоликовъ Женевы. Далѣе, если ультрамонтаны образуютъ меньшинство въ названныхъ нами приходахъ, за то на ихъ сторонѣ большинство въ прочихъ приходахъ кантона. Тутъ всѣ мѣста продолжали быть оффиціально заняты ультрамонтанскими священниками. Новый законъ уполномочиваетъ правительство потребовать у нихъ присяги. Но благоразуміе требовало не дѣлать этого, такъ какъ напередъ можно было предвидѣть, что они откажутся подчиниться этой формальности. Поэтому, заявивъ подобное требованіе, пришлось бы смѣстить ихъ и назначить выборы, не будучи увѣреннымъ въ томъ, приметъ ли въ нихъ участіе требуемая закономъ для ихъ дѣйствительности треть всего числа приходскихъ избирателей. Это значило бы безтактно обращать всѣ эти приходы въ независимыя религіозныя общины, безполезно отнимать у ультрамонтанъ храмы и несправедливо лишать ихъ нѣкоторыхъ удобствъ культа. Поэтому отецъ Гіацинтъ былъ противъ всего подобнаго, и дѣйствительные старокатолики Женевы раздѣляли его взглядъ. Но радикалы и представители государственной власти не были этого мнѣнія. Отецъ Гіацинтъ не могъ допустить, чтобъ такія антихристіанскія и антилиберальныя воззрѣнія прошли въ жизнь, пока онъ стоитъ во главѣ движенія. Онъ не могъ допустить, чтобъ у кого-либо явилась мысль о солидарности его проповѣди съ подобными взглядами. Видя, что его дѣлу хотятъ дать другое направленіе, онъ снялъ съ него свое имя, т. е. подалъ въ отставку отъ должности священника женевскаго прихода.

Съ этого времени радикалы и представители власти дали волю своимъ фантазіямъ. Вопросъ о соборѣ Женевской Богоматери принятъ правительствомъ къ раз-

смотрѣнію. Священникамъ же ультрамонтанскихъ приходовъ послано требованіе принести присягу. Тѣ отказались. Тогда состоялось опредѣленіе объ ихъ отрѣшеніи съ предоставленіемъ имъ права получать жалованье еще въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, и сдѣлано распоряженіе о воспрепятствованіи отрѣшеннымъ священникамъ пользоваться приходскими зданіями и объ опечатаніи церквей до избранія приходами новыхъ священниковъ. На сообщеніе имъ объ этомъ отрѣшенные священники коллективно отвѣчали, что, смотря на все это, какъ на систематическое преслѣдованіе, они съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергаютъ и самое разрѣшеніе получать жалованье еще въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Устранивъ, такимъ образомъ, ультрамонтанскихъ священниковъ и сдѣлавъ первый шагъ, правительство вынуждено было сдѣлать и второй, т. е. предписать въ означенныхъ приходахъ выборы священниковъ. Начали съ прихода Grand Saconex. Ультрамонтаны воздержались отъ участія въ выборахъ, и они оказались недѣйствительными за неявкою требуемаго закономъ числа избирателей. То же самое послѣдовало и въ остальныхъ приходахъ кантона.

Каноникъ Деллингеръ и нѣмецкіе старокатолики.

Исторія религіознаго движенія, возникшаго на Западѣ, послѣ Ватиканскаго собора, будетъ, намъ кажется, начинаться съ заявленія того факта, что, вслѣдъ за провозглашеніемъ догмата о непогрѣшимости папы, въ Германіи поднялся голосъ человѣка скромнаго, мыслителя далеко не первостепеннаго, но наиболѣе вѣрующаго и искренняго изъ римскихъ католиковъ, профессора Деллингера. Да, это былъ голосъ одной изъ тѣхъ натуръ, жизненный идеалъ которыхъ заключается не въ стремленіи довести до крайне-возможныхъ послѣдствій легшія въ основу ихъ жизни начала, а въ сохраненіи уже до-

стигнутой степени развитія этихъ началъ. Поэтому протестъ каноника Деллингера не касался самой системы жизненно-историческихъ началъ Римско-католической церкви, а былъ лишь заявленіемъ консервативнаго взгляда *нѣмецкихъ богослововъ* на эту систему, въ противоположность прогрессивному воззрѣнію отцовъ Ватиканскаго собора на тотъ же предметъ. Путь, по которому шла религіозная мысль профессора Деллингера, есть тотъ же самый путь, по которому шла и исторія Римско-католической церкви. Ни Ватиканскій соборъ провозглашеніемъ догмата о непогрѣшимости папы, ни профессоръ Деллингеръ съ своимъ протестомъ не думали сходить съ этого пути: и тотъ, и другой остались на немъ; только первый сдѣлалъ шагъ дальше, а второй не двинулся съ мѣста. Такимъ образомъ, желаніе Деллингера удержать римскихъ католиковъ въ томъ положеніи, въ какомъ они были до объявленія догмата о непогрѣшимости папы, не имѣло ничего общаго съ отрицаніемъ папства. Вотъ почему почтенный профессоръ такъ упорно сопротивлялся попыткамъ своихъ мнимыхъ послѣдователей организовать отдѣльные, внѣ существовавшаго доселѣ строя епархіально-епископской юрисдикціи, приходы при посредствѣ отлученныхъ отъ церкви священниковъ, въ силу какого-то на этотъ случай придуманнаго Nothstand'a, избавлявшихъ себя отъ обязательности для нихъ самыхъ элементарныхъ каноническихъ условій священно-дѣятельности. Вотъ почему онъ совершенно устранился со сцены возбужденнаго имъ же религіознаго движенія съ тѣхъ поръ, какъ, вопреки его настояніямъ, мнимые его послѣдователи обзавелись особою, независимою отъ Рима, іерархіею, обезпечивъ ей и государственное положеніе. Вотъ почему далѣе письмо И. С. Аксакова къ Деллингеру оставлено было безъ отвѣта и дальнѣйшихъ послѣдствій: какъ человѣкъ честный и христіанинъ вѣрующій, Деллингеръ не счелъ добросовѣстнымъ даже входить въ разговоры о предметѣ, относительно коего можно было сойдтись только на основаніи означеннаго письма. Вотъ почему еще Деллингеръ не позволяетъ себѣ употреблять даже слово:

„старокатолицизмъ“, по складу мыслей почтеннаго профессора не могущее имѣть для него никакого значенія.

Между тѣмъ это, не только въ понятіяхъ Деллингера ничего не значущее, но и вообще безъ предварительнаго и нарочитаго о томъ соглашенія и опредѣленія ничего не могущее значить, слово мнимые послѣдователи ученаго каноника объявили своимъ собственнымъ именемъ, предоставляя себѣ и другимъ понимать смыслъ его сообразно обстоятельствамъ и вкусу каждаго. И дѣйствительно, старокатолики широко воспользовались этимъ правомъ и въ своихъ хлопотахъ предъ правительствами по дѣлу объ обезпеченіи за своимъ „согласіемъ“ положенія государствомъ признанной церкви, и въ своихъ сношеніяхъ съ другими религіозными обществами и даже церквами по снисканію себѣ или канонической помощи, или просто нравственной поддержки. Такъ, только гибкость понятія „старокатолицизмъ“ позволила старокатоликамъ выставить на видъ Бисмарку, что Ватиканскій соборъ *впервые*, отмѣненіемъ самостоятельности епископовъ и перенесеніемъ всей церковной власти на объявленнаго непогрѣшимымъ папу, ввелъ *новую* ересь въ Римско-католическую церковь, что поэтому католики, признающіе ватиканскія опредѣленія, перестали быть тѣми католиками, съ коими государство заключило существующіе нынѣ конкордаты и коимъ оно гарантировало владѣніе церковными имуществами, и что такъ какъ они, старокатолики, этой ереси не допускаютъ, то и должны считаться единственными членами той неизмѣнившейся церкви, съ которою заключены конкордаты, и которой гарантировано владѣніе церковными имуществами въ предѣлахъ Германіи. Бисмаркъ тотчасъ же сообразилъ, какъ все это отвѣчаетъ его видамъ, и тутъ же обѣщалъ доктору Шульте немедленно по посвященіи признать ихъ епископа и вообще оказывать имъ государственное содѣйствіе подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ они своими реформами не давали повода усумниться въ ихъ католицизмѣ. Та же самая гибкость понятія „старокатолицизмъ“ пригодилась Нѣмцамъ въ ихъ сношеніяхъ съ Утрехтскою церковью. Епископъ

девентерскій, самъ по началамъ Тридентинскаго собора признающій себя въ нѣкоторой зависимости отъ папы и сообщавшій ему о своемъ посвященіи во епископа, на этотъ разъ, вмѣсто требуемой канонами присяги, удовольствовался простымъ заявленіемъ кандидата о его принадлежности къ старокатолицизму и сообщилъ чрезъ рукоположеніе благодать епископства человѣку, который тотчасъ же послѣ посвященія обратился къ своимъ пасомымъ съ пастырскимъ посланіемъ, въ коемъ прежде всего рѣшительно и точно въ укоръ своему посвятителю заявляетъ о своей независимости отъ римскаго первосвященника тѣмъ, что не послалъ и не намѣренъ послать ему сообщенія о своемъ возведеніи во епископскій санъ, и въ коемъ два раза употребляетъ текстъ: „всяко, еже не отъ *вѣры*, грѣхъ есть“, замѣняя каждый разъ слово: „вѣра“ словомъ: „убѣжденіе“. Такъ-то съумѣли воспользоваться этимъ именемъ мнимые послѣдователи Деллингера въ дѣлѣ канонической организаціи своего „согласія“ въ церковь и въ дѣлѣ обезпеченія за этой церковью государственнаго положенія. Такое умѣнье обдѣлывать свои дѣла не могло не произвести впечатлѣнія — тѣмъ болѣе, что родъ людской вообще склоненъ принимать внѣшній успѣхъ за признакъ внутренняго достоинства. Одинъ только протестантизмъ отнесся къ этому движенію хотя и симпатично, но спокойно. Англикане же и православные не ограничились спокойнымъ выжиданіемъ того, что выйдетъ, а стали набиваться старокатоликамъ въ дружбу. Причиной этому опять-таки таже эластичность понятія „старокатолицизмъ“. Англикане поняли его, какъ возможность установить intercommunion еще раньше полнаго единенія церквей. Православнымъ же выставлялось на видъ, что по старокатолицизму Ватиканскій соборъ ничего не ввелъ *новаго* въ Римско-католическую церковь, что самая непогрѣшимость есть только завершеніе ереси всей церковно-исторической жизни Запада со времени его отдѣленія отъ Востока, что вмѣстѣ съ непогрѣшимостью старокатолики отвергаютъ весь духъ папства, поддерживавшій собственно и самую догматическую разность ме-

жду двумя церквами, что при сличеніи такихъ вещей, какъ исповѣданія вѣры, можно говорить лишь о ихъ согласіи или разногласіи, но нельзя,—развѣ только въ видахъ пропаганды,—предаваться критикѣ ихъ содержанія, и что при согласіи вѣроисповѣданій среднія вещи не могутъ подлежать ни въ какомъ случаѣ обсужденію въ связи съ вопросомъ о возсоединеніи церквей, ибо относительно ихъ и при полномъ единеніи церквей существуетъ свобода разнообразія. Слушая все это, можно было только удивляться: зачѣмъ же дѣло стало, что не соединяются, и къ чему тутъ эти, обыкновенно слѣдовавшія за изліяніями дружескихъ чувствъ, жалобы на то, что много еще предстоитъ трудностей на пути сближенія, что много еще стоитъ на дорогѣ препятствій въ видѣ разныхъ предразсудковъ и недоразумѣній? Да откуда же могутъ взяться всѣ эти напасти при столь сильномъ стремленіи къ единенію и столь полномъ согласіи въ пониманіи его сути, условій и способовъ проявленія съ обѣихъ сторонъ?

Въ отвѣтъ на все это можно сказать только одно, что Нѣмцы тутъ въ чемъ-либо да не искренни: или въ своихъ заявленіяхъ намъ о сущности старокатолицизма, или въ своихъ жалобахъ на невозможность теперь же осуществить предполагаемыя имъ реформы, безъ которыхъ онъ долженъ считаться пустою фикціею, и изъ которыхъ первая есть единеніе церквей. Люди, изъ-за совершенно постороннихъ религіи соображеній и разсчетовъ одновременно придающіе своему движенію разное значеніе, не особенно въ правѣ требовать отъ насъ, чтобы мы считали искреннимъ какое-либо одно изъ ихъ объясненій сути дѣла. Но мы, во всякомъ случаѣ, допускаемъ, что внутренно они сами могутъ быть убѣждены въ истинности только одного изъ нихъ, и что на сей разъ эта искренность внутренняго убѣжденія находится на сторонѣ объясненія, даваемаго намъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что Нѣмцы не искренни съ нами въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, и что этою-то внѣшнею неискренностію нужно объяснять и ихъ жалобы на мнимую невозможность для нихъ теперь же

приступить къ практическому осуществленію своихъ завѣтныхъ думъ, и ихъ старанія затянуть дѣло разными, не имѣющими серьезнаго значенія, оттоворками и переговорами. Мы видѣли, какъ они, забывъ, что въ религіозныхъ движеніяхъ вся суть дѣла въ свободѣ дѣйствія и въ сообразности средствъ дѣйствія съ религіозно-нравственными началами, не побоялись, погнавшись за совершенно посторонними религіи цѣлями и не брезгая чуждыми ей средствами, въ борьбѣ своей съ ультрамонтанствомъ стать „рядомъ“ съ Бисмаркомъ и координировать свою дѣятельность съ его махинаціями [1]). Вслѣдствіе этого союза, религіозная сторона дѣла стала въ зависимость отъ политическихъ соображеній, обязательствъ и условій. Польстившись возможностью политическимъ путемъ поскорѣе достигнуть прочной церковной организаціи, они связали себя и по рукамъ, и по ногамъ въ дѣлѣ собственно внутренняго, чисто религіознаго преобразованія, отказавшись отъ немедленнаго проведенія въ жизнь, несогласныхъ съ видами Бисмарка, но за то составляющихъ суть старокатолицизма, реформъ. Путемъ такого самоуничтоженія старокатоликамъ дѣйствительно удалось обстроиться своимъ домкомъ, который они и называютъ національною церковью, но политическая окраска зданія пугаетъ массы, и домъ остается пока мало населеннымъ; снять же эту окраску и показать домъ въ его настоящемъ свѣтѣ, т. е. на самомъ дѣлѣ произвести предполагаемыя старокатолицизмомъ реформы, не позволяетъ Бисмаркъ. Какой же послѣ этого смыслъ имѣетъ слѣдующее уже указанное нами за-

[1]) Въ ноябрскихъ 1877 года нумерахъ „Кёльнской Газеты“ опубликованы примѣты доктора богословія, архіепископа кёльнскаго Павла Мельхерса (64 лѣтъ, ростомъ 1 метръ 70 центиметровъ, волосы бѣлокурые, глаза каріе, носъ орлиный), мѣстожительство котораго неизвѣстно, и который разыскивается полиціею для подвергнутія его наказанію, къ коему онъ, на основаніи майскаго закона 1874 года, приговоренъ обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ за узурпацію епископскихъ обязанностей, отъ которыхъ устраненъ былъ вновь учрежденнымъ въ Пруссіи, на основаніи майскаго же закона 1873 года, государственнымъ верховнымъ судомъ по церковнымъ дѣламъ. Имя Мельхерса упомянуто выше на стр. 72. Сбылось такимъ образомъ надъ нимъ предсказаніе „Аугсбургской Газеты“. Но достойно ли великаго государственнаго человѣка позволять своей полиціи помѣщать въ газетахъ такія объявленія?!—Какая будущность для старокатоликовъ, признавшихъ майскіе законы основаніемъ своихъ гражданскихъ правъ!

мѣчаніе отчета с.-петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія: „У германскаго правительства и у старокатоликовъ одинъ и тотъ же врагъ, и они, т. е. старокатолики, стоятъ *рядомъ* съ мірскимъ правительствомъ; но въ борьбѣ съ ультрамонтанствомъ преслѣдуютъ свои собственныя цѣли и, какъ представители вѣроученія, какъ члены старокатолической церкви, только союзники государства. а отнюдь не слѣпое его орудіе“. Что же изъ этого? Общность врага еще не оправдываетъ общности дѣйствій противъ него особенно тамъ, гдѣ имѣющіе одного и того же врага въ борьбѣ съ нимъ предполагаются преслѣдующими различныя цѣли и употребляющими различныя средства. Для общности дѣйствій мало еще общности врага, а нужна также и общность цѣлей и средствъ. Мы видѣли, что старокатолики достигли этого подчиненіемъ своихъ цѣлей и средствъ видамъ Бисмарка. Какъ же назвать ихъ теперь: слѣпымъ или не слѣпымъ орудіемъ государственной политики Бисмарка, это дѣло не важное. Только эти соображенія приводятъ къ ихъ настоящему значенію слѣдующія слова того же отчета: „Таковы, мм. гг., люди, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло, такова почва, на которой мы стоимъ; она надежна, на нее можно опереться; мы ведемъ переговоры съ живыми религіозными силами, мы находимся въ сношеніяхъ съ старокатолической *церковью*, имѣющею свою *законную* іерархію и *признанную* правительствомъ равноправной съ ея могущественною соперницей, — съ церковью, правда, еще *малочисленною*, но оживленною истинно-христіанскимъ духомъ и имѣющею въ себѣ всѣ задатки плодотворной будущности!“ Не можемъ не добавить еще слѣдующее: и это говорится объ обществѣ, члены котораго, выдавая себя за принадлежащихъ къ Католической церкви, на объявленія имъ духовныхъ наказаній и прощеній со стороны епископовъ этой церкви отвѣчаютъ преслѣдованіемъ ихъ предъ свѣтскими судами за диффамацію, — объ обществѣ, представители котораго на недавнемъ конгрессѣ въ Фрибургѣ рѣшили, что такъ какъ не совсѣмъ удобно внушить правитель-

ствамъ (кромѣ, конечно, прусскаго) ту для старокатоликовъ ясную и справедливую мысль, будто они суть единственные законные владѣльцы церковныхъ имуществъ Католической церкви въ Германіи, ибо нынѣшніе римскіе католики перестали быть тѣми самыми, коимъ эти имущества отданы были въ церковное владѣніе, и такъ какъ правительства упорствуютъ въ признаніи за еретиками правъ на эти имущества, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, произвести разверстку этихъ имуществъ пропорціонально числу адептовъ, причемъ было бы несправедливо вписывать въ число римскихъ католиковъ всѣхъ католиковъ, не заявившихъ прямо своей принадлежности къ старокатолицизму, ибо между оффиціально-записанными нынѣ въ римскій католицизмъ есть много безбожниковъ, индифферентистовъ и невѣрующихъ въ непогрѣшимость папы, съ коими старокатолицизмъ беретъ на себя вести счеты, лишь бы ихъ только записали на его имя, и лишь бы ему только получить приходящуюся на нихъ порцію церковныхъ имуществъ. „Итакъ, скажемъ словами газеты „Indépendance Belge“, германскій старокатолицизмъ находится въ опасности слишкомъ онѣмечиться и вопросъ религіи, вопросъ каѳолическій и, стало быть, вопросъ міровой заключить въ предѣлахъ одной національности. Впрочемъ, не было бы еще ничего неестественнаго и незаконнаго, если бы, занимаясь этимъ вопросомъ сообразно своимъ нуждамъ и на свой манеръ, нѣмецкіе старокатолики не упускали изъ вида ту міровую идею, которая въ этомъ движеніи принадлежитъ не однимъ имъ. Къ несчастію, нѣкоторые изъ ихъ народныхъ ораторовъ, каковъ, напр., докторъ Фёлькъ изъ Аугсбурга, подъ именемъ *національной церкви* разумѣютъ не что иное, какъ *религіозный германизмъ* съ примѣсью политическихъ идей, исключительный и вызывательный характеръ которыхъ по отношенію ко всему тому, что̀ не есть нѣмецкое, не можетъ не оскорблять религіознаго чувства. Напрасно нѣкоторые изъ знаменитостей старокатолицизма выражаютъ о томъ сожалѣнія: эти сожалѣнія не парализуютъ того впечатлѣнія, какое подобные ораторы производятъ своими рѣ-

чами, и какое испытывается при пѣніи цѣлымъ конгрессомъ въ Фрибургѣ „Wacht am Rhein“. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ старокатолики Германіи укрѣпляются въ своей организаціи, они компрометируютъ себя политическою безтактностію грязнаго свойства (du mauvais gout) и даютъ оправданіе толкамъ, что, упрекая ультрамонтанъ за вмѣшательство въ политику, сами занимаются ею болѣе, чѣмъ религіей“.

Въ виду всѣхъ указанныхъ нами обстоятельствъ, мы составили мнѣніе, что если бы старокатолическое движеніе въ Германіи не было стѣснено посторонними религіи вліяніями, и если бы старокатолики могли дать свободный ходъ своей искренности, то самою первою и самою важною для нихъ реформою было бы единеніе съ Восточною Церковью, а самымъ прямымъ путемъ начать о томъ переговоры было бы для нихъ—отъ имени своихъ представителей отправить къ нашему синоду, къ восточнымъ патріархамъ, къ греческому синоду и къ представительствамъ другихъ автокефальныхъ церквей свое исповѣданіе вѣры, а для насъ—отъ имени нашего синода послать имъ „Изложеніе Православнаго Исповѣданія Восточно-Каѳолическія Церкви“. Далѣе, сознавая невозможность такого прямаго и искренняго отношенія къ этой первой и существеннѣйшей реформѣ со стороны людей, отсрочившихъ, по крайней мѣрѣ, на 10 лѣтъ всякія реформы, и одобряя тактъ представительствующей нашу церковь власти, не счевшей приличнымъ посылкою Нѣмцамъ своего запроса поставить ихъ въ неловкое положеніе, мы предлагали оставить Нѣмцевъ въ покоѣ. Между тѣмъ с.-петербургскій отдѣлъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, вписавъ въ свою программу сношенія съ старокатоликами и принимая любезности ихъ за чистую монету, хотѣлъ вести дѣло серьезно и съ этою цѣлію надоѣдалъ имъ при всякомъ случаѣ. Не желая сказать прямо, что имъ долгое время будетъ еще не до этого единенія, нѣмецкіе старокатолики, въ виду нашей низкопоклонности предъ ихъ наукою, стали учительскимъ тономъ сожалѣть о томъ, что это дѣло очень и очень трудное и потребуетъ, къ при-

скорбію, много времени. Но отдѣлу Общества любителей духовнаго просвѣщенія нельзя уже было оставить дѣла, такъ какъ оно было вписано въ программу его дѣятельности. Не замѣчая, что указанныхъ трудностей не должно существовать для людей искреннихъ, и что онѣ придуманы только для отвода намъ глазъ, отдѣлъ просилъ ученыхъ профессоровъ разобрать ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, старокатолическіе отцы-философы, замѣтивъ, что подобные разборы—дѣло платоническое, и что во всякомъ случаѣ рѣшающій голосъ будетъ принадлежать имъ, на Констанцскомъ конгрессѣ согласились на устройство Unionscommission für die Russisch-Griechische Kirche; но лишь 19 (31) января 1874 года, совѣту с.-петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія представился случай послать профессору Лангену, предсѣдателю учрежденной въ Боннѣ, во исполненіе указаннаго рѣшенія Констанцскаго конгресса, подкоммиссіи по вопросу о соединеніи съ Восточною Церковью, отвѣтъ на приглашеніе означеннаго предсѣдателя приступить теперь же къ переговорамъ. При этомъ отвѣтѣ посланъ также и *перечень* спорныхъ вопросовъ (schema quaestionum controversarum). Передавая извѣщеніе профессора Шульте о приведеніи старокатоликами въ исполненіе резолюціи Констанцскаго конгресса учрежденіемъ двухъ подкоммиссій по вопросу о соединеніи церквей — одной по дѣлу соединенія съ Русскою *Церковью* (für Unionsangelegenheiten mit der Russischer *Kirche*), а другой по дѣлу соединенія съ англиканами (für die Anglikaner), докладъ, читанный по поводу этой переписки въ собраніи отдѣла, подчеркиваетъ слово (Kirche) желая, вѣроятно, сказать этимъ: „смотрите, молъ, и Нѣмцы признаютъ насъ церковью, тогда какъ англиканъ такъ-таки просто и называютъ англиканами!“ „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, съ своей стороны, писалъ объ этомъ: „Отъ читателей, конечно, не ускользнетъ *великая* важность начавшихся *такимъ образомъ* сношеній отдѣла съ старокатолическою *отраслью* Западной церкви. Печатаемый нами документъ (отвѣтъ профессору

Лангену) составляетъ первый *узелъ* (?) на пути сближенія между *представителями* двухъ церквей". Оставляя въ сторонѣ вопросъ, на сколько представителямъ отдѣла довлѣетъ считаться представителями Русской Церкви, позволяемъ себѣ спросить: на какихъ историческихъ и каноническихъ основаніяхъ толкуется здѣсь о какой-то *старокатолической отрасли* Западной церкви? Можно ли серьезно называть старокатолической отраслью Западной церкви общество университетской интеллигенціи, которое и живетъ только тѣмъ, что, вопреки и внутреннему убѣжденію, и внѣшней очевидности, выдаетъ себя за Римско-католическую церковь и на 10 лѣтъ отсрочиваетъ самостоятельныя реформы, дабы не подать повода отрицать эту тождественность? Не значитъ ли это быть plus catholique que le pape, т. е. не значитъ ли это признавать за нѣмецкими отцами-философами больше, чѣмъ они сами себѣ приписываютъ?

Такъ-то открылась широкая возможность не разрѣшать мнимо существующія затрудненія. а *завязывать*, какъ неумышленно удачно выразился „Церковно-Общественный Вѣстникъ", *узлы на пути сближенія*. Впрочемъ, эти узлы начали завязываться еще со времени преній на Констанцскомъ конгрессѣ.

1) Первый узелъ заключается въ томъ презрительно-наставительномъ тонѣ, съ какимъ ученые профессоры относятся къ намъ. „Намъ присланы фоліанты на русскомъ языкѣ; съ ними мы ничего не можемъ сдѣлать, говоритъ профессоръ Губеръ. *Тѣ господа въ Россіи, которые имѣютъ интересъ въ томъ, чтобъ Греческая церковь была понята и оцѣнена*, должны писать задачи на преміи — только не на русскомъ или новогреческомъ, а на французскомъ языкѣ". Уже это указывало на склонность отцовъ профессоровъ философіи и разныхъ правъ смотрѣть на труды нашихъ ученыхъ, какъ на ученическія задачки (Preisausgaben). Оказалось же, что къ самому перечню спорныхъ вопросовъ старокатолическіе ученые не только могли по склонности, но и должны были по обязанности отнестись, какъ къ ученической задачкѣ, не заслуживающей даже преміи (Preis). Въ письмѣ г. Лан-

гена въ отвѣтъ на перечень дѣйствительно и указано, что составители схемы: 1) не съумѣли разграничить строго между догматами и мнѣніями, 2) не во всемъ вѣрно изложили ученіе Западной церкви и 3) не всегда понимали настоящее значеніе употребляемыхъ ими терминовъ, напр., primus inter pares. Послѣднее, впрочемъ, совершенно понятно со стороны людей, которые при переводѣ замѣчаній г. Лангена на схему могли допустить въ печать такую передачу мысли г. Лангена: „Латинская церковь дѣйствительно всегда считала *хожденіе вокругъ алтаря* (*Wandlung*) *нераздѣльнымъ* отъ произнесенія словъ установленія таинства евхаристіи“. Хорошъ этотъ переводъ „Wandlung“ выраженіемъ „хожденіе вокругъ алтаря“ — вмѣсто слова „преложеніе“!

2) Второй узелъ видимъ мы въ понятіи профессора Михелиса о церкви. По его мнѣнію, Римско-католическая церковь обанкрутилась, такъ какъ непогрѣшимость есть только завершеніе ереси (nur die Spitze der Häresie ist) всей предъидущей ея церковной жизни; Церкви Восточно-Каѳолической грозитъ опасность, что и ея православіе (orthodoxia) скоро станетъ такимъ же завершеніемъ ереси всей ея предъидущей церковной жизни; то же самое еще въ большей степени имѣетъ мѣсто относительно всякихъ другихъ церквей. До такого взгляда, до такого *очень добраго сознанія* (sehr gute Bewusstsein) дошли пока одни нѣмецкіе старокатолики, а всѣ другія церкви должны придти къ тому же. Только основанное на этомъ очень добромъ сознаніи,—къ коему, по примѣру нѣмецкихъ старокатоликовъ и, быть можетъ, подъ ихъ руководствомъ, должны придти всѣ другіе, — совокупное исканіе и опредѣленіе истины и создастъ то, что можно будетъ назвать *дѣйствительною* христіански-католическою церковью. Такова, по взгляду профессора Михелиса, задача будущаго перваго вселенскаго собора; таковы пока взгляды нѣмецкихъ старокатоликовъ на церковь. Такъ ли мы понимаемъ задачу соборовъ, и таково ли наше понятіе о своей церкви? Вотъ почему Александръ Ликургъ, архіепископъ греческихъ острововъ Сироса и др., полу-

чившій высшее образованіе въ университетахъ Германіи и хорошо, конечно, знающій воззрѣнія своихъ бывшихъ профессоровъ, въ письмѣ къ Констанцскому конгрессу—не нашелъ неумѣстнымъ прямо таки поставить имъ вопросъ о церкви. Письмо не было даже удостоено прочтенія въ засѣданіяхъ конгресса. О немъ предсѣдатель просто только заявилъ, что будетъ напечатано въ приложеніяхъ къ оффиціальному отчету; а между тѣмъ тутъ же сряду съ особенной торжественностію прочитано было письмо отъ главнаго комитета Всеобщаго Евангелическаго Союза. Въ письмѣ архіепископа Александра, написанномъ прекраснымъ нѣмецкимъ языкомъ, изъ самаго понятія о церкви выведены и основанія, на какихъ Восточная Церковь можетъ желать возсоединенія, и самый *modus procedendi*, какой согласенъ съ ея достоинствомъ. Ясная постановка вопроса о сущности церкви въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе необходима, что нѣмецкіе старокатолики не прочь своему вновь образовавшемуся и еще ни одною автокефальною церковью не признанному „согласію“ усвоить центральное значеніе въ дѣлѣ соединенія церквей или, какъ они говорятъ, образованія христіански-католической церкви, и приписать ему роль судіи вселенной, которой въ дѣйствительности никогда не имѣли даже тѣ помѣстныя церкви, за предстоятелями коихъ вселенская церковь признавала подобное званіе.

3) Третій узелъ представляется въ тѣхъ компромиссахъ, кои предполагаются однимъ изъ примѣчаній Нѣмцевъ на посланную имъ схему спорныхъ вопросовъ. Въ ученіи о церкви схема говоритъ, что у насъ архіереи, управляющіе церквами, именуются главами оныхъ, и объясняетъ — чѣмъ бы вы думали? — тѣмъ, будто сіе должно принимать въ такомъ смыслѣ, что *они суть мѣстоблюстители Христовы каждый въ своей области.* А папа себя именуетъ также главою церкви развѣ не въ томъ смыслѣ, что *онъ есть мѣстоблюститель Христовъ въ цѣлой вселенной* (in orbe terrarum)? Чтобы такое сопоставленіе не бросилось въ глаза, авторъ схемы въ изложеніи этого пункта по ученію Римской церкви

счелъ за лучшее умолчать о наиболѣе характеристичныхъ званіяхъ папы: намѣстникъ Христа, vicaire du Christ, Stellvertreter Christi и т. п. Не лучше ли было бы прямо сказать святую истину, что именованіе архіереевъ главами всегда было, есть и будетъ для Восточной Церкви *именованіемъ почетнымъ*, какимъ является также названіе *отца церкви*, какимъ остается до сихъ поръ титулъ *судіи вселенной* за патріархомъ александрійскимъ и титулъ *вселенскаго патріарха* за архіепископомъ константинопольскимъ и какимъ въ нераздѣльной церкви считалось *первенство* епископа римскаго? Говорить же старокатоликамъ, что мы, вопреки ученію Римской церкви, не признаемъ ни первенства какого либо епископа въ смыслѣ подчиненія ему всѣхъ другихъ епископовъ, ни его непогрѣшимости, значило не сказать имъ ничего особеннаго. „Достаточно извѣстно, что старокатолики отвергаютъ, говоритъ профессоръ Лангенъ, ученіе о вселенской епископской власти и о непогрѣшимости папы. Но рождается вопросъ: полагать ли церковное устройство, учрежденное по первообразу апостольской церкви такимъ, что всѣ епископы имѣютъ равныя права безъ видимаго средоточія своего внѣшняго единства, или же одинъ изъ членовъ епископской корпораціи (хорошо выраженіе: „епископская корпорація“!) стоитъ во главѣ какъ представитель единства? Этотъ вопросъ, равно какъ и тѣсно связанную съ нимъ (вашу) мысль, будто признанное древнею церковью за римскимъ епископомъ преимущество произошло исторически отъ гражданскаго значенія города Рима, мы оставляемъ пока въ сторонѣ, такъ какъ въ отношеніи къ этому нелегко было бы достигнуть соглашенія. Во всякомъ случаѣ было бы желательно, чтобы предварительно намъ доставлено было точное и подробное указаніе на положеніе и права патріарховъ въ Восточной Церкви“. Оставлять пока въ сторонѣ, потому что не легко придти къ соглашенію—достойно ли это серьезныхъ людей и не значитъ ли оставлять открытою дверь или для папства, или для общей разрозненности? О представительствѣ же единства церкви посредствомъ соборовъ—

ни слова, а объ этомъ слѣдовало бы сказать вмѣсто того, чтобъ изъявлять согласіе на непонятную безъ возможности соборовъ и безъ нѣкоторыхъ другихъ обязательно указанныхъ Лангеномъ условій [1]) мысль отдѣла о томъ, что „только вселенская церковь, законно представляемая епископами, должна быть признана непогрѣшимою хранительницею и истолковательницею вѣры". Далѣе, не чудные ли люди эти Нѣмцы! Намъ говорятъ, что нелегко достигнуть соглашенія на счетъ будто бы только нашей мысли, что преимущество папы произошло отъ гражданскаго значенія города Рима; а у себя дома, на Констанцскомъ, напр., конгрессѣ, президентъ его, профессоръ Шульте, произноситъ длинную рѣчь о томъ, что эта мысль дѣйствительно вѣрна!

4) Четвертый узелъ мы видимъ въ этомъ положеніи нѣмецкихъ старокатоликовъ: „Преимущество власти или степени (potestas ordinis) епископа надъ властію или степенью священника заключается *только* въ правѣ посвященія (zu ordinieren)". Намъ кажется, такое понятіе о различіи степеней священства съ руки старокатоликамъ, чтобы оправдать бывшій у нихъ до посвященія епископа такъ называемый Nothstand, по которому старокатолическіе священники считали себя въ правѣ исполнять обязанности своего сана безъ вѣдома епископа. Но ни Восточная, ни Западная церковь никогда не сводили эту разницу на указываемое здѣсь „*только*". По ихъ понятію, лишь одинъ епископъ есть самостоятельный представитель власти въ церкви, а священники суть только его делегаты, и могутъ совершать таинства не иначе, какъ въ зависимости отъ епископа. Делегаціонный характеръ ихъ въ Западной церкви выражается особенно сильно тѣмъ, что даже на совершеніе таинства исповѣди они должны имѣть спеціальное уполномоченіе отъ епископа.

---

[1]) Условія эти состоятъ въ томъ, что „вѣрность даже соборнаго опредѣленія еще не обезпечивается внѣшнею законностію епископскаго собранія, но прежде всего правильнымъ и свободнымъ обсужденіемъ вопросовъ, опирающимся въ свою очередь на тщательномъ испытываніи св. писанія и преданія, и что не одни только епископы, но даже и міряне могутъ принимать участіе въ соборныхъ преніяхъ, какъ это уже было на Никейскомъ соборѣ".

5) Пятый узелъ представляетъ собою тотъ параграфъ схемы, въ которомъ говорится о таинствѣ евхаристіи. Тутъ ученіе объ освященіи Даровъ изложено *не совсѣмъ вѣрно* по взгляду Западной церкви и *совсѣмъ невѣрно* по воззрѣнію Восточной. Вотъ какъ въ схемѣ изложено это ученіе по взгляду Римской церкви: „Преложеніе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Іисуса Христа совершается на литургіи во время произнесенія словъ установленія таинства: „сіе есть Тѣло Мое“ и „сія есть Кровь Моя“. Всякій замѣтитъ, что здѣсь не указанъ еще одинъ, считаемый и латинянами существеннымъ, элементъ освященія, а именно: благословеніе Даровъ. Ученіе же Восточной Церкви по схемѣ читается такъ: „Преложеніе Св. Даровъ въ Тѣло и Кровь Іисуса Христа совершается чрезъ молитвенное призываніе Св. Духа на предложенные Дары во время произнесенія *съ благоговѣніемъ* (намъ хотѣлось бы читать „*съ благословеніемъ*“, ибо, во-первыхъ, благоговѣніе не можетъ быть предметомъ требованія исключительно только для коакго-либо таинства, а во-вторыхъ, благословеніе должно быть указано, какъ одно изъ непремѣнныхъ условій освященія Даровъ) словъ: „Сотвори убо хлѣбъ сей честное Тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей честную Кровь Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ“. Прежде всего, по схемѣ, какъ оказывается, весь вопросъ въ этомъ случаѣ сводится лишь на разность ученія обѣихъ церквей о времени преложенія Даровъ. Въ нашей литургіи произносятся и слова установленія таинства, и слова призыванія Св. Духа съ благословеніемъ Даровъ. Поэтому у насъ, собственно для самихъ себя, могъ бы еще возникнуть вопросъ о томъ или другомъ моментѣ преложенія. Въ латинской же мессѣ произносятся съ благословеніемъ Даровъ лишь слова установленія таинства, а словъ призыванія Св. Духа вовсе нѣтъ. Поэтому для латинянина даже немыслимъ вопросъ о различныхъ моментахъ преложенія. Такимъ образомъ, при отсутствіи одинаковыхъ элементовъ времени въ томъ и другомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о сравненіи ученія той и другой церкви касательно времени преложенія. Вопросъ поэтому нужно

перенести на сравненіе ученія обѣихъ церквей по отношенію условій преложенія. На этой почвѣ дѣйствительно можно сравнивать оба ученія: ибо въ то время, какъ Римская церковь съ св. Амвросіемъ Медіоланскимъ говоритъ: „Verba Christi faciunt sacramentum", Восточная церковь, не отрицая правды этихъ словъ, но основываясь на практикѣ древней церкви, какъ она представляется въ „Постановленіяхъ апостольскихъ", или въ такъ называемой литургіи Климентинской, на литургіи святаго апостола Іакова, брата Господня, и на ученіи святаго Иринея, епископа ліонскаго: „Panem et Calicem commixtum *per invocationis* verba Corpus et Sanguis Christi vere fieri" [1]), присоединяетъ къ словамъ Христа и молитвенное призываніе Св. Духа съ благословеніемъ Даровъ. Только эти соображенія могли бы утвердить старокатоликовъ въ ихъ намѣреніи ввести эту молитву въ свою мессу изъ эѳіопской литургіи, и только такое толкованіе согласно со взглядомъ нашей Церкви. Схема можетъ внушить, будто наша Церковь произнесенія словъ установленія не считаетъ существенно-необходимымъ для совершенія таинства, чего старокатолики не примутъ и чего никогда не допускала, не допускаетъ и не допуститъ вселенская церковь. Вѣроятно, эту мысль и хотѣлъ выразить въ своихъ замѣчаніяхъ на схему профессоръ Лангенъ слѣдующею тирадою: „Такъ какъ Восточная Церковь эти слова установленія также провозглашаетъ (recitirt) во время литургіи, то, стало быть, для нея не составитъ существеннаго различія, если она объявитъ (сообразно построенію своей литургіи) призываніе Св. Духа существеннымъ условіемъ, лишь бы она не считала западную литургію за неправильную, разрушающую сущность жертвы". Мы желали бы дать этой мысли такое выраженіе: „Такъ какъ Восточная Церковь слова установленія также провозглашаетъ во время литургіи, то, стало быть, для нея не составитъ существеннаго раз-

[1]) Т. е. что хлѣбъ евхаристіи и растворенное вино, чрезъ слова призыванія, истинно становятся Тѣломъ и Кровію Христовыми.

личія объявить сообразно построенію своей религіи и произнесеніе этихъ словъ наряду съ призываніемъ Св. Духа существеннымъ условіемъ“ и т. д. Мысль профессора Лангена въ указанной нами формѣ выражала бы именно настоящее ученіе нашей Церкви, какъ оно implicite содержится, между прочимъ, въ служебникѣ—въ главѣ: „О случаяхъ, въ служеніи литургіи приключитися могущихъ въ вещехъ, въ совершеніи и въ служителехъ“ [1]). Сверхъ всего этого, изложеніе ученія нашей Церкви объ освященіи Даровъ въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ схемѣ, способно ввести насъ и старокатоликовъ въ новое заблужденіе: будто наша Церковь требуетъ именно тѣхъ, а не другихъ словъ призыванія. Между тѣмъ, стоило лишь сравнить между собою литургіи, помѣщенныя въ „Codex Liturgicus“, а также литургію Василія Великаго по греческимъ и старопечатнымъ славянскимъ служебникамъ съ литургіею Іоанна Златоуста, чтобъ видѣть отсутствіе полной тождественности въ выраженіяхъ данной молитвы [2]).

[1]) Аще въ самомъ причащеніи, потребивъ часть, познаетъ хлѣбъ быти растлѣнный и т. п., сице да творитъ, сіесть вземъ свѣжую пшеничную просфору, и прочитавъ надъ нею и сотворивъ вся проскомидійная, да изметъ агнецъ, закалаетъ же и прободаетъ и отъ *сего мѣста начнетъ*: „Въ нощь, въ нюже преданъ бываше“, и *словеса Господня иже надъ хлѣбомъ токмо глаголати* (надъ чашею же ничто же глаголя, *да преминетъ, понеже вся изречена быша*); чтя же молитву: „Поминающе убо“ и „Твоя отъ Твоихъ“, да поднесетъ *точію дискосъ* съ Божественнымъ агнцемъ; таже чтя молитву: „Еще приносимъ Тебѣ“ и „Господи иже Пресвятаго Твоего духа“—со стихами, надъ агнцемъ да глаголетъ въ совершеніе освященія: „И сотвори убо хлѣбъ сей честное Тѣло Христа Твоего, преложивъ его Духомъ Твоимъ Святымъ“.—Аще въ самомъ причащеніи познаетъ, яко нѣсть вина въ святой чаши — точію вода, да изліетъ воду во иный сосудъ, въ чашу же да вліетъ вино и мало воды, глаголя: „И единъ отъ воинъ копіемъ“ и пр. и *отъ словесъ начинаетъ*: „Такожде и чашу по вечери, глаголя: пійте отъ нея вси“ и пр., таже молитву: „Поминающе убо“ и, поднося чашу, глаголетъ: „Твоя отъ Твоихъ“ и молитву: „Еще приносимъ Тебѣ“ и въ совершеніе молится: „Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа“; минувъ же яже надъ святымъ хлѣбомъ, глаголетъ: „А еже въ чаши сей“, и благословляя точію чашу, да глаголетъ: „Преложивъ е Духомъ Твоимъ Святымъ“.

[2]) Вотъ какъ изложено молитвенное призываніе Св. Духа, стоящее во всѣхъ приводимыхъ нами литургіяхъ послѣ словъ установленія: 1) въ литургіи Климентинской или по „Постановленіямъ апостольскимъ“:—„Поминающе убо страсти Его (Христа), и смерть, и еже изъ мертвыхъ возстаніе, и еже на небеса восшествіе, и будущее Его второе пришествіе...., приносимъ Тебѣ, Царю и Богу, по Его чиноположенію, хлѣбъ сей и чашу сію, благодаряще Тебе Имъ о нихъ же сподобилъ еси ны стати предъ Тобою и священствовати Тебѣ, и молимъ Ти ся, яко да милостиво призриши на *предлежащыя предъ* Тобою Дары сія Ты, вседовольный Боже, и благоволиши на нихъ въ честь Христа Твоего, и *ниспошлеши на*

Послѣ всего этого не лучше ли было изложить это ученіе катихизическими выраженіями покойнаго іерарха московскаго и православныхъ восточныхъ патріарховъ: „Важнѣйшее дѣйствіе въ литургіи вѣрныхъ — произнесеніе словъ, которыя сказалъ Іисусъ Христосъ при установленіи таинства: „Пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое; пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя новаго завѣта“, и потомъ призываніе Святаго Духа и благословеніе Даровъ, т. е. принесеннаго хлѣба и вина, потому что при семъ самомъ дѣйствіи хлѣбъ и вино прелагаются, или пресуществляются, въ истинное Тѣло Христово и въ истинную Кровь Христову, причемъ словомъ „пресуществленіе“ не объясняется образъ, которымъ хлѣбъ и вино претворяются въ Тѣло и Кровь Господа, но показывается только то, что истинно, дѣйствительно и существенно хлѣбъ бываетъ самымъ истиннымъ Тѣломъ Господнимъ, а вино самою Кровію Господнею“ („Пространный Катихизисъ“ и „Изложеніе Православнаго Исповѣданія“). Какъ это истинно и вмѣстѣ широко—свободно!

Эти мысли мы сочли своимъ долгомъ высказать въ виду слѣдующаго циркуляра со стороны каноника Дел-

жертву сію Духа Твоего Святаго, свидѣтеля страстей Господа Іисуса, яко да покажетъ хлѣбъ сей Тѣло Христа Твоего и чашу сію Кровь Христа Твоего, да причащающіяся“ и пр.; 2) въ литургіи Святаго Василія Великаго по греческимъ и старопечатнымъ славянскимъ служебникамъ: — „Поминающе убо, Владыко, и мы спасительныя Его страданія, животворящій крестъ, тридневное погребеніе, еже изъ мертвыхъ воскресеніе, еже на небеса восшествіе, еже одесную Тебе Бога и Отца сѣдѣніе и славное и страшное Его второе пришествіе, *Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся....* и предложше вмѣстообразная Святаго Тѣла и Крове Христа Твоего, Тебѣ молимся и Тебе *призываемъ, Святе святыхъ, благоволеніемъ Твоея благости пріити Духу Твоему Святому на ны и на предлежащыя Дары сія, и благословити я, и освятити, и показати хлѣбъ убо сей самое честное Тѣло Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, чашу сію—самую честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа,* (благословляя обоя) *изліянную за мірскій животъ;* насъ же всѣхъ отъ единаго хлѣба и чаши причащающихся“ и пр., и, наконецъ, 3) въ литургіи Св. Іоанна Златоуста:—„Поминающе убо спасительную сію заповѣдь и вся яже о насъ бывшая: крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, на небеса восхожденіе, одесную сѣдѣніе, второе и славное паки пришествіе, *Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся,*—еще приносимъ Ти словесную сію и безкровную службу, и просимъ, и молимъ, и мили ся дѣемъ: *низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащыя Дары сія, и сотвори убо хлѣбъ сей честное Тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей—честную Кровь Христа Твоего,* (благославляя обоя) *преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ,* — якоже быти причащающимся“ и пр.

лингера: „14 сентября (н. ст.) 1874 г. и въ слѣдующіе затѣмъ дни въ Боннѣ будутъ происходить засѣданія конференціи изъ лицъ, принадлежащихъ къ *различнымъ церквамъ* и желающихъ будущаго великаго соединенія христіанъ. Задача этой конференціи изслѣдовать формулы вѣры первыхъ вѣковъ церкви, а равно ученія и учрежденія, которыя признавались существенными и необходимыми во всей вселенской церкви *Востока и Запада* раньше великаго раздѣленія. Дѣло идетъ ничуть не объ единеніи посредствомъ поглощенія или сліянія различныхъ церквей, а объ установленіи церковнаго общенія на почвѣ „единства въ необходимомъ“, съ удержаніемъ частностей каждой церкви, не нарушающихъ сущности древней вѣры“. Честный труженикъ религіи и науки, Деллингеръ держался въ сторонѣ и отъ политическихъ безтактностей своихъ мнимыхъ послѣдователей, и отъ ихъ напускнаго, прикрытаго научными замашками, неискренняго педантизма въ дѣлахъ вѣры. Перспектива, открывшаяся такимъ образомъ предъ тѣмъ, что всѣ привыкли считать именно его роднымъ дѣтищемъ, испугала, наконецъ, Деллингера. Нужно спасти дѣло. Не связанный никѣмъ и ничѣмъ, онъ пытается одинъ поставить все на прямую дорогу. Такой смыслъ придаемъ мы шагу, сдѣланному уважаемымъ каноникомъ созваніемъ Боннской конференціи. Впечатлѣніе заграничныхъ газетъ подтверждаетъ наше мнѣніе. Вотъ сущность разговора, который имѣлъ съ Деллингеромъ корреспондентъ „Daily News“ до созванія Боннской конференціи: „Зачинщикъ *противо-непогрѣшимостнаго* (но не старокатолическаго, замѣтьте) движенія выразилъ мнѣніе, что основанія для соединенія церквей нужно искать на исторической и догматической почвѣ до раздѣленія церквей Восточной и Западной. Онъ думаетъ, что всѣ существенные вопросы христіанскаго ученія были рѣшены до раздѣленія этихъ церквей, такъ что признающіе ученіе первыхъ шести вѣковъ христіанства могутъ придти къ полному согласію и къ совершенному единенію. Вслѣдствіе этого Деллингеръ увѣренъ, что для *противо-непогрѣшимцевъ* (а не старокатоликовъ) едине-

ніе съ Восточною Церковью будетъ не такъ трудно, какъ съ западными церквами, *ибо она строго держится ученія первыхъ вѣковъ христіанства*". Теперь вотъ что пишетъ о Деллингерѣ по поводу Боннской конференціи „Indépendance Belge": „Созванная Деллингеромъ, она была и предсѣдательствуема имъ, такъ что ее болѣе всего приличествуетъ назвать *Деллингеровскою*, чѣмъ какъ-нибудь иначе. На этой конференціи Деллингеръ *представилъ собою зрѣлище такого поворота въ мысляхъ*, котораго нельзя не похвалить. Когда припоминаешь себѣ, что онъ былъ на конгрессахъ въ Мюнхенѣ и Кёльнѣ, и соображаешь съ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь, — остаешься болѣе чѣмъ удивленнымъ тому прогрессу, который совершился въ его мысли. Два года тому назадъ, онъ едва хотѣлъ слышать о преобразованіяхъ и о единеніи церквей, оставаясь въ предѣлахъ простаго протеста противъ новыхъ догматовъ о непорочномъ зачатіи и о непогрѣшимости папы. Теперь же онъ аппелируетъ къ церкви нераздѣльной; отвергаетъ вселенскость Тридентинскаго собора; объявляетъ *Церкви Восточной, признающей лишь семь вселенскихъ соборовъ и отвергающей мнимые* (prétendus) *вселенскіе соборы Римской церкви*, что *она есть церковь каѳолическая, и что она осталась вѣрна истинной христіанской вѣрѣ;* требуетъ единенія Запада съ Востокомъ даже до общенія въ таинствахъ; признаетъ незаконнымъ введеніе *Filioque* въ символъ западный и заявляетъ, что ученіе, выражаемое этимъ словомъ, ни коимъ образомъ не можетъ считаться догматическимъ и пр. Такія заявленія суть *ужаснѣйшіе удары, какіе только можно нанести всей системѣ іезуитизма и ультрамонтанства*, а долженствующія рано или поздно произойти отсюда послѣдствія, даже въ отношеніи политическомъ и для могущихъ установиться междуисповѣдныхъ и международныхъ сношеній, кажутся намъ громадной важности. Нужно еще замѣтить, что вмѣсто того, чтобы говорить отъ имени старокатоликовъ, Деллингеръ представлялъ и развивалъ свои предложенія отъ имени *нѣмецкихъ богослововъ. И самое слово „старокатолицизмъ" въ теченіе всѣхъ преній сорвалось*

у него всего одинъ или два раза". Далѣе „Indépendance Belge" сожалѣетъ, что все это было высказано почтеннымъ профессоромъ безъ всякаго ученаго аппарата, а скорѣе въ видѣ исповѣданія вѣры, и что онъ не держался на *твердой* почвѣ критеріума, поставленнаго Кёльнскимъ конгрессомъ. Мы же именно въ этомъ и видимъ поворотъ къ лучшему. Кёльнскій конгрессъ постановилъ, что нужно сначала опредѣлить, что такое была церковь нераздѣльная, а потомъ сравнить съ этимъ масштабомъ всѣ существующія нынѣ церкви. Но кто же установитъ этотъ масштабъ? Михелисы и другіе вызывались на эту работу, но Деллингеръ, какъ искренній христіанинъ, знаетъ, что *истинная* Христова церковь должна существовать постоянно не какъ фикція и не какъ выводъ историческихъ изслѣдованій, а какъ непрерывно продолжающійся историческій фактъ. Этотъ фактъ непрерывнаго проявленія или воплощенія масштабнаго, такъ сказать, понятія о церкви и есть, по Деллингеру, Церковь Восточная.

Гладстонъ и римско-католическая церковь въ Англіи.

Глава бывшаго министерства и предводитель (leader) либеральной партіи въ Англіи, Гладстонъ, помѣстилъ въ октябрской 1874 г. книжкѣ „Contemporary Review" статью подъ заглавіемъ: „Ritualism". Въ Англиканской церкви есть сильная партія, которая, въ виду многочисленныхъ за послѣднее время обращеній въ католицизмъ, мотивированныхъ въ большей части случаевъ сухостью англиканскаго ритуала, желала бы ввести въ свое богослуженіе нѣкоторые обряды Латинской церкви. Противная же партія видитъ въ этихъ соображеніяхъ ритуалистовъ лишь уловку прикрыть стремленіе „романизировать" церковь и народъ Англіи. Гладстонъ, не особенно сочувствуя ритуалистамъ, въ то же время далекъ

и отъ опасеній ихъ противниковъ. Въ успокоеніе-то послѣднихъ онъ и сказалъ: „Если бы подобное стремленіе и было возможно въ XVII или XVIII столѣтіи, то оно невозможно въ XIX, когда Римъ свой прежній гордый девизъ „*Semper eadem*“ замѣнилъ политикой насильственныхъ перемѣнъ въ вѣроученіи, когда онъ вновь отточилъ и обнажилъ на показъ всѣ заржавѣлыя оружія, казалось, вышедшія изъ употребленія, когда никто не можетъ вступить въ его лоно, не отрекшись отъ нравственной и умственной свободы и не передавъ своего гражданскаго долга на произволъ другаго лица, и когда онъ одинаково отвергъ и новѣйшую мысль, и древнюю исторію“. Въ этихъ немногихъ словахъ, при всей ихъ неточности и сбивчивости или, лучше сказать, именно вслѣдствіе ихъ неточности и сбивчивости, великобританскіе католики тотчасъ же увидѣли результатъ того вліянія, какое произвели на Гладстона, во время его лѣтняго путешествія по Германіи, свиданія съ предводителями тамошняго старокатолическаго движенія. Безтактность такого тенденціознаго замѣчанія признается всѣми, кто знаетъ, что въ Англіи Римская церковь поставлена совсѣмъ въ иныя условія, чѣмъ въ Германіи, и потому тамъ до сихъ поръ не было еще повода къ прямому столкновенію. Въ виду этихъ условій, въ какія поставлена Римская церковь въ Англіи, именно благодаря либеральной партіи и особенно ея послѣднему вождю, самому Гладстону, и въ виду того оговорочнаго характера, какой имѣетъ вышеприведенная тирада,— рѣзкость ея выраженій должна, въ глазахъ всѣхъ безпристрастныхъ людей, явиться даровымъ, напраснымъ и потому безтактнымъ оскорбленіемъ великобританскихъ католиковъ. Это—тѣмъ болѣе, что ни на минуту нельзя было предположить, чтобъ, вышедши изъ-подъ пера столь замѣчательнаго государственнаго человѣка, оно не было поднято тѣми, кого касалось. Безтактность *вызванная*, правда, некрасива, но все-таки извинительнѣе безтактности *вызвавшей*. Вотъ почему отчасти понятны „то недовольство, то негодованіе, даже та ярость“, какъ о томъ выражается самъ Гладстонъ, съ которыми на-

бросилась на него за эти слова ирландская печать, забывая все, что имъ сдѣлано было для отмѣны въ Великобританіи религіозной неравноправности, особенно тяготившей Римскую церковь. Многіе друзья Гладстона изъ римскихъ католиковъ потребовали у него прямаго таки объясненія. Это объясненіе и явилось въ видѣ политическаго памфлета подъ заглавіемъ: „Ватиканскія опредѣленія въ ихъ отношеніи къ гражданской вѣрноподданности“. Изъ этого объясненія прежде всего видно, что взглядъ Гладстона на судьбы Англіи далеко не такъ радуженъ на самомъ дѣлѣ, какъ то можно было думать по тому презрительно-бравурному тону, съ какимъ онъ третировалъ въ означенной злополучной фразѣ стремленіе романизировать Англію. Не значитъ ли это оказывать католикамъ услугу, не только формулируя ихъ стремленія, но и признавая ихъ жизненность. Какъ ни странно то можетъ показаться, а между тѣмъ, при столь явномъ противорѣчіи духа вышеприведенной фразы изъ статьи о ритуализмѣ съ духомъ названнаго объясненія, послѣднее является лишь развитіемъ первой. При этомъ неточность и сбивчивость, о которой мы говорили выше и въ которой мы видѣли вліяніе нѣмецко-старокатолической туманности, сказывается и въ брошюрѣ.

Гладстонъ начинаетъ свое объясненіе съ того, что старается оправдать свои выраженія: „Римъ свой прежній девизъ „Semper eadem“ замѣнилъ политикой насильственныхъ перемѣнъ въ вѣроученіи“, „Римъ вновь отточилъ и обнажилъ на показъ всѣ свои прежнія заржавѣлыя оружія“, и ихъ резюмé: „Римъ одинаково отвергъ и древнюю исторію, и новѣйшую мысль“. Приводя историческіе примѣры, Гладстонъ не указываетъ, однако-жъ, ни того, какъ давно Римъ свой гордый девизъ замѣнилъ политикой насильственныхъ перемѣнъ въ вѣроученіи, чтобъ ее дѣйствительно можно было считать чѣмъ-то новымъ, еще не подлежавшимъ порицанію,—ни того, какъ давно онъ оставилъ употребленіе своихъ оружій, чтобъ они могли дѣйствительно заржавѣть, и чтобъ мы были правы въ желаніи отточить ихъ и пользоваться

ими видѣть свѣжее преступленіе. По нашему мнѣнію, въ такомъ видѣ указанныя положенія даютъ ложное понятіе объ исторіи Римской церкви, представляя ее не послѣдовательнымъ развитіемъ одной и той же системы, чѣмъ она и была на самомъ дѣлѣ, а прыжками отъ одного порядка вещей къ другому, чѣмъ она никогда не была. Раздробивъ исторію Римской церкви на отдѣльные, безъ всякой связи, моменты, въ которые она будто бы слѣдовала разнымъ системамъ, и не опредѣливъ еще при этомъ относительныхъ границъ этихъ моментовъ, мы лишаемъ себя всякой возможности бороться противъ романизма. Насъ уполномочиваетъ на эту борьбу лишь цѣлое направленіе всей исторіи Римской церкви. Только на цѣломъ направленіи исторіи этой церкви, а не на отдѣльныхъ ея моментахъ, можемъ мы построить нашъ обвинительный актъ противъ нея. Ни инквизиція, ни энциклики, ни силлабусы, отдѣльно взятые, ничего не доказываютъ: имъ всегда можно будетъ противопоставить, также отдѣльно взятыя, ослѣпительно-величественныя дѣянія Римской церкви. Такимъ образомъ, изъ Гладстоновой постановки вопросовъ выходитъ только путаница. Теперь понятно, почему даже самому главному своему положенію о томъ, что „никто *нынѣ* не можетъ вступить въ лоно Рима, не отрекшись отъ нравственной и умственной свободы и не передавъ своего гражданскаго долга на произволъ другаго лица“, онъ даетъ значеніе лишь какъ дѣлу настоящаго момента исторической жизни Рима, что̀ и выразилъ этимъ словомъ „нынѣ“. Нынѣ непогрѣшимость папы провозглашена, какъ догматъ, какъ ученіе необходимое для спасенія; нынѣ также третья глава ватиканскихъ декретовъ смѣло заявляетъ, что „ради спасенія должно оказывать безусловное повиновеніе папѣ не только въ вѣрѣ и нравственности, но и во всемъ, касающемся дисциплины и управленія церкви“. Сведши вопросъ на „нынѣ“ и оставивши въ сторонѣ духъ всей исторіи католичества, Гладстонъ ребячески припоминаетъ, въ поученіе своимъ соотечественникамъ-католикамъ, примѣры прошлаго, будто бы отличнаго отъ настоящаго. Онъ припоминаетъ, что

еще въ 1829 году, при обсужденіи закона объ эмансипаціи католиковъ, были высказаны сильныя сомнѣнія въ томъ, есть ли для послѣдовательныхъ католиковъ возможность оставаться вполнѣ вѣрноподданными коронѣ, и что епископъ Дойль и всѣ апостолическіе викаріи, руководившіе въ то время англійскими католиками, рѣшительно отвергли эти притязанія, объявивъ, что „ни папа, ни иное духовное лицо Римско-католической церкви не имѣетъ права вмѣшиваться прямо или косвенно въ гражданское управленіе, ни противиться какимъ-либо образомъ исполненію гражданскихъ обязанностей въ отношеніи къ коронѣ“; а ирландскіе католики заявили въ своемъ адресѣ, что мнѣніе о непогрѣшимости папы не связано съ существомъ католической вѣры. Такъ будто бы за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ католики понимали свое отношеніе къ папѣ. Но съ тѣхъ поръ, обольщаетъ себя Гладстонъ, обстоятельства совершенно измѣнились. Полагая, что такимъ аргументомъ онъ вполнѣ оправдалъ уже запросъ, которымъ намѣревается заключить свой памфлетъ, Гладстонъ пока побѣдоносно разбиваетъ бредни ультрамонтанъ о томъ, будто непогрѣшимость папы касается только вопросовъ вѣры и нравственности. „Только вопросовъ нравственности! восклицаетъ онъ. Да пусть кто изъ римскихъ казуистовъ благоволитъ разъяснить намъ, какія отправленія человѣческой жизни не относятся и не могутъ относиться къ области нравственности?.. Я же полагаю, что долгъ есть сила сопредѣльная съ дѣятельностью нашего ума. Эта тѣнь, всюду идущая за нами и оставляющая насъ лишь, когда мы сами оставляемъ свѣтъ жизни. Итакъ, верховнаго руководства нами въ отношеніи ко всякому долгу, — вотъ чего требуетъ папа, какъ ему принадлежащаго права, *sacro approbante concilio*, и какъ вещи *cunctis credendae et tenendae*. Такимъ образомъ въ сѣти папства загребаются цѣлыя системы правительствъ и правленія. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ церковь самымъ рѣшительнымъ образомъ отдѣлена отъ государства, и тамъ найдется множество предметовъ, принадлежащихъ къ области и компетенціи

государства и въ то же время несомнѣнно касающихся церковнаго управленія, какъ, напримѣръ: браки, погребенія, воспитаніе, тюремная дисциплина, кощунство, вспоможеніе бѣднымъ, инкорпораціи, религіозныя дарственныя приношенія, обѣты безбрачія и послушанія, и пр.; въ Европѣ же сфера этихъ предметовъ еще гораздо шире, и пункты соприкосновенія и взаимной связи почти безчисленны. Итакъ, относительно всякаго предмета, касательно коего тотъ или другой папа соблаговолитъ объявить, что онъ касается вѣры, или церковной организаціи и дисциплины, требуется отъ католиковъ полное повиновеніе, подъ страхомъ потери спасенія, и это съ согласія собора, безъ сомнѣнія вселенскаго въ римскомъ смыслѣ. Если на этомъ соборѣ еще не утвердили формально самыхъ выраженій *Силлабуса*, то, вѣроятно, оставляли этотъ подвигъ для будущей сессіи. Слѣдуетъ также замѣтить, что всѣ эти требованія открыто заявлены въ царствованіе папы, проклявшаго свободу слова, свободу печати, вѣротерпимость, свободу совѣсти, изученіе соціальныхъ и философскихъ вопросовъ, гражданскій бракъ и опредѣленіе государствомъ гражданскихъ правъ церкви. Такимъ образомъ папа требуетъ для своей церкви права самой опредѣлять свои гражданскія права, а для себя—права на употребленіе силы. И послѣ этого еще съ гордостію утверждаютъ, что папы среднихъ вѣковъ, поддерживаемые ихъ соборами, не посягали на права государей?!“. А если это такъ старо, то зачѣмъ и пугать имъ Англичанъ, какъ новизною? Какъ бы то ни было, но таковъ въ сущности взглядъ бывшаго британскаго премьера на несовмѣстимость будто бы только нынѣшнихъ папскихъ притязаній съ исполненіемъ гражданскаго долга, и потому онъ ставитъ британскимъ католикамъ такую дилемму: 1) или доказать, что ни во имя вѣры, ни во имя нравственности, ни во имя дисциплины или церковнаго управленія, папа не можетъ въ силу власти, присвоенной ему ватиканскими декретами, потребовать отъ нихъ чего-либо не совсѣмъ совмѣстнаго съ ихъ гражданскимъ долгомъ; 2) или же заявить, что если по-

добное требованіе будетъ сдѣлано, хотя бы въ силу ватиканскихъ декретовъ, оно будетъ отвергнуто.

На этотъ запросъ уже явилось два отвѣта—архіепископа Маннинга и лорда Актона. Въ обоихъ возраженіяхъ—въ одномъ пространнѣе, а въ другомъ короче,—сначала развивается та мысль, что доктрины, противъ коихъ возражаетъ г. Гладстонъ, не новы и возникли не со времени Ватиканскаго собора. Папы и прежде присвоивали себѣ право отлучать непризнающихъ ихъ власти и низлагать государей, что̀, однако, не мѣшало же католикамъ оставаться вѣрными подданными государей, объявляемыхъ низложенными. Въ самыхъ же отвѣтахъ лордъ и архіепископъ расходятся вполнѣ. Первый въ сущности все дѣло сводитъ къ тому, что ватиканскіе декреты нисколько не измѣнили гражданской подчиненности англійскихъ католиковъ, которые будто бы не обращаютъ на нихъ вниманія, хотя лордъ Актонъ и не рѣшается сказать это прямо. Окольнымъ путемъ нѣсколькихъ историческихъ примѣровъ, лордъ Актонъ желаетъ поставить на видъ, что не всѣ католики одинаковы, и онъ какъ бы выдѣляетъ себя изъ ультрамонтанской партіи, но нигдѣ, однако, не рѣшается прямо отвергнуть ватиканскіе декреты. Архіепископъ же Маннингъ, вмѣсто отвѣта, самъ, кажется, въ свою очередь, ставитъ Гладстону вопросъ: можетъ ли и должна ли для человѣка существовать неограниченная гражданская вѣрноподданность? На этотъ вопросъ даже „Times“ отвѣчаетъ такъ: „Дѣйствительно, врядъ ли найдется человѣкъ, который бы не допускалъ, что есть много случаевъ, когда сопротивленіе, или, по крайней мѣрѣ, непослушаніе гражданской власти становится для насъ долгомъ. Каждый случай мученичества есть объясненіе этой истины“. Тѣмъ болѣе, значитъ, былъ правъ Маннингъ, когда на этотъ вопросъ самъ далъ такой отвѣтъ, что „ни для кого гражданская подчиненность не безгранична, а потому гражданская подчиненность всѣхъ людей, вѣрующихъ въ Бога или руководящихся совѣстью, раздѣльна въ этомъ смыслѣ: для каждаго христіанина она ограничена совѣстью и закономъ Божіимъ, и въ

такой же мѣрѣ, ни болѣе, ни менѣе, ограничена и гражданская подчиненность католиковъ". Теперь рождается вопросъ: принесли ли ватиканскія опредѣленія что-либо новое въ ограничительныя условія гражданской вѣрноподанности? Маннингъ утверждаетъ, что „ватиканскіе декреты не измѣнили ни на одну іоту обязанностей или условій гражданской подчиненности, и что гражданская подчиненность католиковъ столь же безраздѣльна, какъ и подчиненность всѣхъ христіанъ и всѣхъ людей, признающихъ Божественный или естественный нравственный законъ".

На этомъ пока и стоитъ дѣло. По нашему, напрасно было и начинать его. Таково мнѣніе и одной изъ англійскихъ газетъ „Daily News". Начавши же—слѣдовало бы вести борьбу болѣе послѣдовательно. Выше мы привели слова изъ „Times": „Врядъ ли найдется человѣкъ, который бы не допускалъ, что есть много случаевъ, когда сопротивленіе, или, по крайней мѣрѣ, непослушаніе гражданской власти становится для насъ долгомъ. Каждый случай мученичества есть объясненіе этой истины", „которая, добавляетъ „Times", въ новѣйшее время нашла свое выраженіе въ знаменитомъ Сьюардовскомъ (Seward's) „высшемъ законѣ" и воплотилась, наконецъ, въ революціонной формулѣ о „священномъ правѣ возстанія". Поэтому, что бы тамъ ни писали противъ Римской церкви Гладстонъ и „Times", изъ этого, намъ думается, выйдетъ мало проку до тѣхъ поръ, пока они будутъ смѣшивать истину, лежавшую въ основѣ мученичества, съ революціонными идеями, которымъ римскій католицизмъ дѣйствительно открылъ входъ въ западное общество.

III.

Обратимся теперь къ протестантизму. При этомъ укажемъ сначала признаки его разложенія въ Германіи и Франціи, а потомъ разскажемъ о симптомахъ его предсмертной агоніи въ Швейцаріи.

Дѣло пастора Сидова въ Берлинѣ и протестантскій синодъ въ Парижѣ.

Берлинскій пасторъ Сидовъ, *вѣрный*, какъ говоритъ о томъ „Кёльнская Газета“, ученикъ и послѣдователь великаго Неандера, продолжая традиціи и историческіе пріемы своего учителя [1]), для назиданія своихъ пасомыхъ, развивалъ имъ съ церковной каѳедры *одинъ изъ спорныхъ*, какъ хладнокровно докладываетъ о томъ та же „Кёльнская Газета“, *вопросовъ* христіанской теологіи— о чемъ бы вы думали?—объ естественномъ происхожденіи Іисуса Христа отъ Іосифа и о согласіи утвердительнаго рѣшенія этого вопроса съ существомъ христіанства. Бранденбургская (берлинская) консисторія предложила проповѣднику измѣнить характеръ своихъ поученій. Такъ какъ представленія ея остались безъ послѣдствій, то консисторія и опредѣлила — доктора Сидова отрѣшить отъ мѣста. Что же послѣдовало? А вотъ что: Zahlreiche Proteste aus seiner Gemeinde, der Protest des berliner Magistrats und mehrere lebhafte Erklärungen „protestanten-vereinlicher“ Prediger und Mitglieder der evangelischen Kirche in Preussen und in anderen deutschen Staaten [2]). Бѣдной бранденбургской консисторіи безъ большихъ затрудненій доказано было, что, „*по принципамъ протестантизма, она не имѣетъ права толковать о какихъ-то неизмѣняемыхъ догматахъ и объявлять непогрѣшимымъ то или другое изложеніе библіи* (Bibel-Auslegung)“. Сидову слѣдовало бы довольствоваться этою моральною побѣдою принципа и ждать, чтобъ или сама консисторія, или обстоятельства исправили то,

[1]) Кстати: лѣтъ десять тому назадъ, зачитывавшіеся церковною исторіею Неандера студенты одной изъ нашихъ духовныхъ академій собирались перевести ее на русскій языкъ. Вотъ бы услужили!

[2]) Многочисленные протесты отъ его прихода, протестъ берлинскаго магистрата и значительное число рѣзкихъ заявленій со стороны протестантскихъ проповѣдниковъ и членовъ Евангелической церкви въ Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ.

что въ ея рѣшеніи касалось его лично: ибо не подлежитъ сомнѣнію, что до изданія майскихъ законовъ 1873 года консисторія была въ своей сферѣ и являлась единственнымъ компетентнымъ судьей, опредѣленія котораго, касающіяся вопросовъ вѣроученія и культа, даже при ихъ несогласіи съ общими принципами, могли считаться ошибочными, но не могли быть отмѣнены внѣ-церковною властію. Такимъ образомъ уже изъ того, что такой человѣкъ, какъ Сидовъ, имѣющій за себя всю протестантскую интеллигенцію, нашелъ возможнымъ и приличнымъ перенести свое дѣло по означенному вопросу съ консисторіею на судъ государства,—уже изъ одного этого видно, какъ думаютъ о церкви пасторъ Сидовъ и поддерживающая его протестантская интеллигенція. Правительственное же учрежденіе, къ которому обратился докторъ Сидовъ, не только не объявило себя некомпетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, но даже разыгранную имъ въ этомъ случаѣ роль верховнаго охранителя и защитника основныхъ принциповъ протестантизма выставило, какъ обязанность, возложенную на него просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ протестантскаго міра. Такимъ образомъ самой же консисторіи предписано было извѣстить пастора Сидова объ отмѣнѣ ея опредѣленія высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ и пригласить его занять снова свое мѣсто. Вотъ какимъ путемъ, между прочимъ, прусскому правительству пришла мысль о возможности поглотить церковь государствомъ, что̀ и сдѣлано майскими законами 1873 г. Говоря, по поводу борьбы прусской государственной власти съ Римско-католическою церковью, объ учрежденіи государственнаго верховнаго суда по церковнымъ дѣламъ, мы указали, что къ его юрисдикціи отнесены дѣла какъ Католической, такъ и протестантской церкви. Тамъ же было указано на бо́льшую удобность примѣненія этого учрежденія къ церкви протестантской сравнительно съ Католической и на то, что для церкви протестантской это учрежденіе является полнымъ поглощеніемъ ея церковной жизни государственною. Теперь же приведемъ лишь ея лебединую пѣснь изъ „Крестовой Газеты“. „Чѣмъ, гово-

ритъ она, объяснить тотъ фактъ, что Евангелическая церковь въ Пруссіи и послѣ обновленія жизни, начавшагося въ ней подъ гнетомъ чужеземнаго господства и въ дни священной войны за освобожденіе, окрѣпшаго затѣмъ подъ державнымъ кровомъ нашихъ королей въ буряхъ 1848 и 1849 г. и принесшаго, наконецъ, въ великихъ подвигахъ за отечество въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, столь цѣнные плоды патріотической вѣрности и преданности,—что эта церковь нынѣ предъ лицемъ закона третируется, какъ учрежденіе враждебное государству и вмѣстѣ съ своими отъ короля назначаемыми служителями и начальниками ставится въ самую тѣсную (schärfste) зависимость отъ свѣтской власти? И это можетъ произвести только то печальное дѣйствіе, что убьетъ въ ней отрадное чувство самоуваженія и силу свободы и умалитъ уваженіе къ ней, какъ къ общественному учрежденію. Неужели этого искала Евангелическая церковь въ Пруссіи, когда вотъ уже полстолѣтія все сильнѣе и сильнѣе сказывалось въ ней справедливое стремленіе къ большей свободѣ ея внутренней организаціи, и когда сдѣланныя въ этомъ направленіи начинанія казались ей еще далекими даже отъ приблизительнаго достиженія нормальныхъ отношеній? Да, для Евангелической церкви дѣло идетъ въ настоящее время о ея вѣроисповѣданіи и ея учрежденіяхъ, но всего этого она была въ правѣ добиваться, вмѣсто нынѣшнихъ, при посредствѣ некомпетентныхъ къ тому политическихъ факторовъ, выработанныхъ законовъ, непосредственно изъ рукъ короля, но не какъ главы государства, а какъ главы церкви, дѣйствующаго чрезъ ея собственные и призванные къ тому органы“.

Въ концѣ 1873 года французскіе протестанты, воображая себѣ, что они въ самомъ дѣлѣ еще составляютъ церковь, испросили себѣ разрѣшеніе правительства собраться на синодъ. Собравшись уже вмѣстѣ, они полюбопытствовали узнать, почему одни и другіе изъ нихъ считаютъ себя принадлежащими къ протестантской церкви и имѣющими право засѣдать въ ея синодѣ. Оказалось, что всѣ явившіеся

на синодъ занимаютъ свои мѣста по законному уполномоченію отъ закономъ признанныхъ факторовъ протестантской церковной жизни — отъ приходовъ и отъ консисторій. Но неугомонный синодъ, въ лицѣ незначительнаго большинства, состоявшаго изъ 60 уполномоченныхъ противъ 48, захотѣлъ знать, почему же тѣ или другіе приходы и консисторіи считаютъ себя въ церкви протестантской. Громадное меньшинство отвѣтило, что къ церкви *протестантской* принадлежитъ всякій, *протестующій противъ какого бы то ни было положительнаго религіознаго ученія* и оказывающійся таковымъ или по собственному его заявленію, или по записи въ метрику, коль скоро она не отмѣнена личнымъ заявленіемъ, и что другихъ условій вступленія въ протестантскую церковь или принадлежности къ ней нельзя и поставить, не извращая самой сути протестантизма, не переставая быть протестантомъ. Изъ этого синодъ — опять-таки въ лицѣ указаннаго нами незначительнаго большинства — вынесъ убѣжденіе, что то, что̀ называлось по-нынѣ протестантскою церковью во Франціи, давно уже перестало быть церковью. Отсюда сознаніе необходимости положительно опредѣлить символъ, т. е. отличительныя черты, протестантской церкви. Этимъ признакомъ принадлежности къ протестантской церкви большинство предлагало принять обязательное исповѣданіе каждымъ членомъ ея истинъ символа апостольскаго. На это меньшинство 48 уполномоченныхъ — большею частію пасторовъ — заявило, что синодъ перестанетъ быть протестантскимъ, объявивъ обязательнымъ для членовъ этой церкви даже исповѣданіе вѣры изъ одного лишь этого члена: „Вѣруемъ въ божество Іисуса Христа“, не говоря уже о символѣ апостольскомъ, при чтеніи котораго и самъ Гизо, вѣроятно, запинается на словахъ: „descendu aux enfers“ [1]). Синодъ, однако же, принялъ, указаннымъ выше большинствомъ, обязательность означеннаго символа для всякаго вѣрующаго, желающаго принадлежать къ Французской протестантской

[1]) Сошедшаго во адъ.

церкви, признанной и оплачиваемой государствомъ. Такъ какъ, созывая синодъ, правительство не сказало ничего о томъ, при какихъ условіяхъ и какія опредѣленія синода оно намѣрено санктифицировать законодательнымъ порядкомъ, то во время вакацій синода какъ меньшинство, такъ и большинство старались склонить правительство на свою сторону. Правительство согласилось, наконецъ, утвердить, въ видѣ закона, рѣшеніе большинства синода. Съ радостію собралось большинство на открывшіяся вновь засѣданія, но собралось только оно одно. Меньшинство прислало лишь заявленіе такого рода: государство могло, конечно, требовать того или другаго опредѣленія себя со стороны религіознаго общества, желающаго стать къ нему въ такія или иныя отношенія; но протестантскій синодъ, выставившій предъ государствомъ признакомъ принадлежности къ протестантской церкви извѣстный символъ и тѣмъ отнявшій возможность пользоваться признаніемъ и оплатою культа со стороны государства у значительнаго числа *истинныхъ* протестантовъ — вѣрующихъ, пасторовъ и даже цѣлыхъ приходовъ, — такой синодъ можетъ дѣлать впредь, что ему угодно, но протестантскимъ называть себя онъ можетъ развѣ въ насмѣшку. Сплоченное подъ ударами оппозиціи, большинство расклеилось, когда оказалось одинокимъ и почувствовало себя просторно. Это лучше всего высказалось при пересмотрѣ регламента о внутренней организаціи церкви — и именно пункта объ условіяхъ принятія въ пасторы. Фракція этого большинства, стоявшая подъ вліяніемъ Гизо и скрѣпя сердце ограничившаяся однимъ апостольскимъ символомъ, какъ обязательнымъ условіемъ для включенія въ число вѣрующихъ, вздумала вознаградить себя теперь, предложивъ отъ кандидатовъ въ пасторы требовать, сверхъ исповѣданія богооткровенныхъ истинъ символа апостольскаго, еще и признанія синодальной формы правленія существенною чертою въ организаціи протестантской церкви. Въ этомъ различіи условій для того, чтобъ быть простымъ вѣрующимъ, и для того, чтобъ стать пасторомъ, въ этомъ требованіи признанія

синодальнаго способа правленія чѣмъ-то существеннымъ тамъ, гдѣ считается законнымъ разногласіе даже на счетъ дѣйствительно существенныхъ вещей,—во всемъ этомъ было такъ мало протестантскаго, что даже среди дружно дѣйствовавшаго доселѣ большинства образовалось новое меньшинство, въ своихъ возраженіяхъ далеко превзошедшее радикальный раціонализмъ прежней оппозиціи. Впрочемъ, новое меньшинство, въ рьяности слова не уступавшее первому, не отличалось той же искренностію. Итакъ, во Франціи на-готовѣ двѣ протестантскія церкви—одна признаваемая и оплачиваемая государствомъ, другая—свободная, желающая стоять къ государству лишь въ отношеніяхъ полицейскихъ. При нынѣшнемъ состояніи Франціи, при отсутствіи въ законодательствѣ прочныхъ гарантій личной свободы и свободы ассоціацій и при произволѣ полиціи, положеніе новаго *истиннаго* протестантизма врядъ ли скоро опредѣлится въ этой странѣ.

Протестантизмъ въ Швейцаріи.

Если положеніе *истиннаго* протестантизма не совсѣмъ благопріятно во Франціи, то не таково оно, какъ мы видѣли, въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Но въ томъ и другомъ мѣстѣ дѣло имѣетъ видъ соисканія вліянія той или иной фракціи протестантства на государственную власть, на правительство, и законодательныя мѣры, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не могутъ служить полнымъ выраженіемъ взглядовъ самого протестантизма. Послѣднее значеніе законодательство о церковныхъ дѣлахъ можетъ имѣть только тамъ, гдѣ правительственная и законодательная власть наравнѣ съ церковью покоится исключительно на народѣ. Ясное дѣло, что въ этомъ случаѣ получается нѣкоторое смѣшеніе компетенцій церковности и гражданственности, и мы здѣсь не намѣрены пока еще произносить свое мнѣніе о правильности или неправильности такого смѣшенія компетенцій,

а имѣемъ лишь въ виду показать условія, при коихъ протестантизмъ, вѣрный по возможности своимъ принципамъ, долженъ признать и признаетъ это смѣшеніе. Мы видѣли, что суть протестантизма есть отсутствіе равновѣсія между началами личной свободы и общественнаго авторитета. Этимъ онъ сталъ въ противорѣчіе съ самымъ духомъ христіанства, который есть не иное что какъ духъ свободнаго общенія въ вѣрѣ и любви, *духъ общественности по преимуществу*. Правда, протестантизмъ оказался не въ силахъ совершенно отрѣшиться отъ этого духа, потому что это противно природѣ человѣка вообще, а тѣмъ болѣе человѣка-христіанина, такъ какъ дѣло нашего спасенія, т. е. суть нашей жизни, ничуть не есть уничтоженіе или отрицаніе нашего человѣческаго существа, а его примиреніе и общеніе съ божествомъ; но за то онъ равнодушенъ къ правильной организаціи церковной общественности и тѣмъ только парализируетъ ея проявленіе. Вслѣдствіе этого, всѣ учрежденія протестантизма, имѣющія характеръ церковности, каковы: институтъ пасторовъ, консисторія, синодъ и т. п., должны представляться противорѣчіемъ самому его принципу. Если же и протестантизмъ организовался въ церковь, если и въ немъ есть церковныя учрежденія, то это ничуть не изъ послѣдовательности религіознымъ принципамъ, а по другимъ, совершенно стороннимъ для религіи, побужденіямъ. Церковно-общественная жизнь и ея организація нужны не для протестантовъ-христіанъ, а для протестантовъ-гражданъ. Послѣ такого исключенія всего чисто-религіознаго изъ сферы церковной жизни, нѣтъ ничего естественнѣе какъ поставить ее на ряду съ прочими сферами общей гражданской жизни: земскою, муниципальною и т. п. и соподчинить ея организацію, наравнѣ съ организаціею сихъ послѣднихъ, правительственно-законодательной власти государства. Но скажутъ: такой порядокъ есть отрицаніе церковной особности? Да; и поэтому онъ есть послѣднее слово протестантскаго развитія. Протестантизмъ, принимая этотъ порядокъ, лишь примѣняетъ къ практикѣ основную свою мысль о томъ, что въ дѣлѣ спасенія для

него существуетъ только личность, но нѣтъ ничего коллективнаго—нѣтъ церкви. Гдѣ указанный порядокъ формулированъ, тамъ, значитъ, протестантизмъ созналъ себя тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. отрицаніемъ церкви. Такъ понимаетъ себя протестантизмъ въ Швейцаріи. По отношенію ко всякой другой церкви и даже по отношенію къ самому протестантизму во всякой другой странѣ такой порядокъ сейчасъ же сказался бы подъ своимъ собственнымъ именемъ — поглощенія церкви государствомъ. Въ Швейцаріи же, при народности и государства, и протестантизма, онъ является подъ нестрашнымъ именемъ соподчиненія всѣхъ сферъ гражданской жизни. Организація же, обусловливаемая этимъ порядкомъ, носитъ названіе „національной протестантской церкви“. При различіи народной жизни въ разныхъ кантонахъ и самое это соподчиненіе, при всей тождественности начала, неодинаково въ своихъ проявленіяхъ. Поэтому насъ не должно удивлять существованіе церквей: nationale protestante de Vaud, nationale protestante de Berne, de Neuchâtel, de Genève и пр. Разница въ положеніи и устройствѣ этихъ національныхъ церквей зависитъ, между прочимъ, отъ пониманія этого соподчиненія самимъ народомъ, а пониманіе—отъ той степени послѣдовательности принципамъ протестантизма, которая свойственна большинству народа въ томъ или другомъ кантонѣ.

Первымъ формулировало церковную жизнь національной церкви, какъ сферу общей народной жизни на ряду съ прочими сферами: земскою, муниципальною и т. п. и рѣшило соподчинить ее вмѣстѣ съ ними сферѣ государственно-законодательной,—первымъ, говоримъ, сдѣлало это большинство народа въ кантонѣ Во (Vaud, Waatland) еще въ 1846 году. Съ того же времени меньшинство протестантскаго населенія въ этомъ кантонѣ, не возвысившееся еще, какъ сказалъ бы истый протестантъ, до послѣдовательности протестантизма, состоящей въ отрицаніи особой церковной организаціи и власти, составляетъ то, что здѣсь называютъ église protestante libre. Эта свободная церковь состоитъ изъ до-

бровольно навербовавшихся лицъ, отрицающихъ всякое, кромѣ полицейскаго, вмѣшательство государства въ дѣла церкви и оплачивающихъ содержаніе пасторамъ и расходы по культу доброхотными взносами. Существуетъ же она въ силу фундаментальнаго принципа всѣхъ швейцарскихъ конституцій—союзной и кантональныхъ,—принципа свободы личности и ассоціаціи. Къ прискорбію, свободная протестантская церковь кантона Во пустила свои корни лишь въ карманахъ богатыхъ людей, называемыхъ тамъ аристократами, а потому и сама слыветъ аристократической. Въ 1873 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, ей родилась сестра — église protestante libre de Neuchâtel. Большинство нейшательскаго народа (peuple neuchatelois, genévois, vaudois, bernois — такъ принято въ Швейцаріи называть населенія отдѣльныхъ кантоновъ) уполномочило своихъ представителей перестроить église protestante nationale neuchateloise въ департаментъ государственнаго совѣта этого кантона. Меньшинство и тутъ сформировалось въ église protestante libre, по примѣру свободной протестантской церкви въ кантонѣ Во.

Въ недавнее время правительственные и законодательные представители женевскаго народа (въ Женевѣ непосредственно народомъ выбираются и члены правительства, и члены законодательной палаты, причемъ ежегодные выборы однихъ производятся весною, а другихъ осенью) сошлись въ той мысли, что большинство женевскаго народа считаетъ свою нынѣшнюю организацію въ церковь не вполнѣ послѣдовательною и согласною съ великими принципами протестантизма и съ началами національности, чтобъ ее можно было основательно называть—protestante nationale. Таково уже было mot d'ordre при выборахъ правительственныхъ и законодательныхъ представителей еще въ 1871 — 72 году (législature, какъ говорятъ здѣсь), но другія, болѣе спѣшныя, дѣла помѣшали сдѣлать тогда же эту мысль предметомъ законодательнаго разсмотрѣнія и формулированія. Меньшинство и воспользовалось этимъ временемъ для пропаганды въ свою пользу. Такъ какъ са-

мая консисторія, составъ коей обусловливается тѣмъ же большинствомъ, которое посылаетъ правительственныхъ и законодательныхъ представителей, вполнѣ раздѣляла взглядъ государственной власти на сущность и организацію протестантской церкви, то меньшинство должно было сформироваться неоффиціально. Центромъ этой лиги, — впрочемъ, болѣе нравственнымъ, — явился бывшій пасторъ и профессоръ Эр. Навиль. Чтобы имѣть право говорить съ большинствомъ протестантовъ Женевы, искренно считающихъ себя наивозможно послѣдовательными, Эр. Навиль и сочувствующіе ему люди должны были или перещеголять своихъ противниковъ большею послѣдовательностію протестантскихъ принциповъ, или же выйдти изъ протестантизма. Иначе споръ былъ невозможенъ: ибо для большинства и пасторовъ, и вѣрующихъ предполагаемый законъ въ сущности не измѣнялъ ничего въ дѣлѣ религіи. Онъ имѣлъ въ виду только формулировать de jure то, что́ уже существовало de facto. Женевская національная церковь de facto перестала имѣть общую мѣру: ибо вѣрующіе не принимаютъ какого-либо символа, нѣкоторые пасторы (Куньяръ, Cougnard) прямо таки проповѣдуютъ съ каѳедръ противъ божества Іисуса Христа, и даже сама консисторія принятіе какого-либо символа для всей церкви объявила несогласнымъ съ принципами протестантизма. Женевская національная церковь въ самой библіи отвыкла видѣть для себя что-то общепринятое: ибо, во-первыхъ, самый канонъ ея, установленный вселенскими соборами, не можетъ быть безспорно принимаемъ уже потому только, чтобъ не показать видъ, будто протестантизмъ признаетъ противорѣчащіе ему принципы священнаго преданія и церковнаго авторитета; во-вторыхъ, самый текстъ ея понимается весьма и весьма различно, а обязательное толкованіе было бы, конечно, равносильно исповѣданію вѣры и еще менѣе, чѣмъ оно, примиримо съ протестантскимъ принципомъ свободы изслѣдованія. Національная церковь Женевскаго кантона никогда не признавала за организаціею своей неизмѣннаго, божественнаго характера, а въ своихъ

пасторахъ никогда не видѣла особыхъ людей и на consécration au saint ministère (въ Женевѣ посвященіемъ въ пасторы называлось торжественное объявленіе тому, кого это касалось, о включеніи его въ списки такъ называемой compagnie des pasteurs) всегда смотрѣла какъ на вещь, которая можетъ быть и не быть. Противъ такихъ доводовъ что могли сказать Эр. Навиль и его поклонники, оставаясь протестантами? Какую путаницу произвело въ ихъ головахъ одно лишь предположеніе о пересмотрѣ конституціоннаго положенія о національной церкви, видно, между прочимъ, изъ письма одного пастора, напечатаннаго въ „Journal de Genève“ за подписью автора. Послѣ непристойныхъ глумленій на счетъ смысла, который придаетъ рукоположенію церковь Католическая, въ остальномъ авторъ доказывалъ, однако, что вышеуказанная consécration au saint ministère дѣлаетъ посвящаемаго особымъ человѣкомъ, коимъ онъ остается до тѣхъ поръ, пока самъ находитъ нужнымъ, или пока будетъ лишенъ своего званія посвятившею его властію. Вотъ почему вся агитація, поднятая подобнымъ меньшинствомъ, не привела ни къ чему. При послѣдовавшей весною и осенью 1873 года перемѣнѣ личнаго состава правительственнаго и законодательнаго представительства, женевскій народъ выбралъ снова тотъ же личный составъ и государственнаго совѣта, и законодательной палаты. Съ этихъ поръ вопросъ объ измѣненіи конституціонныхъ статей о Женевской національной церкви былъ уже рѣшенъ.

13 (25) марта 1874 года, послѣ третьяго чтенія, принятъ палатами новый законъ, измѣняющій конституціонныя статьи о положеніи національной протестантской церкви въ Женевскомъ кантонѣ. Какъ законъ конституціонный, онъ, правда, подлежалъ еще народному голосованію; но въ виду того, что тогдашнее большинство законодательныхъ и правительственныхъ представителей, при всей извѣстности его программы еще до выборовъ, послано было на свои мѣста большинствомъ двухъ третей всѣхъ вписанныхъ на листы избирателей, и въ виду

безтактной непослѣдовательности меньшинства, результатъ народнаго голосованія ни на минуту не подлежалъ сомнѣнію.

Вотъ его суть. Если измѣненіе конституціонныхъ статей о положеніи Католической церкви въ кантонѣ имѣло въ виду: гарантировавъ свободу религіозной ассоціаціи, обезпечить свободу гражданъ и государственный авторитетъ отъ посягательствъ ассоціаціи, то новый законъ, въ силу самыхъ принциповъ протестантизма, распоряжается Женевскою національною церковью не какъ особою ассоціаціею, а какъ однимъ изъ институтовъ общей гражданской жизни — въ родѣ учрежденій земскихъ, муниципальныхъ и т. п. Дѣло, такимъ образомъ, шло объ опредѣленіи существа, предѣла компетентности и способа дѣятельности новаго фактора общей гражданской жизни въ соотношеніи съ прочими факторами той же жизни. Но, при полной автономіи подобныхъ учрежденій въ Швейцаріи, самое превращеніе ассоціаціи въ такое учрежденіе не представляется ужаснымъ. Вотъ почему новый законъ о протестантской церкви, *какъ факторъ обще-гражданской жизни*, въ цѣломъ напоминаетъ законъ о Католической церкви, *какъ особой религіозной ассоціаціи*, ищущей стать въ тѣ или другія отношенія къ государству. Такой характеръ имѣютъ распоряженія, касающіяся выборовъ пасторовъ приходами, а членовъ консисторіи—народомъ и пасторами. Но рядомъ съ этими распоряженіями въ законѣ о Женевской протестантской національной церкви есть распоряженія, коихъ нѣтъ и не могло бы быть въ законѣ о Католической церкви, и коихъ цѣль — показать, что такъ какъ, согласно принципамъ протестантизма, та или другая организація его въ церковь есть дѣло посторонее религіи, то національная протестантская церковь въ Женевѣ и организуется *граждански*, внѣ всякихъ религіозныхъ соображеній, Такъ, въ законѣ о Католической церкви поставлены лишь условія, при коихъ государство считаетъ себя обязаннымъ оплачивать ея культъ, но нигдѣ не сказано, какъ государство думаетъ понимать слово „католицизмъ“; въ законѣ же о національ-

ной протестантской церкви не ограничились словами: „Національная протестантская церковь Женевскаго кантона состоитъ изъ швейцарцевъ-протестантовъ, живущихъ въ кантонѣ“, а прибавили еще: „и принимающихъ органическія формы этой церкви въ томъ видѣ, какъ онѣ установляются ниже (telles qu'elles sont établies ci-après)“. Объ избираемости въ приходскіе священники въ законѣ о Католической церкви сказано просто: „Могутъ быть только избираемы священники, рукоположенные въ католическихъ церквахъ“, безъ дальнѣйшихъ какихъ-либо указаній; объ избираемости же въ пасторы говорится: „Избираемы быть могутъ на пасторскую должность (aux fonctions pastorales) лица, имѣющія не менѣе 25 лѣтъ и получившіе степень отъ факультета протестантской теологіи при Женевскомъ университетѣ или представившія дипломы, признанные достаточными этимъ университетомъ“. О характерѣ служенія и проповѣди католическихъ священниковъ въ законѣ ничего не сказано, а въ законѣ о протестантской церкви говорится прямо: „Каждый пасторъ учитъ и проповѣдуетъ свободно подъ своей собственной отвѣтственностію, и эта свобода не можетъ быть ограничена (et cette liberté ne peut être restreinte) ни исповѣданіями вѣры, ни литургическими формулярами (formulaires liturgiques—обязательныя формы и молитвы богослуженія)“. При этомъ пасторъ есть только церковный чиновникъ, въ родѣ чиновниковъ земскихъ и муниципальныхъ, и пользуется этимъ званіемъ, лишь пока состоитъ на службѣ, исполняя свою должность.

Что до подобнаго закона можно было дойти только при томъ пониманіи принциповъ протестантизма, какое было указано выше,—это яснѣе всего видно изъ преній объ этомъ законѣ въ законодательной палатѣ Женевскаго кантона. Меньшинство попыталось было удержать за пасторами сацердотальный характеръ, внесши двѣ поправки: первую къ статьѣ о положеніи существовавшаго въ одной лишь Женевской церкви учрежденія compagnie des pasteurs (институтъ съ организаціею нашихъ дворянскихъ учрежденій въ примѣненіи къ пасто-

рамъ, или просто—пасторская корпорація), вторую—къ статьѣ объ условіяхъ избираемости въ пасторы. До сихъ поръ только лица, принятыя этою compagnie des pasteurs въ ея среду, имѣли право исполнять въ Женевѣ пасторскія обязанности и быть допускаемы къ занятію приходовъ по выбору народа и подъ вѣдѣніемъ консисторіи. Эта же compagnie исключеніемъ кого-либо изъ своей среды лишала его всѣхъ означенныхъ преимуществъ. Это-то и называлось правомъ указанной compagnie des pasteurs посвящать и разстригать пасторовъ (le droit de la consécration et de la déconsécration). Къ этому нужно еще прибавить право ея подавать мнѣнія при назначеніи профессоровъ богословскаго факультета въ Женевскомъ университетѣ. Новый законъ не отмѣняетъ формально существованія compagnie des pasteurs, но за то, de facto, она получитъ при примѣненіи закона совсѣмъ другой характеръ. Это будетъ просто общее собраніе людей, выбранныхъ въ пасторы народомъ и пользующихся этимъ званіемъ только до тѣхъ поръ, пока состоятъ на должности. Упоминовеніе о compagnie des pasteurs въ новомъ законѣ, безъ обозначенія ея правъ и аттрибутовъ, является въ сущности не инымъ чѣмъ, какъ конституціоннымъ—излишнимъ, впрочемъ, въ Женевѣ—разрѣшеніемъ состоящимъ на службѣ пасторамъ собираться вмѣстѣ для разговоровъ. Вотъ первая-то поправка и требовала оставленія за compagnie des pasteurs права посвященія и разстриженія и права подавать мнѣніе при замѣщеніи богословскихъ каѳедръ. Вторая же поправка состояла въ прибавленіи къ условіямъ избираемости въ пасторы слѣдующаго: „и посвященные (consacrés) въ compagnie des pasteurs“. Очевидно, что судьба второй поправки зависѣла отъ участи первой. Между тѣмъ, вотъ пренія о первой поправкѣ.

Г. *Мишели* (Micheli), авторъ поправки, развивая ее, полагаетъ необходимымъ, именно съ національной точки зрѣнія, удержать за церковью *церковный* характеръ (до чего дошло! Церковный характеръ церкви сталъ вопросомъ!), а это возможно только при удержаніи означенныхъ правъ за compagnie des pasteurs.

Г. *Картерé* (Carteret), глава правительственныхъ представителей. Если эта поправка пройдетъ въ законъ, то это будетъ ни болѣе, ни менѣе какъ ниспроверженіе всего того, что́ уже сдѣлано. Женевскіе протестанты не желаютъ болѣе священническаго сословія (de corps sacerdotal). Они хотятъ разорвать совершенно связь съ этой идеей, чтобы стать въ соотвѣтствіе съ идеею церкви протестантской (en harmonie avec l'idée de l'église protestante). Пусть намъ скажутъ, что значитъ посвященіе (consécration), тогда мы посмотримъ. Это просто предразсудокъ—вѣрить, будто пасторъ можетъ дѣлать то, чего не въ состояніи дѣлать прочіе смертные. Это—старый предразсудокъ, котораго не допускаютъ ни протестанты-консерваторы (orthodoxes), ни протестанты-либералы. Это—ветошь (une vieilliere), отъ коей осталось только слово. Мы думаемъ, что пасторы должны знать свое дѣло, и въ этомъ намъ гарантія—университетъ. Что же касается нравственности, то объ ней судить—приходу. Протестантизмъ уже покончилъ съ разрядомъ людей съ особымъ ярлыкомъ (avec une estampille particulière).

Г. *Питтé* (Pictet), докладчикъ коммиссіи. Законъ требуетъ отъ пасторовъ знанія (instruction), и это касается университета; онъ заботится о ихъ нравственности, и передаетъ судъ о ней избирателямъ прихода. Что же касается посвященія, то, оставляя въ сторонѣ не существующій для протестанта вопросъ объ апостольскомъ преемствѣ, сообщаемомъ возложеніемъ рукъ, мы не можемъ признать основательною даже ту болѣе простую и находящуюся у насъ въ ходу мысль, будто пасторъ долженъ быть носителемъ (dépositaire) извѣстной доктрины, свойственной только Женевской церкви. Но зачѣмъ давать даже видъ обязательства тому, что́ никогда никого ни къ чему не обязывало: ибо даже тѣ, кто принималъ его, считали себя въ правѣ слѣдовать лишь совѣтамъ своей совѣсти. Не страдали ли отъ этого совѣсть частная и нравственность общественная? Пусть намъ укажутъ на существованіе у насъ единой вѣры (croyance unique), которая могла бы служить основаніемъ для

обязательствъ! Нужно говорить о вещахъ, какъ онѣ есть. Факты—очевидные, бросающіеся прямо въ глаза говорятъ намъ: единой вѣры нѣтъ и не будетъ болѣе. Поэтому необходимо, чтобъ различныя вѣрованія имѣли право высказываться. Есть что-то *нечеловѣческое* (inhumain) въ consécration, какъ то показываетъ и самое слово. Дѣйствительное посвященіе дается избирателями. Далѣе, о назначеніи профессоровъ богословскаго факультета: если бы они обязаны были преподавать вѣру церкви, то церкви принадлежало бы и право назначать ихъ; но если нѣтъ общей вѣры, то и преподаваніе должно остаться чисто-научнымъ, и пасторамъ тутъ нечего дѣлать.

Г. *Рожé* (Roget), депутатъ. Г. Питé слишкомъ ужъ напираетъ на отсутствіе общей вѣры. Полагаю, что есть общая вѣра съ большими разногласіями (avec de grandes divergences). Извѣстный минимумъ вѣрованій признается всѣми—и ортодоксами, и либералами. Безъ этого весь нынѣшній законъ былъ бы чистой фантазіей.

Г. *Шевеньеръ* (Chenevière), депутатъ. Нельзя сказать, будто протестанты не имѣютъ ни одного общаго принципа. Правда, у нихъ нѣтъ исповѣданій вѣры; но они признаютъ библію за общее основаніе. Правда опять, они никому не даютъ права объяснять ее за нихъ, и отсюда большія разногласія; но все таки нельзя отрицать, что это общій базисъ всѣхъ протестантскихъ церквей въ мірѣ. Если Женева откажется отъ этого принципа, это будетъ единственное исключеніе. Если уничтожить эту связь, не будетъ больше церкви.

Г. *Весселъ* (Wessel), депутатъ. Я всегда считалъ настоящій законъ вещью несвоевременною и неумѣстною (inopportune). Въ смыслѣ прогресса было бы достаточно установить на новыхъ началахъ назначеніе пасторовъ посредствомъ выборовъ. До сихъ поръ мы не знали, куда все это ведетъ. Теперь только члены коммиссіи показываютъ суть проекта: уничтоженіе національной церкви. Но когда хотятъ уничтожить церковь, то ея не преобразовываютъ, а просто убиваютъ. Г. Питé слѣдовало бы редижировать весь проектъ въ одной и един-

ственной статьѣ: „L'église nationale protestante de Genève est abolie“ [1]). Я не обсуждаю факта, а только констатирую его съ моей точки зрѣнія. Если нѣтъ общей вѣры, то нѣтъ и церкви. Хотите вы, чтобъ ея не было больше,—такъ и скажите прямо.

Г. *Саразэнъ* (Sarasin). Я не понимаю также церкви безъ общей вѣры. Поочередно дѣло преувеличивали то въ одну сторону, то въ другую. Нынѣ до того дѣйствуютъ въ смыслѣ индивидуализма, что самая идея о церкви теряется и пропадаетъ. Сила вещей, однако, требуетъ своего рода *cote mal taillée*,—компромисса, сдѣлки. Если хотятъ еще поддержать *шатающееся* зданіе, нужно какъ можно меньше дотрогиваться до него.

Г. *Пите*, отвѣчая г. Роже, объявилъ невозможнымъ формулировать для протестантизма какой бы то ни было минимумъ общаго вѣрованія. Г-ну же Весселю онъ сказалъ, что нисколько не работаетъ въ пользу разрушенія церкви. Церковь всегда будетъ имѣть свою роль. Это будетъ свободная школа свободныхъ убѣжденій, въ коей различныя вѣрованія, встрѣчаясь вмѣстѣ, дадутъ возможность гражданамъ составить себѣ свое независимое личное вѣрованіе.

Г. *Картерэ*, отрицая у г. Весселя право доискиваться до чьихъ бы то ни было тайныхъ намѣреній, заявилъ, что всѣ, кто подастъ голосъ въ пользу новаго закона, сдѣлаютъ это безъ намѣренія уничтожить національную церковь; напротивъ. Если тѣ, кто хотѣлъ отдѣленія церкви и государства, отказались отъ своей мысли и пристали къ проекту, то это потому, что на практикѣ отдѣленіе оказалось бы еще невозможнымъ. Что же касается до утвержденія г-на Шеневьеръ, будто библія составляетъ центръ протестантскаго единства, то неужели онъ самъ не знаетъ, что она-то и есть пунктъ наиболѣе раздѣляющій? Не согласны ни на счетъ вдохновенія, ни на счетъ канона, ни относительно подлинности книгъ, ни касательно цѣлости текста. Нѣтъ, церковь покоится не на библіи, а скорѣе на религіозномъ

[1]) Женевская національная протестантская церковь уничтожается.

чувствѣ составляющихъ ее людей. Теологія есть дѣло университетовъ, а не религіи. Итакъ, оставимъ науку ученымъ. Изъ-за этого мы не будемъ позади протестантовъ Германіи.

Послѣ принятія законодательною палатою, новому конституціонному закону о положеніи національной протестантской церкви въ Женевскомъ кантонѣ, какъ мы уже сказали выше, предстояло еще подвергнуться народному голосованію; но, зная положеніе протестантизма въ Женевѣ, трудно было сомнѣваться въ его успѣхѣ. Мы, кажется, доказали, что протестантизмъ, по своимъ принципамъ, не признаетъ никакой коллективности въ дѣлѣ религіи, а тѣмъ менѣе можетъ онъ допустить особность этой коллективности, выражающуюся автономіей церковной организаціи. Такое понятіе о протестантизмѣ есть наипослѣдовательнѣйшее выраженіе его принциповъ. Поэтому-то протестантовъ, смотрящихъ такъ на дѣло, мы и назвали *истинными* протестантами, и эти-то истинные протестанты составляютъ, какъ мы видѣли, большинство и въ женевской консисторіи, и въ женевскихъ палатахъ, и въ женевскомъ народѣ. Уважая автономію всего того, что, по своимъ принципамъ, можетъ имѣть ее и потому въ правѣ особность своей внутренней организаціи считать непремѣннымъ условіемъ своего существованія, большинство женевскихъ протестантовъ не можетъ признать этого права на автономію за своею собственною церковью, какъ за совокупностью людей, религіозныя воззрѣнія которыхъ, во всей ихъ послѣдовательности, не допускаютъ *никакой*, не только что автономной, организаціи въ дѣлахъ религіи. Поэтому меньшинство могло бороться противъ новаго закона не иначе, какъ отказавшись отъ основныхъ принциповъ протестантизма. Только оставивши протестантизмъ, могло оно претендовать на особность своей внутренней организаціи, какъ отдѣльной религіозной ассоціаціи, и въ такомъ случаѣ ни законодательство, ни обычаи страны не помѣшали бы ему организоваться въ отдѣльное независимое религіозное общество—въ то, что здѣсь принято называть *église libre* или *indépendante*. Но, проповѣдуя о величіи и спасительно-

сти началъ протестантизма, говорить о законности особой его организаціи въ церковь, — это значитъ противорѣчить себѣ. Это-то противорѣчіе и высказывается во всемъ, что сдѣлало меньшинство съ цѣлію уронить новый законъ въ глазахъ народа, отъ коего зависѣла его окончательная судьба.

Новый женевскій законъ, какъ мы видѣли, есть не иное что, какъ выраженіе протестантскаго самознанія на счетъ того, что протестантизмъ—не церковь, да и не можетъ и не долженъ быть ею. Меньшинство и думало запугать народъ, назвавъ этотъ законъ его собственнымъ именемъ—закономъ не о положеніи, а *объ уничтоженіи* протестантской церкви въ Женевѣ. За десять дней до голосованія закона, либеральная женевская консисторія, одобрявшая законъ и увѣренная въ его успѣхѣ, посвятила ему два публичныя засѣданія собственно для того, чтобъ ея меньшинство могло высказаться. Вотъ сводъ того, что было сказано въ означенныхъ засѣданіяхъ ораторами меньшинства, духовными и свѣтскими членами консисторіи.

По ихъ словамъ, текстъ конституціоннаго закона о протестантскомъ культѣ въ его окончательной редакціи подтверждаетъ только мнѣніе, что такъ какъ учрежденіе, создаваемое новымъ закономъ, не покоится ни на общности вѣрованій, ни на какомъ либо религіозномъ принципѣ, то оно никоимъ образомъ не заслуживаетъ названія церкви, коимъ его обозначаютъ. Это отсутствіе существеннаго характера церкви выступаетъ особенно ясно именно въ двухъ параграфахъ новаго закона, *соотвѣтственныхъ коимъ нѣтъ въ законѣ о католическомъ культѣ*—законѣ, который будто бы и былъ взятъ *за образецъ* въ настоящемъ случаѣ. Это прежде всего параграфъ, въ силу котораго свобода культа и проповѣди не можетъ быть ограничена ни исповѣданіями вѣры, ни литургическими формулярами. Этою статьею не только вполнѣ освящается разность и даже противоположность ученій въ средѣ одной и той же церкви; но она обращаетъ въ ничто и тѣ послѣдніе признаки коллективной организаціи, которые, казалось, оставлены въ силѣ по

другимъ параграфамъ проекта. Такъ, напр., одна изъ статей говоритъ, что консисторія вѣдаетъ все, относящееся до культа и проповѣди. Но коль скоро вѣрованія, для коихъ культъ служитъ только выраженіемъ, и кои составляютъ предметъ проповѣди, не подлежатъ обсужденію, самая регламентація консисторіи можетъ быть обращена только на внѣшнее, и то не всегда. Если нѣтъ правилъ для проповѣди и наставленія, то къ чему говорить, что консисторія наблюдаетъ за этимъ? Вѣдь это будетъ значить просто, что она назначаетъ дни и часы для пасторскихъ занятій; а относительно сущности дѣла она ни при чемъ. Возьмемъ, напр., таинства и наставленіе оглашенныхъ (У протестантовъ этимъ именемъ называются готовящіеся къ первому причащенію, замѣняющему у нихъ конфирмацію). Можно ли будетъ при крещеніи отъ родителей или воспріемниковъ, а при оглашеніи отъ самихъ вѣрующихъ требовать какихъ-либо обязательствъ догматическаго и нравственнаго характера, если пастору позволительно вѣровать и проповѣдывать, какъ ему угодно. Стало быть, нѣтъ никакой гарантіи противъ того, что пасторъ, совѣсть котораго законъ не желаетъ связывать, будетъ проповѣдывать, что онъ захочетъ. Онъ будетъ давать конференціи и читать церковную исторію; очень хорошо! но что же будетъ съ членами церкви? Мы видѣли, что для нихъ потеряетъ всякое значеніе самое крещеніе [1]), и что, вмѣсто требованія обязательствъ отъ родителей и воспріемниковъ, придется ограничиваться прочтеніемъ имъ выписки изъ метрики о рожденіи ребенка, напоминаніемъ обязанностей, кои налагаетъ на нихъ по отно-

[1]) Наша церковь принимаетъ протестантовъ въ свое лоно вторымъ чиномъ, т. е. чрезъ муропомазаніе. Это потому, что она признаетъ таинствомъ даже крещеніе, совершенное бабкою, лишь бы оно было совершено троекратнымъ погруженіемъ—во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Изъ настоящей замѣтки видно, что въ числѣ протестантовъ могутъ попадаться люди совершенно некрещенные. Кромѣ того, рождается вопросъ, можетъ ли церковь давать протестантскому крещенію то же значеніе, какое она придаетъ крещенію, правильно совершенному бабкою? Пишущему эти строки пришлось присутствовать при крещеніи, которое совершалъ одинъ изъ ортодоксальнѣйшихъ пасторовъ. При этомъ пастору всплеснули въ пригоршню нѣсколько капель воды. Изъ нихъ, когда онъ всего одинъ разъ стряхнулъ руки надъ головою младенца, произнеся сразу: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,—на ребенка попала *лишь одна* капля.

шенію къ дѣтямъ гражданскій законъ, нѣсколькими словами о чести и т. п. Что же касается до оглашенныхъ, то, при новомъ порядкѣ, какое право имѣетъ пасторъ дѣлать имъ вопросы, да и къ чему доброму? Ну, а если оглашенный откажется взять на себя какія бы то ни было обязательства относительно религіи, неужели и онъ будетъ считаться членомъ церкви? Да вѣдь это значитъ отрицаніе церкви. Мало того, отмѣняютъ посвященіе (Мы уже сказали, что́ значитъ это посвященіе) и отнимаютъ у церкви право догматическихъ опредѣленій (Да самъ протестантизмъ есть отрицаніе этого права). Правда, собственно есть только одинъ священникъ — Іисусъ Христосъ; но въ церкви есть и священство, есть чиновники (fonctionnaires). Священникъ значитъ: „служитель“, и, въ этомъ смыслѣ, всякій христіанинъ есть священникъ; но здѣсь дѣло идетъ объ исполненіи особенныхъ обязанностей, ввѣренныхъ людямъ, кои *посвящаютъ* себя имъ всецѣло. Что же касается до права церкви на догматическія опредѣленія, то оно вытекаетъ изъ того положенія, что всякая церковь предполагаетъ общую вѣру (Мы видѣли, что протестантизмъ ни въ теоріи, ни на практикѣ не оправдываетъ этого предположенія по отношенію къ себѣ), а церковь христіанская имѣетъ въ общемъ основаніи, конечно, христіанскую идею. Слово „христіанинъ“ происходитъ отъ „Христосъ“. Въ основѣ христіанства есть факты—напр., фактъ воскресенія Христа. На этомъ-то фактѣ и основана церковь; она основана на воскресшемъ Христѣ. Если бы Христосъ не воскресъ изъ мертвыхъ, насъ не было бы здѣсь, въ консисторіи, не было бы и самой консисторіи?!. У протестантизма есть также извѣстныя формы, извѣстные принципы. Такъ, напр., это—историческій фактъ, что протестантизмъ покоится на вѣрѣ въ библію (sur la foi aux Saintes-Ecritures). Въ библіи же повсюду находится элементъ сверхъ-естественный. Отвергать вѣру въ библію и въ ея сверхъ-естественное значитъ уничтожать церковь. Между тѣмъ новый законъ предоставляетъ всякому полную свободу дѣлать это,— и это еще не бѣда; но онъ также предоставляетъ по-

добнымъ людямъ всѣ права въ церкви наравнѣ съ вѣрующими. По новому закону, ихъ даже нельзя будетъ согнать съ церковной каѳедры (А какъ же это случилось, что еще раньше закона — именно три года тому назадъ—былъ посвященъ въ пасторы засѣдавшій тутъ же членъ консисторіи г. Куньяръ, завѣдомо всѣмъ не признававшій и не признающій по-нынѣ ни символовъ, ни отдѣльныхъ догматовъ, ни божества Іисуса Христа, и какъ далѣе объяснить то, что тѣ же самые ораторы нашли возможнымъ хвастаться этимъ, какъ доказательствомъ широты ихъ протестантскихъ воззрѣній?). Мы видѣли, до чего можетъ дойти разнузданность культа, проповѣди и частныхъ религіозныхъ мнѣній въ силу новаго закона. Укажемъ здѣсь еще то обстоятельство, что онъ не только допускаетъ эту разнузданность, но и поощряетъ ее: ибо впредь пасторомъ можетъ стать всякій, кого только изберетъ приходъ (Почтенные ораторы меньшинства—и какъ швейцарцы, и даже какъ протестанты—врядъ ли могутъ оправдать, особенно въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, высказываемое ими здѣсь недовѣріе къ избирательному началу, и это тѣмъ болѣе, что они нарочно умалчиваютъ о томъ, что тотъ же законъ предоставляетъ приходу, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, и устранить пастора. Для дѣйствительной церкви такихъ условій и гарантій недостаточно, но протестанту тутъ нельзя ничего сказать противъ). Законъ о католическомъ культѣ требуетъ отъ кандидата на выборахъ приходскаго священника, чтобы онъ былъ рукоположенъ въ это званіе по уставамъ своей церкви. Для кандидата же на выборахъ въ пасторы достаточно имѣть академическую степень и представить о томъ дипломъ,—условія, не дающія прихожанамъ серьезныхъ гарантій на счетъ способа, коимъ онъ исполнитъ свои обязанности. Намъ, безъ сомнѣнія, возразятъ, что законъ долженъ былъ во имя свободы констатировать крайнюю разность (extrême diversité) религіозныхъ мнѣній, дѣйствительно *царствующую* у женевскихъ протестантовъ, и что, такъ какъ единство во всей церкви невозможно, нужно было дать ему возможность сфор-

мироваться по приходамъ. Такова и была первоначальная идея проекта. Но для этого нужно было бы и самую Женеву разбить на множество небольшихъ приходовъ. При такомъ порядкѣ было бы удобнѣе людямъ одинаковыхъ убѣжденій сгруппироваться вмѣстѣ. Этимъ путемъ уменьшилась бы возможность значительнаго меньшинства и неизбѣжность для него страдательнаго положенія. Между тѣмъ, по новому закону, городъ Женева, гдѣ больше, чѣмъ въ деревенскихъ приходахъ, замѣтна разность религіозныхъ мнѣній, составляетъ *лишь одинъ* приходъ, выбирающій сообща своихъ пасторовъ. Отсюда возможность незначительнаго *торжествующаго* большинства и громаднаго *побѣжденнаго* меньшинства. Можетъ, напримѣръ, случиться, что листъ кандидатовъ одной партіи получитъ 3,500, а листъ другой—3,499 голосовъ. Примѣра смѣшанныхъ листовъ не видано. Сверхъ того, если бы даже избѣжали и этого неудобства, законъ въ настоящемъ видѣ все таки не отвѣчалъ бы своей первоначальной идеѣ—*дать возможность единству вѣрованій организоваться въ маленькія единицы по приходамъ.* Для этого потребовалось бы еще организація дѣйствительныхъ приходовъ, съ правомъ общихъ собраній для рѣшенія дѣлъ и для назначенія приходскихъ совѣтовъ, что́ и дано католикамъ и въ чемъ отказываютъ нынѣ протестантамъ, хотя послѣднимъ это, можетъ быть, гораздо нужнѣе, чѣмъ первымъ (Что же изъ всего этого выходитъ? А то, что если бы уважены были—вполнѣ, впрочемъ, основательныя—соображенія ораторовъ касательно дѣленія и организаціи приходовъ, то они совершенно помирились бы съ новымъ закономъ. Спрашивается только, послѣдовательно ли—*въ отмѣнѣ обязательныхъ исповѣданій вѣры и формъ культа видѣть уничтоженіе церкви* и, въ то же время, *возможность проявленія этого разнообразія посредствомъ отдѣльныхъ приходовъ—считать идеаломъ церковной организаціи?*). Итакъ, оффиціальное учрежденіе, которому даютъ имя церкви, нисколько не будетъ ею (но за то и собраніе приходовъ, изъ коихъ въ каждомъ вѣруютъ и даже не вѣруютъ по своему, также трудно назвать церковью,

какъ и собраніе отдѣльныхъ личностей, изъ коихъ каждая исповѣдуетъ свою собственную вѣру или свое собственное невѣріе. Одно стоитъ другаго).

Уже изъ приведеннаго нами свода возраженій меньшинства противъ содержанія проекта видно, какъ мало у его ораторовъ и логики, и искренности съ протестантской точки зрѣнія. Но ихъ несостоятельность выступаетъ на видъ еще ярче, когда они начинаютъ говорить противъ благовременности новаго закона. Суть этихъ возраженій сводится къ тому, что не къ чему было и не стоило труда узаконять de jure то, что̀ уже само по себѣ твердо установилось de facto. Всѣ эти измѣненія, говорятъ они, производятся безъ всякихъ мотивовъ (sans que rien les ait motivés). Женевская церковь и раньше этого допускала полную свободу (toutes les libertés) въ дѣлѣ литургій, въ дѣлѣ катихизисовъ и въ дѣлѣ проповѣди. Консисторія состоитъ изъ либераловъ, а compagnie des pasteurs руководится широкими воззрѣніями, доказательствомъ коихъ служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что, три года тому назадъ, она посвятила въ пасторы (то есть внесла въ списки пасторской корпораціи) человѣка съ слишкомъ крайними мнѣніями въ дѣлѣ религіи (разумѣется бывшій тутъ же въ засѣданіи членъ консисторіи, пасторъ Куньяръ). Да пусть намъ укажутъ хоть одного кандидата, которому было бы отказано вслѣдствіе его догматическихъ мнѣній! (Тогда, зачѣмъ спорить противъ закона?). Кстати также припомнить, что та же самая compagnie des pasteurs, которую стараются представить исключительною и невѣротерпимою, разрѣшила и даже рекомендовала къ употребленію и *либеральный* катихизисъ, наряду съ *ортодоксальнымъ* (однимъ словомъ, рекомендовала въ одной церкви проповѣдывать и исповѣдывать двѣ совершенно противоположныя вѣры. Чѣмъ же этотъ порядокъ отличается отъ установляемаго нынѣ закономъ?). Терпѣлись даже различныя литургіи. Мы вызываемъ тѣхъ, кои взводятъ на compagnie des pasteurs обвиненія въ стѣсненіи ею мнѣній, несогласныхъ съ взглядами протестантовъ-ортодоксовъ,—указать хоть одинъ фактъ въ

подтвержденіе. Факты, напротивъ, разительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о духѣ справедливости и умѣренности, характеризовавшемъ всегда эту почтенную корпорацію. И вдругъ ни съ того, ни съ сего, безъ всякой необходимости, все это переворачиваютъ вверхъ дномъ (Судя по теоріи и практикѣ даже самого меньшинства, намъ кажется, что и при новомъ законѣ чуть ли не все остается на прежнемъ положеніи).

Изъ предъидущаго видно, что если меньшинство и оправдало названіе „законъ объ уничтоженіи національной Женевской протестантской церкви“, которымъ оно окрестило новый проектъ, то ему, во всякомъ случаѣ, не доставало ни умѣнья, ни искренности для того, чтобы доказать, что это уничтоженіе автономной церковной организаціи не вытекаетъ изъ началъ и традицій протестантизма и противорѣчитъ имъ. Во всей вышеприведенной аргументаціи ни слова не сказано противъ компетентности государственно-законодательной власти издать подобный законъ. Напротивъ, г. *Буассонá* (M. Boissonnas), *членъ консисторіи* и авторъ предложенія о разсмотрѣніи этого проекта консисторіею для разъясненія его смысла въ глазахъ народа, коему предстояло произнести надъ нимъ окончательный приговоръ,—самъ г. Буассонá, приглашавшій всѣхъ отвергнуть законъ, не могъ, не оставляя почвы протестантскихъ началъ и традицій, начать свою рѣчь иначе, какъ слѣдующимъ образомъ: „Никто не думаетъ отрицать права на компетентность государственно-законодательной власти (Grand Conseil) въ этомъ дѣлѣ; но, пока народъ еще не высказался, новый законъ остается лишь проектомъ, разборъ коего позволителенъ всякому“. Оставивъ, такимъ образомъ, въ сторонѣ самый raison d'être новаго закона, г. Буассонá и его товарищи по меньшинству, безъ всякой пользы, перемалывали вышеизложенныя нами мысли въ теченіе двухъ засѣданій консисторіи, 2 (14) и 5 (17) апрѣля, длившихся каждое по 3 часа. Мы сказали: „безъ всякой пользы“, потому что, при подобныхъ вступленіяхъ, рѣчи всѣхъ противниковъ, слабыя по логикѣ, заканчивались выраженіемъ полуопа-

сеній, полунадеждъ и на тотъ случай, если законъ будетъ принятъ, и на тотъ, если его отвергнутъ. Вотъ что́, въ заключеніе своихъ возраженій противъ закона, сказалъ *членъ консисторіи, профессоръ Горнунгъ* (Hornung): „Мнѣ остается только выразить желаніе, чтобъ, если новый законъ будетъ принятъ народомъ, дѣло обошлось безъ раскола и раздѣленія. Я не думаю, чтобъ приверженцы традицій Женевской національной церкви изъ-за новаго закона оставили ее, чтобы образовать église libre, какъ то произошло въ прошломъ году въ Нейшателѣ. Это тѣмъ болѣе, что духъ нашего народа болѣе національенъ и менѣе церковенъ, чѣмъ нейшательскаго". Другой же ораторъ меньшинства, *членъ консисторіи, пасторъ Шаузи* (Choisy), закончилъ свою рѣчь: „При голосованіи закона народомъ, я подамъ голосъ противъ закона, хотя и принимаю многія его статьи. Во всѣхъ протестантскихъ странахъ: въ Голландіи, великомъ герцогствѣ Баденскомъ и въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи число людей съ пасторскимъ призваніемъ становится меньше и меньше съ тѣхъ поръ, какъ ученія, кои приверженцы ихъ величаютъ либеральными, а я называю раціоналистическими, пріобрѣтаютъ все больше и больше поклонниковъ (Хорошіе виды на христіанство представляетъ эта перспектива!). Новая церковь, отвѣчая этимъ ученіямъ, будетъ обнаруживать самую полную терпимость. Даже тѣ, кто исповѣдуетъ, что нѣтъ догматовъ, и проповѣдуетъ съ церковной каѳедры чистѣйшій пантеизмъ, и тѣ будутъ приняты въ нее съ распростертыми объятіями. Что́ бы тамъ ни говорили о чувствахъ всеобщаго братства, во всякомъ случаѣ извѣстно, что есть пасторы и профессора богословія, не вѣрующіе ни въ Бога, ни въ безсмертіе души и могущіе, какъ умно замѣтилъ матеріалистъ-атеистъ К. Фохтъ, идти съ *нимъ* рука объ руку. При новомъ законѣ эти пасторы и профессора не только будутъ терпимы, но сдѣлаются полноправными хозяевами дома. Уже и теперь мы слышимъ съ нашихъ евангелическихъ каѳедръ отголоски Жанъ-Жака Руссо и его „Савойскаго Викарія", а что́ же будетъ тогда? (Все это есть

намекъ на бывшаго тутъ же въ засѣданіи члена консисторіи, пастора и профессора Куньяра). Впрочемъ, я долженъ оговориться: въ новой церкви, по смыслу самаго закона, будетъ терпимо и *христіанство апостольское* (Ораторъ разумѣетъ здѣсь *ортодоксальный протестантизмъ*. Не слишкомъ ли смѣло отождествлять съ апостольскимъ христіанствомъ протестантизмъ—даже и ортодоксальный?). Будетъ и намъ позволено учить о воскресеніи мертвыхъ и о дѣйствительности молитвы, какъ вещи, немножко отличной отъ простой умственной гимнастики. Конечно, тяжело быть терпимымъ въ своемъ собственномъ домѣ, но *все-таки лучше, чѣмъ быть вытолкнутымъ за порогъ*. Есть еще одно соображеніе, которое легче всего могло бы побудить меня подать голосъ за законъ,—это то, что онъ есть прямой и кратчайшій путь къ отдѣленію церкви и государства. Какъ скоро законъ будетъ принятъ, мнѣнія сгруппируются, и обнаружится раздѣленіе; а царство, раздѣлившееся на ся, не устоитъ. Столкновенія произойдутъ, не смотря на то, что никто не будетъ ни желать, ни искать ихъ,—произойдутъ неизбѣжно въ силу самыхъ вещей, и тогда нужно будетъ покончить. Но, даже не смотря на это, есть вещь, которая меня удерживаетъ еще, — это то, что новая церковь будетъ не церковью, а настоящимъ Вавилономъ, гдѣ будутъ говорить на всѣхъ языкахъ и *ей, ей* и *ни, ни*.

Послѣ подобныхъ рѣчей большинству нечего было бояться за участь закона. Представители его въ консисторіи и заявили поэтому прямо, что такъ какъ и меньшинство, по словамъ его ораторовъ, не только признавало, но и практиковало устанавливаемый нынѣ закономъ порядокъ, то есть надежда, что какихъ-либо переворотовъ въ церковныхъ отношеніяхъ не произойдетъ. Изъ частностей же въ возраженіяхъ большинства приведемъ нѣсколько наиболѣе характеристичныхъ отрывковъ. *Членъ консисторіи, пасторъ и профессоръ г. Куньяръ* (Cougnard): „Изъ рѣчей ораторовъ меньшинства мы видѣли, что его взгляды и стремленія совпадаютъ съ нашими, выраженіемъ коихъ и служитъ но-

вый законъ. Но этотъ законъ нуженъ былъ потому, что, хотя и всѣ мы проникнуты одинаковыми взглядами и стремленіями, есть между нами люди, коихъ я безпредѣльно уважаю, но кои имѣютъ такое понятіе о церкви, что для нихъ невозможна даже простая juxtapositio двухъ различныхъ мнѣній. Я же счастливъ тѣмъ, что моя каѳедра доступна всѣмъ, и что я могу быть въ общеніи со всякимъ. Конечно, это—не взглядъ меньшинства; но что́ же дѣлать государству: *оно не можетъ организовать церковь иначе.* Если хотятъ построить церковь на другихъ основаніяхъ—на догматахъ, пусть образуютъ особую церковь; этому никто не будетъ препятствовать. Народъ спрашиваетъ себя: стѣснитъ ли кого-либо новый законъ? если нѣтъ, тѣмъ лучше. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ. Постоянно сравниваютъ нашъ законъ съ закономъ о католическомъ культѣ и указываютъ, что они не похожи. *Да это такъ и должно быть; мы не желаемъ такой протестантской церкви, которая бы была католическою.* Нѣтъ, *протестантизмъ — это христіанство по евангелію, индивидуально понятому.* Упрекаютъ новый законъ въ томъ, что онъ стѣсняетъ церковь въ пользу личности. Да вѣдь это была бы лучшая похвала, какую только ему можно было бы сдѣлать. Церковь—это абстракція, и я мало безпокоюсь о ея правахъ, коль скоро они—противъ моей свободы. Не церкви, а ея членамъ нужно дать свободу. Говорятъ еще, что, если отрицать чудеса и воскресеніе Іисуса Христа, не будетъ церкви. Да, конечно, это будетъ церковь не въ вашемъ вкусѣ, а церковь свободныхъ совѣстей. Остается вопросъ о посвященіи. Чего еще? Вы имѣете человѣка образованнаго, знающаго—въ этомъ васъ убѣждаетъ его дипломъ; а на сколько онъ нравственъ, навести объ этомъ справки вы обязаны сами, такъ какъ вамъ принадлежитъ право избранія. Нѣтъ, хотятъ еще чего-то магическаго, чудеснаго; да вѣдь это противно протестантской идеѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна небольшая протестантская община въ Италіи, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ по обзаведенію пасторомъ, обратилась къ compagnie des pasteurs съ

вопросомъ: не можетъ ли одинъ изъ ея членовъ—человѣкъ уважаемый всѣми—раздавать имъ причастіе, и compagnie des pasteurs отвѣтила утвердительно. Отчего же то, что́ возможно для протестантской общины въ Италіи, невозможно для протестантской церкви въ Женевѣ?" — *Членъ консисторіи, пасторъ Шантръ* (Chantres): „Много говорили о гарантіяхъ, представляемыхъ посвященіемъ. Не нужно, однако-жъ, преувеличивать дѣла. Вѣдь и бернскій церковный законъ не говоритъ о немъ, а требуетъ отъ кандидатовъ только диплома и свидѣтельства о доброй нравственности. Распоряженіе объ исповѣданіяхъ вѣры и литургическихъ формулярахъ имѣетъ въ виду не отмѣну тѣхъ и другихъ, а полную свободу, которой могли бы одинаково воспользоваться и либералы, и ортодоксы. Г. пасторъ Шуази сказалъ, что тяжело быть терпимымъ въ своемъ собственномъ домѣ. Но дѣло въ томъ, что домъ-то на столько же вашъ, на сколько и нашъ: онъ принадлежитъ всѣмъ намъ. Я стараюсь, въ мѣрѣ моей слабости, быть христіаниномъ и считаю себя имъ; но домъ принадлежитъ всѣмъ, и мы въ немъ не больше какъ временные жильцы". — *Членъ консисторіи, г. Ревакльe* (Revaclier): „При народномъ голосованіи я скажу: Да! уже потому, что даже самый символъ требуетъ церкви *всеобщей* (universelle), и потому еще, что нужно протестовать противъ протестантскаго синода Франціи, утвердившаго исповѣданіе вѣры, противъ коего возстаетъ половина церквей и пасторовъ. *Христіанинъ и протестантъ—тотъ, кто объявляетъ себя таковымъ. Въ этомъ дѣлѣ каждый самъ себѣ судья*". — *Членъ консисторіи, пасторъ Віольe* (Viollier): „Тотъ не читалъ библіи, кто не знаетъ, что въ ней заключается отъ пяти до шести совершенно различныхъ религіозныхъ ученій и системъ. Поэтому, когда намъ говорятъ — принять ее всю цѣликомъ, отъ насъ требуютъ невозможнаго. Но надъ всѣми этими различными ученіями долженъ парить духъ, данный намъ Іисусомъ Христомъ".

Читатели уже чувствовали всю безполезность этихъ преній. Почувствовали это и сами ораторы меньшинства.

Вотъ что́ сказалъ, въ заключеніе, *членъ консисторіи, г. Буассона*, возбудившій эти пренія: „Искренно благодарю ораторовъ, столь серьезно отнесшихся къ моему предложенію. *Но я сомнѣваюсь, чтобъ мы успѣли убѣдить одни другихъ.* Я стою за свободу, но не въ ущербъ моимъ ортодоксальнымъ евангелическимъ убѣжденіямъ, и прежде всего я хотѣлъ бы, чтобъ большинство въ этихъ дѣлахъ не подавляло меньшинства".

Чрезъ десять дней послѣ этихъ преній, 14 (26) апрѣля, новый законъ о протестантскомъ культѣ въ Женевѣ былъ принятъ абсолютнымъ большинствомъ народа. Уже слѣдя за ходомъ дѣла, можно было предвидѣть, что и послѣ этого въ Женевской церкви не произойдетъ разрыва. И дѣйствительно, на другой, послѣ народнаго голосованія, день, 15 (27) апрѣля, обнародованъ былъ слѣдующій адресъ къ членамъ Женевской національной протестантской церкви, за подписью двадцати пасторовъ-ортодоксовъ: „Любезные сограждане и возлюбленные во Христѣ Іисусѣ братья. Великое событіе совершилось въ нашей странѣ. Церковный законъ, выработанный законодательною палатою (Grand Conseil), при народномъ голосованіи, утвержденъ и съ сегодняшняго дня сталъ конституціоннымъ закономъ. Итакъ, мы очутились въ новомъ положеніи, существенно отличномъ отъ того, которое установлено было конституціею 1848 года. Въ самомъ дѣлѣ, *отнимая у нашей церкви всякую дѣйствительную автономію, всякую возможность, всякое право даже организоваться на какомъ бы то ни было христіанскомъ основаніи*, новый законъ совокупностью своихъ распоряженій разорвалъ связь со всѣми *традиціями* прошлаго (А говорятъ, что протестанты не признаютъ преданія!). Нѣтъ, тутъ невозможно никакое самообольщеніе: прежняя Женевская національная протестантская церковь перестала существовать. На мѣстѣ ея явилось нѣчто въ родѣ религіознаго учрежденія, которое нельзя назвать церковью,—по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой до сихъ поръ всегда придавали этому слову. Съ этого времени намъ, евангелическимъ пасторамъ, представлялся, или лучше навязывался, слѣдующій вопросъ:

можемъ ли мы и должны ли мы принять новое положеніе; оставаться ли намъ въ новомъ учрежденіи, или же выйдти изъ него, чтобы съ вѣрными членами стада образовать *дѣйствительную церковь*, церковь независимую, евангелическую? Мы зрѣло предъ Богомъ обсудили этотъ важный и торжественный вопросъ. *Единогласно* принявъ рѣшеніе — *остаться*, мы считаемъ своимъ долгомъ публично изложить предъ вами мотивы и цѣль этого рѣшенія. Мотивы — вотъ они: 1) мы остаемся прежде всего потому, что, получивъ отъ Бога обязанность попеченія о душахъ вѣрующихъ, мы не считаемъ себя свободными оставить эти души и покинуть свой постъ до тѣхъ поръ, пока это возможно, не нарушая вѣрности; 2) мы остаемся затѣмъ потому, что, поставленные во главѣ нашихъ приходовъ голосомъ народа, мы не находимъ приличнымъ уйдти до тѣхъ поръ, пока народъ не высказался противъ насъ; 3) мы остаемся далѣе потому, что такъ какъ новый законъ установляетъ абсолютную свободу пастора, то намъ есть возможность избавиться отъ всякой солидарности съ представителями другаго направленія, оставаясь отвѣтственными единственно за нашу личную проповѣдь; 4) мы остаемся еще и потому, что намъ и впредь, какъ въ прошломъ, остается открытымъ широкое поприще для евангелизаціи (благовѣствованія); 5) мы остаемся, наконецъ, потому, что мы глубоко привязаны къ нашему народу, и наше пламеннѣйшее желаніе есть служить ему изъ любви ко Христу: имѣемъ ли мы право разлучиться съ нимъ въ то время, когда онъ больше всего нуждается въ евангеліи—просвѣщающемъ, утѣшающемъ, возрождающемъ и спасающемъ? Мы высказали мотивы, по которымъ остаемся; а вотъ цѣль и намѣренія: 1) мы остаемся не для того, чтобы стать подъ знамя догматическаго безразличія, но для того, чтобы все выше и все тверже водружать, съ помощіею Божіею, знамя христіанства положительнаго; 2) мы остаемся не для того, чтобы ладить, вступать въ сдѣлки съ ложью, съ заблужденіемъ, а для того, чтобы защищать противъ нихъ богооткровенную истину и передать грядущимъ

по насъ въ цѣлости драгоцѣнное наслѣдіе нашихъ отцовъ—священный залогъ вѣры; 3) мы остаемся, наконецъ, для того, чтобы собрать и связать во едино всѣ находящіяся у насъ живыя силы и *спасти такимъ образомъ отъ крушенія нашей національной церкви все то, что́ еще можетъ быть спасено. До сихъ поръ каждый пасторъ, каждый приходъ жилъ и дѣйствовалъ слишкомъ индивидуально, слишкомъ изолированно.* Наступило время удержать въ національномъ учрежденіи евангелическую вѣру и *организовать* изъ него или, по крайней мѣрѣ, въ немъ *настоящую, дѣйствительную церковь*, церковь вѣрующихъ, въ ожиданіи *дня, когда состоится отдѣленіе церкви и государства*, и когда всѣ религіозныя вѣрованія будутъ поставлены *дѣйствителгно на почву свободы.* Богъ да благословитъ наше возлюбленное отечество и да ускоритъ пришествіе въ него своего царствія—царства истины и любви".

Въ основѣ описаннаго нами, такъ сказать, оффиціальнаго разложенія протестантизма лежитъ, какъ мы отчасти уже видѣли, его внутреннее разложеніе, состоящее въ его превращеніи въ раціонализмъ. Выше было замѣчено, что въ самой Женевѣ есть пасторы, съ каѳедры проповѣдующіе противъ божества Христа. Въ кантонахъ же: Цюрихскомъ, Граубюнденскомъ, Аргау, Тургау и Бернскомъ есть цѣлые приходы протестантовъ-раціоналистовъ съ таковыми же пасторами во главѣ. Такимъ образомъ оказывается, что Всеобщій Евангелическій Союзъ, столь ревнивый къ просвѣщенію варваровъ, въ родѣ Русскихъ, и столь заботливый объ охраненіи церковной независимости своихъ остзейскихъ единовѣрцевъ отъ такого правительства, какъ русское, сдѣлалъ бы лучше, если бы обратилъ свою миссіонерскую дѣятельность на то, что́ происходитъ въ области самого протестантизма. Не знаемъ, что́ предпринимаетъ въ этомъ отношеніи Всеобщій Евангелическій Союзъ, болѣе любящій выставлять себя великою державою (une grande puissance), ведущею съ разными государствами дипломатическіе переговоры. Намъ извѣстно только, что въ Швейцаріи образовался Швейцарскій евангелическій

союзъ (Union évangélique suisse), и что онъ слагается изъ болѣе мелкихъ кантональныхъ союзовъ, которые пока учредились лишь въ десяти кантонахъ: Ааргау, Базелѣ, Бернѣ, Граубюнденѣ, Во, Женевѣ, Нейшателѣ, С. Галленѣ, Тургау и Цюрихѣ.

18 (30) сентября и 19 сентября (1 октября) 1873 года происходило въ Бернѣ, въ присутствіи 80 делегатовъ отъ 10 кантональныхъ союзовъ, годичное общее собраніе этого союза. Предъ нами оффиціальный отчетъ о засѣданіяхъ делегатовъ. Вотъ какую картину религіознаго состоянія въ Швейцаріи представляетъ онъ намъ. Малое число адептовъ союза въ Цюрихѣ, по словамъ отчета, объясняется страшнымъ преобладаніемъ тамъ раціонализма, а представитель Цюриха прибавилъ къ этому и другую причину—индифферентизмъ. С.-Галленская церковь, по отчету и по словамъ представителя евангелическаго союза въ этомъ кантонѣ, есть царство раздѣлившееся на ся: тамъ существуетъ двѣ литургіи—одна протестантская, другая раціоналистическая, и преподается два совершенно противоположные катихизиса. Въ Тургау кантональный протестантскій синодъ, какъ говоритъ отчетъ, предпринялъ пересмотръ литургіи въ раціоналистическомъ духѣ. Въ Граубюнденѣ, по заявленію отчета, большинство пасторовъ держится теологіи примиренія, позволяющей имъ балансировать между раціонализмомъ и евангеліемъ (se rattachent à la théologie de conciliation, qui cherche à tenir la balance égale entre le rationalisme et l'évangile). Относительно хода дѣлъ въ Нейшателѣ, гдѣ тоже только что образовалось двѣ церкви—національная и свободная, и самъ союзъ принялъ систему балансированія. Онъ рѣшилъ выразить „*сочувствіе всѣмъ христіанамъ* Нейшателя, уважая побужденія совѣсти, заставляющія *однихъ* основать *независимую* церковь, а *другихъ*—остаться въ церкви *національной*“. Но въ то же самое засѣданіе, когда принятъ былъ этотъ столь тонко уважающій совѣсть и большинства, и меньшинства адресъ къ Нейшательцамъ, уже бывшимъ въ области совершившагося факта, постановлено было противодѣйствовать всѣми мѣрами совершe-

нію подобнаго же факта въ кантонахъ Бернскомъ и Женевскомъ. Средствомъ къ тому полковникъ Вурстембергеръ, этотъ слѣдственный судья Всеобщаго Евангелическаго Союза, по его назначенію производившій дознаніе о положеніи протестантизма въ нашихъ Остзейскихъ провинціяхъ и во время своихъ поѣздокъ разучившійся понимать и характеръ самого протестантизма, и смыслъ учрежденій своей родины, предложилъ войдти въ союзныя палаты съ петиціею „о гарантированіи общимъ федеральнымъ закономъ внутренней свободы церквей относительно ученія, культа, посвященія пасторовъ (consécration des ministres) отъ посягательствъ кантональныхъ правительствъ и объ ограниченіи ихъ вмѣшательства только случаями, когда церковь зайдетъ въ область политики, ибо безъ этого самое начало свободы личной совѣсти эксплуатируется правительствами кантоновъ въ пользу поддерживающаго ихъ внѣ-церковнаго большинства“. Съ тѣхъ поръ по сіе время эта петиція не помѣшала правительственнымъ и законодательнымъ представителямъ Женевскаго кантона принять новый законъ. Но положимъ, что если не съ точки зрѣнія протестантизма и швейцарскихъ учрежденій, то съ какой либо другой точки полковникъ Вурстембергеръ и правъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ кантонахъ, подъ предлогомъ охраны свободы личной совѣсти, правительства посягаютъ на внутреннюю независимость церкви. Предположимъ, что этотъ взглядъ на положеніе церковныхъ дѣлъ въ Швейцаріи возымѣли и наши протестанты-колонисты и, сочувствуя несчастію, положимъ, нейшательскихъ и женевскихъ своихъ братій по вѣрѣ, послали отъ себя депутацію допросить нейшательскую и женевскую государственную власть, какъ она смѣетъ принимать такіе законы, которые стѣсняютъ независимость церкви. Что тогда сказалъ бы г. Вурстембергеръ? Не то же ли самое сдѣлалъ, по отношенію къ Россіи, Всеобщій Евангелическій Союзъ своимъ ходатайствомъ за остзейскихъ протестантовъ?

Общая же характеристика положенія протестантизма въ Швейцаріи представлена была въ замѣчательной рѣ-

чи профессора Фонъ-Орелли изъ Базеля. Вотъ выписка изъ нея: „Наши церкви раздираются борьбою религіозныхъ партій. И на счетъ того, что̀ должно бы быть единственнымъ основаніемъ для всѣхъ, на счетъ даже святой библіи и вѣчнаго евангелія, въ наше время нѣтъ болѣе согласія. За то и смущены совѣсти, и не знаешь, что̀ подумать о церкви. Задача евангелическаго союза сохранить нашимъ церквамъ ихъ *христіанскій характеръ*, *который многія изъ нихъ готовы потерять*. Какъ trait d'union слѣдуетъ à tout prix удержать *символъ апостольскій*. Онъ содержитъ въ себѣ *не догматы*, а факты, и достаточно широкъ (large) для того, чтобы всякій христіанинъ могъ себя чувствовать не стѣсненнымъ (à son aise). Съ одной стороны, церковь не есть церковь, если она, идя за народомъ, *сдвигается съ евангельскаго основанія;* съ другой — *недостойно ея* отдѣляться отъ народа“. Но что̀ же она должна дѣлать? — на этотъ вопросъ ораторъ не потрудился дать отвѣта, да и не могъ бы, въ виду той путаницы понятій, которую представляетъ намъ вышеприведенная его іереміада, заслуживающая похвалу только за искренность и за вѣрность картины. При свободномъ толкованіи всякимъ священнаго писанія, у протестантовъ не понятно даже выраженіе о возможности сдвинуться съ евангельскаго основанія. При этой системѣ два человѣка, совершенно противоположно понимающіе евангеліе, могутъ каждый считать себя самаго стоящимъ на почвѣ евангелія, а своего противника—сдвинувшимся съ нея. Такое же отношеніе, какъ между этими двумя толкователями, можетъ возникнуть и между церковью и народомъ. Кто правъ, кто виноватъ? Протестантизмъ долженъ отвѣтить: оба правы. Мы видѣли, что именно такой отвѣтъ данъ былъ и самимъ союзомъ въ адресѣ Нейшательцамъ. Далѣе, возвратить *христіанскій* характеръ (до чего дошло дѣло!) протестантскимъ церквамъ можно лишь удержаніемъ апостольскаго символа, содержащаго факты, а не *догматы*. Почему же не догматы? А потому что для протестанта, даже консерватора-ортодокса, какъ видно, догматы—вещь ненужная. Спра-

шивается, чѣмъ такой протестантизмъ отличается отъ раціонализма? И это говоритъ человѣкъ, искренно убѣжденный, что онъ борется противъ раціонализма! Вотъ почему подобныя разглагольствованія не поправятъ того положенія дѣлъ, которое другой ораторъ, пасторъ Штегелинъ изъ Базеля же, очертилъ слѣдующими немногими словами: „Народъ, правительства, печать, наука и сами пасторы *съ пренебреженіемъ* отворачиваются отъ Христа, какъ Его представляютъ намъ писанія, отъ Христа, приносящаго спасеніе грѣшникамъ!“

До какой степени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи ужасно религіозное состояніе народа, видно уже изъ того, что Швейцарскій евангелическій союзъ учредилъ особаго рода миссіонеровъ—prédicateurs itinérants, нѣчто въ родѣ commis-voyageurs слова Божія. Г. Штейгеръ изъ Тургау „отстаивалъ, какъ сказано въ оффиціальномъ отчетѣ, необходимость этого новаго учрежденія вопреки возраженію, что оно нарушаетъ *церковный порядокъ*, тѣмъ соображеніемъ, что большая часть швейцарскихъ церквей приведена *въ разстройство* (un grand nombre de nos églises suisses sont désorganisées) радикализмомъ своихъ пасторовъ, и что противъ этой-то *дезорганизаціи* и слѣдуетъ дѣйствовать, посылая изъ прихода въ приходъ людей, вѣрно возвѣщающихъ слово Божіе“. Въ отчетномъ году на службѣ союза состояло два prédicateurs itinérants: г. Веттеръ въ кантонахъ Тургау и С. Галленѣ и г. Гёссли (Hoessly) въ кантонѣ Бернъ. Сколько печальнаго въ отчетѣ послѣдняго: онъ видѣлъ людей, у которыхъ не за что ухватиться, чтобъ построить какую-либо аргументацію!

Освѣтимъ эту мрачную картину словами надежды на лучшее будущее, кои мы заимствуемъ изъ годичнаго обозрѣнія Gazette de Lausanne за 1873 г. „Цѣль всего этого церковно-протестантскаго движенія—признать раціонализмъ оффиціальною церковью и доставить ему участіе въ бюджетѣ, и это, по нашему, въ сущности даже и не худо; вѣроятнымъ слѣдствіемъ этого будетъ пробужденіе евангельской проповѣди и особенно евангельской жизни, а это, всякій согласится, есть уже по-

ложительное благо". Добавимъ къ этому лишь то соображеніе, что это пробужденіе можетъ послѣдовать не на основаніи того протестантски понятаго принципа народности церкви, въ силу коего могутъ образоваться національныя церкви — и такія, какъ въ кантонѣ Во, гдѣ раціонализмъ не имѣетъ мѣста, и такія, какъ въ Нейшателѣ и Женевѣ, гдѣ раціонализмъ преобладаетъ. Въ Женевѣ, подъ отрицательнымъ вліяніемъ оффиціально организовавшагося раціонализма и подъ положительнымъ дѣйствіемъ ясно опредѣлившагося старокатолическаго движенія, протестанты задаются болѣе сознанными цѣлями. Горячія увѣщанія, почти мольбы, съ коими от. Гіацинтъ обращался къ своимъ слушателямъ старокатоликамъ, не вдаваться, оставивши папство, въ протестантизмъ—эту другую крайность, которая могла соблазнять людей лишь тогда, когда въ виду былъ только римскій католицизмъ, но которая должна потерять всю прелесть при свѣтѣ истиннаго каѳоличества,—эти увѣщанія, эти мольбы нашли свой отголосокъ и въ умахъ протестантовъ. Вотъ что̀, послѣ одной изъ конференцій от. Гіацинта, писала объ этомъ одна протестантская газета города Женевы „Patrie de Genève": „Нѣкоторые думаютъ въ старокатолицизмѣ, проповѣдуемомъ от. Гіацинтомъ, видѣть лишь переходную ступень отъ католицизма къ протестантизму. Но настанетъ время, когда разборъ обоихъ ученій можно будетъ дѣлать sans que personne en soit froissé, и когда можно будетъ громко сказать, что протестантизмъ tel qu'il est—столько же нуждается въ реформѣ, какъ и римскій католицизмъ, и что реформація XVI вѣка опустила изъ виду (a mésonnu) истины настоящаго каѳоличества (du véritable catholicisme), къ которымъ и придется возвратиться".

Одна изъ конференцій лорда Рэдстока въ Веве (въ Швейцаріи).

Настоящая замѣтка имѣетъ въ виду лишь проповѣдь новаго апостола и то впечатлѣніе, какое она произво-

дить на всякаго православнаго, будемъ ли мы понимать это слово: „orthodoxe“ въ смыслѣ нашей церкви, или въ смыслѣ католической церкви, или даже въ смыслѣ, какой ему даютъ сами протестанты; о нравственныхъ же качествахъ и дѣйствіяхъ почтеннаго лорда мы не считали себя въ правѣ говорить, тѣмъ болѣе, что на счетъ блестящихъ частностей его жизни существуетъ разногласіе даже между его поклонниками. Такъ, одни витійствуютъ, что лордъ Рэдстокъ, ради имени Христа Іисуса, продалъ имѣніе свое и роздалъ его нищимъ, отказался отъ богатствъ и почестей—онъ былъ членомъ парламента — и оставилъ за собою одно только почетное наименованіе проповѣдника имени Христова; другіе утверждаютъ, что лордъ Рэдстокъ не роздалъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, своего состоянія въ минуту религіознаго настроенія: онъ и теперь богатъ. По окончаніи курса въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ военную службу въ volunteers. Дослужившись до чина полковника, онъ простился съ горячо любившими его сослуживцами, женился и сталъ вести съ семействомъ кочевую жизнь по Англіи, проповѣдуя евангеліе во всѣхъ слояхъ населенія. Членомъ же парламента почтенный лордъ никогда не былъ уже потому, что онъ изъ числа тѣхъ шотландскихъ лордовъ, кои права засѣдать въ парламентѣ не имѣютъ.

Мы знаемъ лорда Рэдстока еще изъ Веве, гдѣ онъ проводилъ часть зимы 1872 — 73 г. съ матерью и сестрою. Послѣднія помогали ему въ дѣлѣ проповѣди тѣмъ, что, ходя по улицамъ и гостинницамъ уютнаго городка, съ встрѣчными и поперечными иностранцами ни съ того, ни съ сего заводили рѣчь о конференціяхъ лорда и кончали ее, лишь добившись со стороны собесѣдника слова непремѣнно придти послушать. Жертвами такихъ уловленій были почти одни только иностранцы и особенно русскія дамы. Мѣстные жители уже потому самому, что мѣстные и, стало быть, занятые дѣломъ, а не праздношатающіеся, не податливы ни на подобные разговоры, ни на подобныя конференціи. Итакъ, число слушателей лорда въ Веве, не смотря на всѣ забѣганья его матери

и сестры, было весьма и весьма ограниченное. Лорду видимо это было тѣсно, и онъ желалъ расширить кругъ своей дѣятельности за предѣлы салона „Hôtel du Lac“. Для этого требовалось лишь какое-либо общественное зданіе. Нѣтъ надобности говорить, что лордъ не могъ при этомъ разсчитывать не только на зданіе католической церкви, но и на храмы протестантскіе... Да, пасторы, съ удовольствіемъ уступающіе на часъ, на два, даже на цѣлый день или вечеръ свои каѳедры профессорамъ-матеріалистамъ, литераторамъ-атеистамъ и фокусникамъ-магикамъ, бываютъ разборчивѣе относительно проповѣдниковъ-сектаторовъ, особенно если въ ихъ ученіе входитъ отрицаніе церкви. Непослѣдовательно считая себя церковью, протестантизмъ не столько боится матеріализма и безбожія, сколько вышедшихъ изъ него же ученій. Проповѣдывать же въ помѣщеніи для собраній какой-либо секты,—а ихъ въ Веве нѣсколько,—было не въ видахъ лорда, во-первыхъ потому, что эти помѣщенія въ отношеніи объема и удобствъ не могутъ идти въ сравненіе даже съ салонами „Hôtel du Lac“, во-вторыхъ потому, что правило: „Съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся“ особенно строго наблюдается сектаторами, и они менѣе всего склонны смѣшивать придуманные ими способы спасенія, а ихъ руководители выше всего ставятъ собственное своевѣріе и основанный на немъ собственный авторитетъ. Было еще средство создать себѣ большую аудиторію—это стать и проповѣдывать среди площади, какъ это и дѣлается въ Англіи и Америкѣ, а публика уже наберется. Зимнее ли время, обычаи ли Швейцаріи, привычки ли самого лорда помѣшали этому,—не знаемъ, но только намъ пришлось слушать лорда-апостола лишь въ его салонѣ въ „Hôtel du Lac“.

Въ довольно вмѣстительной комнатѣ человѣкъ восемь—два-три мужчины, остальныя—дамы. Отъ одного кресла къ другому перепархиваютъ двѣ извѣстныя уже намъ женскія особы—мать и сестра лорда, въ качествѣ истыхъ діаконисссъ наблюдающія за порядкомъ и раздающія каждому на время конференціи библію. Исполненіе обязан-

ности діаконисс маскируется для постороннихъ семейнымъ характеромъ обстановки. Все общество шепотомъ переговаривается и посматриваетъ на дверь, изъ которой долженъ выйдти апостолъ. Есть что-то болѣзненно-фальшивое въ этомъ играніи въ вѣкъ апостольскій. Сердце ваше больно сжимается изъ боязни, что вотъ предъ вами явится артистъ, дерзнувшій взять на себя роль Христа, и разыграетъ предъ вами сцену распятія на Голгоѳѣ. Слово „профанація“ уже просится къ вамъ на языкъ, но, не видавъ апостола, поудержимъ пока переполняющее грудь нашу чувство негодованія. Вотъ дверь отворилась, и предъ вами высокаго роста рыжій англичанинъ. Поклонившись обществу, онъ, какъ автоматъ, шлепается въ стоящее посрединѣ комнаты кресло, кладетъ одну ногу на колѣно другой и сидитъ неподвижно, вытаращивъ глаза, какъ будто смотря на все и въ то же время какъ будто не глядя ни на что и только изрѣдка устремляя ихъ вверхъ какъ бы для того, чтобы разглядѣть и воспринять что-то спускающееся свыше. Сердце ваше бьется до того, что вы хватаетесь за грудь какъ бы съ намѣреніемъ остановить его. А! предъ вами происходитъ представленіе сошествія Св. Духа и практическое примѣненіе ученія ап. Павла о дарахъ духовныхъ. Но вотъ лордъ почувствовалъ наитіе; осѣненный свыше, онъ вскакиваетъ съ мѣста, какъ бы про себя говоритъ: „А теперь помолимся!“ хватается руками за голову, бросается на колѣни, упирается лицемъ въ подушку сидѣнья на стулѣ, и начинается молитва по образцу вѣка апостольскаго, импровизируемая лордомъ-апостоломъ.

Молитва эта состоитъ изъ набора не мыслей, нѣтъ,— а отдѣльныхъ словъ, кои лордъ подбираетъ чрезъ большіе промежутки времени, повторяя—иногда до десяти разъ—уже найденное до тѣхъ поръ, пока подъищетъ слѣдующее, въ родѣ: „О Іисусе, мы любимъ Тебя, мы... мы хотимъ... хотимъ любить Тебя. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Охъ, мы слабы, очень слабы. Помоги намъ вѣрить въ Тебя!!“ Послѣ молитвы, длившейся минутъ пять-десять, лордъ снова усѣлся, взялъ библію

и какъ бы на-угадъ открылъ книгу. Говоримъ: какъ бы на-угадъ, потому что на дѣлѣ лордъ всегда увѣренъ, что онъ откроетъ непремѣнно посланія ап. Павла, въ которыхъ, еще по словамъ ап. Петра, „есть нѣчто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные—точно рѣчь шла о Рэдстокѣ—къ собственной своей погибели превращаютъ, какъ и прочія писанія“ (2 Петр. III. 16), и именно тѣ мѣста, толкователямъ коихъ въ духѣ Рэдстока еще ап. Іаковъ отвѣчалъ: „Что̀ пользы, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ?—можетъ ли эта вѣра спасти его? Ты вѣруешь, что Богъ единъ, и хорошо дѣлаешь; но и бѣсы вѣруютъ, и трепещутъ. Но хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ—такъ называетъ ап. Іаковъ подобныхъ лорду толкователей посланій ап. Павла,—что вѣра безъ дѣлъ мертва есть“ (Іак. II, 14—20). Дѣйствительно, своими отрывочными цитатами изъ посланій ап. Павла и недомолвками при ихъ сопоставленіи и объясненіи, лордъ Рэдстокъ попадаетъ въ число тѣхъ *нѣкоторыхъ*, кои, по словамъ самого Учителя языковъ, злословятъ его, будто онъ учитъ дѣлать зло, чтобы вышло добро. „Праведенъ судъ на таковыхъ“, прибавляетъ великій Апостолъ (Рим. III. 7 и 8).

Въ тотъ сеансъ, на коемъ я присутствовалъ, открылось 1-е посланіе къ Коринѳянамъ въ первой своей главѣ. „Первое посланіе апостола Павла къ Коринѳянамъ“, прочиталъ лордъ и сталъ разбирать это заглавіе слово по слову: „посланіе—это просто письмо; первое—потому что есть и второе; апостола—т. е. посланника: такъ называли учениковъ Іисуса Христа; Павелъ—такъ его звали, къ Коринѳянамъ—это значитъ къ жителямъ города Коринѳа.“ Какъ это ясно, восхищаются слушающія лорда дамы,—и какъ это просто! О, добрая вѣсть (такъ лордъ называетъ въ переводѣ евангеліе) проста, и этою-то простотою проповѣди Богъ хотѣлъ спасти міръ“. Предавшись такимъ комментаріямъ, слушательницы лорда, какъ бы для большаго убѣжденія въ томъ, попадаютъ глазами на ст. 17, 19, 20 и 21 и радуются быстротѣ своихъ успѣховъ въ пониманіи внутренняго

смысла писанія. „Въ истинной проповѣди, какова проповѣдь лорда, продолжаютъ онѣ про себя, есть что-то такое, что̀ мгновенно сообщаетъ вамъ полный свѣтъ доброй вѣсти. Какъ мнѣ понятна теперь библія!“

Лордъ, между тѣмъ, продолжаетъ свое дѣло. Прочитавъ первый стихъ первой главы посланія, онъ переходитъ прямо ко второму и останавливаетъ свое вниманіе на словахъ: „Церкви Божіей, находящейся въ Коринѳѣ, освященнымъ во Христѣ Іисусѣ, призваннымъ святымъ“. Церкви—это просто собранію, подобному нашему, т. е. намъ самимъ. Вы спасены, освящены, оправданы, искуплены,—здѣсь лордъ входитъ въ свою колею,—вы святы, и вы должны этому радоваться. Всякій вѣрующій во Іисуса Христа уже чрезъ это самое спасенъ, оправданъ, искупленъ и освященъ. Но спросятъ: кто этотъ всякій? Всѣ думаютъ, что этотъ всякій кто-либо другой. Въ этомъ отношеніи большинство людей похоже на того нотаріуса, который занимается внесеніемъ въ реестръ разныхъ завѣщаній. Онъ перечитываетъ ихъ сотни и интересуется лишь ихъ формальною стороною. Но что̀ должно произойти въ немъ, если нечаянно среди другихъ завѣщаній ему попадается въ руки завѣщаніе въ его собственную пользу? И большинство людей разбираетъ дѣло спасенія, какъ разбираетъ чужія завѣщанія нотаріусъ. Они задаютъ себѣ чисто формальные, называемые у нихъ историческими и догматическими, вопросы: Кто такой Христосъ, отъ кого и какъ Онъ происходитъ, кого Онъ спасъ или кому оставилъ свое завѣщаніе и какъ, почему и за что̀? Но какая имъ польза отъ всего этого? Что̀ же должно произойти въ человѣкѣ, когда онъ вдругъ узнаетъ, что это завѣщаніе въ его пользу? Этотъ-то переворотъ и есть то, что называется возрожденіемъ. Понятно, что онъ не зависитъ ни отъ историческихъ, ни отъ догматическихъ понятій о Христѣ, а тѣмъ менѣе отъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ дѣйствій, кои называются таинствами и обрядами. Итакъ, этотъ всякій — ты, именно ты: тебя Христосъ спасъ, тебя оправдалъ, тебя освятилъ, искупилъ—именно тебя, кто бы ты ни былъ: еврей, магометанинъ или христіа-

нинъ, къ какой бы церкви или сектѣ ты ни принадлежалъ, какую бы ты религію не исповѣдывалъ—все равно: тамъ, гдѣ „нѣтъ ни іудея, ни эллина“ (Колос. III. 11), каждый можетъ считать себя этимъ всякимъ. Зачѣмъ тебѣ послѣ всего этого Церковь?—„Ты самъ себѣ теперь церковь, да еще церковь Бога жива, въ коей и Духъ Божій живетъ“ (1 Корин. III. 16). Зачѣмъ тебѣ таинства и обряды?—Съ тѣхъ поръ какъ ты сталъ тѣмъ „всякимъ“, ты освященъ: стало быть, получилъ всю полноту даровъ Духа Святаго, которые тебѣ остается возгрѣвать только вѣрою и молитвою; съ тѣхъ поръ для тебя древняя мимо идоша и вся въ тебѣ быша нова (2 Корин. VI. 17). Да и самихъ апостоловъ „Христосъ посылалъ не крестить, а благовѣствовать не въ мудрости слова“ (1 Корин. I. 17). Зачѣмъ тебѣ теперь заботиться о дѣлахъ?—Ты долженъ говорить себѣ: „Живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Галат. II. 20). Думая о дѣлахъ, ты покажешь только, что считаешь недостаточною для твоего оправданія, освященія и искупленія правду Божію, стараясь восполнить ее твоею человѣческою правдою. Напротивъ такія мысли, равно какъ и таинства, богослужебныя молитвы и обряды суть дѣло сатаны, отдаляющее насъ отъ Бога. „Въ молитвѣ вашей просите только царствія Божія и правды его, а сія вся приложатся вамъ, ибо прежде прошенія вашего вѣсть Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ. Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что̀ намъ ѣсть, или что̀ пить, или во что̀ одѣться (Матѳ. VI. 31—33)? Не заботьтесь ни о чемъ, но всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ. И Господь близъ есть (Филип. IV. 5, 6)“. Разъ, въ знойный лѣтній день мнѣ случилось проходить по деревенскимъ захолустьямъ. Жажда начала томить меня, и я подумалъ: какъ бы хорошо теперь было съѣсть яблоко. И близъ есть Господь призывающихъ его. Сію же минуту, откуда ни явись, человѣкъ съ яблоками. „Мы обирали яблоки въ нашемъ саду, обратился онъ ко мнѣ, не угодно ли вамъ попробовать“, Да, вѣра—все. Вспомните Агарь въ пустынѣ,

раба Авраамова у колодца, апостола Петра, ходящаго по водамъ, апостола Павла, оживляющаго юношу; вспомните освобожденіе Петра и Павла изъ темницы, вспомните, что внушило Ананіи идти къ Павлу и указало гдѣ найдти его; вспомните, по какому внушенію пошелъ апостолъ Петръ въ Корнилію. Да вся тѣмъ быша вѣрою, также должно быть и съ нами. Не уподобляйтесь идолопоклонникамъ, которые выдѣлавъ идола изъ дерева по своему рисунку, остальное дерево сжигали или отбрасывали, — не уподобляйтесь имъ въ вашемъ обращеніи съ библіею: не дѣлайте изъ нея идола по образу вашему, отбрасывая все, вамъ неподходящее. Но старайтесь понимать ее такъ, какъ она есть, и доходите до этого своимъ собственнымъ умомъ, не полагаясь на чьилибо толкованія, а вполнѣ отдаваясь тому внутреннему голосу, который есть голосъ Св. Духа, „излiяннаго на насъ обильно Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ нашимъ (Тит. III. 5, 6)“: ибо „и вы помазаніе имѣете отъ Святаго и знаете все и не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ; но какъ само то помазаніе учитъ васъ всему, а оно истинно и не ложно, то въ томъ и пребывайте, чему оно научило васъ, дабы, когда Онъ явится, имѣть намъ дерзновеніе и не постыдиться предъ Нимъ (1 Іоан. II. 20—28)“. Точно также и относительно молитвы — не ищите, что сказать: ибо если только Духъ Божій живетъ въ насъ (Рим. VIII. 9), то „самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизглаголанными (Рим. VIII. 26)“. Удостовѣреніе же во всемъ этомъ мы носимъ также въ самихъ себѣ: „ибо сей самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы дѣти Божіи (Рим. VIII. 16)“. Такимъ образомъ вы, всѣ вы оправданы, искуплены, освящены—однимъ словомъ спасены. Итакъ, радуйтесь всегда о Господѣ, и еще говорю: радуйтесь. Господь близко. Если вы получили святаго Духа,—а вы Его получили, если вы чувствуете Его присутствіе въ себѣ, если вы увѣрены, что Онъ въ васъ,— то вы не требуете, да кто учитъ вы, что такое значитъ радоваться о Господѣ. Это значитъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, погружаться въ созерцаніе Божества.

Что касается до меня, то я дѣлаю это каждый день такъ: сажусь въ кресло и погружаюсь въ это созерцаніе. Вотъ что̀ значитъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, и вотъ какихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ (Іоан. IV. 32). Радуйтесь же, и опять скажу: радуйтесь. Ни о чемъ не заботьтесь (Филип. IV. 4, 5, 6). Чтобъ быть спасеннымъ, стоитъ только вѣровать и быть убѣжденнымъ, что ты спасенъ. Съ тѣхъ поръ для тебя не нужно ничего—ни даже какого-либо закона: догматическаго, нравственнаго и обрядоваго; вѣдь „праведнику законъ не лежитъ (1 Тим. I. 9)“, онъ самъ себѣ законъ. Человѣкъ не отвѣчаетъ больше за свои дѣйствія, будучи искупленъ Христомъ. Вы видите, что заповѣди Господни не суть тяжки (1 Іоан. V. 3). Вы видите напротивъ, какъ легко спастись,—только вѣруй, что ты уже спасенъ. Въ этомъ—весь секретъ! И однако, какъ мало спасающихся! Но вы, вы обрѣли теперь Христа; вы увѣровали, что вы спасены, освящены, искуплены и оправданы, и вы дѣйствительно уже по тому самому спасены, искуплены, оправданы и освящены, что̀ бы потомъ съ вами ни случилось, что̀ бы вы сами потомъ ни сдѣлали. Теперь вы—не свои, куплены бо есте кровію Христовою. Радуйтесь же и опять говорю: радуйтесь. Идите теперь, разскажите это вашимъ мужьямъ, женамъ, дѣтямъ, знакомымъ—всѣмъ,—скажите, что Господь близь есть.

Послѣ проповѣди все общество опять становится на колѣни, и лордъ снова импровизируетъ молитву. Затѣмъ, отыскавъ, по указанію апостола, въ розданныхъ вмѣстѣ съ библіею книжечкахъ ту или другую кантату на англійскомъ или французскомъ языкахъ, присутствующіе оглашаютъ залу молитвеннымъ пѣніемъ. По отношенію же ко второй части своего культа лордъ поступаетъ еще съ большею осторожностію и осмотрительностію, нежели христіане первыхъ временъ. Только послѣ долгаго искуса признанныхъ имъ достигшими духовнаго совершенства удостоиваетъ онъ приглашенія—и то неявно—остаться съ нимъ, чтобъ поискать болѣе близкаго общенія со Христомъ; по просту это будетъ: разъиграть сцену апостольской агапы и тайной вечери.

Итакъ, ученіе лорда Рэдстока основано на панибратствѣ съ дарами Св. Духа, на томъ вдохновеніи свыше, убѣжденіе въ которомъ лордъ почерпаетъ въ самомъ себѣ, воткнувшись лицомъ въ подушку стула, на коемъ сидѣлъ передъ тѣмъ. Дамы слушаютъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ; видъ ихъ напоминаетъ язычницъ временъ апостола Павла, съ горящимъ взоромъ, прикованнымъ къ лицу проповѣдника, впервые узнающихъ имя Христово и Его ученіе. Въ Америкѣ на подобныхъ митингахъ женщины, выслушавъ проповѣдь какого-либо полупомѣшаннаго джентльмена, начинаютъ выть не своимъ голосомъ, восклицая: „О Господи, о Господи!“ и падаютъ въ конвульсіяхъ, воображая, что на нихъ въ это время сходитъ Духъ Святой. У нашихъ же дамъ послѣ такой проповѣди дѣло ограничивается пока только слезами; онѣ благодарятъ лорда за то, что онъ открылъ имъ Христа, и уѣзжаютъ домой, принося въ семью и проповѣдуя въ свою очередь Христа, открытаго въ проповѣди лорда-апостола. Но если эти экзальтаціи продолжатся, то представляется опасность, чтобы наши великосвѣтскія безпоповщинницы не обратились въ кликушъ, которыхъ потомъ придется отчитывать. Впрочемъ, вѣрующимъ въ лорда Рэдстока нечего бояться этого: потому что въ кругъ спеціально ему дарованной власти чудотворенія лордъ-чудотворъ вводитъ именно исцѣленіе молитвою душевныхъ болѣзней. Не заключается ли въ этой претензіи скрытое доказательство того, что лорду — по его же собственной винѣ — больше всего приходилось имѣть дѣло съ подобными больными?

Говорятъ, что лордъ Рэдстокъ — искренно вѣрующій человѣкъ; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ на комънибудь не лежала священная обязанность, не затрогивая нравственныхъ качествъ проповѣдника, указать ему, что его проповѣдь компрометтируетъ и роняетъ предметъ, который онъ и самъ уважаетъ? Вотъ образчикъ того, какъ лордъ обращается съ библіею и знаетъ ее. Пишущему эти строки онъ, при личномъ разговорѣ, хотѣлъ доказать, что на судѣ Божіемъ не потребуется отчета въ дѣлахъ, — чѣмъ бы вы думали? — 13 стихомъ 14 главы

Апокалипсиса: „Отнынѣ блаженны мертвые, умирающіе во Господѣ. Они успокоются отъ трудовъ своихъ“. На этомъ почтенный лордъ остановился съ торжествующимъ видомъ и закрылъ библію. Но я просилъ его снова открыть ее и дочитать стихъ до конца: „и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними“. Что такое неудачное цитированіе текстовъ и затѣмъ урѣзываніе ихъ—не рѣдкость у лорда, это замѣтили даже его слушательницы. Выше приведено толкованіе лорда о томъ, что библію слѣдуетъ понимать по самой библіи, а не выкраивать изъ нея своей библіи по собственному образу. Въ личной бесѣдѣ я спросилъ его, въ чемъ можетъ заключаться для него, для меня и для всякаго гарантія того, что библія понята по библіи, а не по чьему-либо образу? Лордъ отвѣтилъ вопросомъ: „а вы получили Духа Святаго? Если да, то вы владѣете истиной“. Я было указалъ на свидѣтельство ап. Павла, что претендовать на полное обладаніе истиной для человѣка на землѣ, по меньшей мѣрѣ, есть знакъ духовной гордости, ибо „знаемъ нынѣ, яко же зерцаломъ въ гаданіи“. При этомъ добавилъ, что вмѣстѣ съ Апостоломъ нужно вѣрить въ наступленіе дня, когда истина будетъ познана лицемъ къ лицу. Лордъ между тѣмъ разсказалъ мнѣ, какъ на одномъ какомъ-то собраніи были члены *десяти* разныхъ сектъ, какъ это не помѣшало Духу Святому сойти на нѣкоторыхъ изъ нихъ, и какъ лордъ замѣтилъ, на комъ именно былъ Духъ Святой и на комъ нѣтъ. На вопросъ же: кто изъ двухъ въ истинѣ—римскій ли католикъ, искренно вѣрующій, что, по свидѣтельству самого Духа Святаго, библія говоритъ о непогрѣшимости папской, или тотъ, кто, подобно лорду, по свидѣтельству также Духа Святаго, видитъ въ ней отрицаніе даже Церкви?—отвѣта не послѣдовало.

Мы не мѣшали тусклому ночнику Рэдстока своевѣрія горѣть и среди солнечнаго свѣта православія. Но когда люди, обращающіе день въ ночь, а ночь въ день, дерзаютъ еще доказывать, что именно ихъ день есть дѣйствительный день, а ночничекъ, освѣщающій ихъ сатурналіи, есть дѣйствительное солнце,—то уже изъ од-

ного сожалѣнія слѣдуетъ сказать имъ: „Вы жестоко обольщаетесь!“ Общее впечатлѣніе отъ рѣчей лорда-апостола и отъ вызываемаго ими экстазическаго состоянія сходно съ тѣмъ, которое испытываютъ, присутствуя въ магометанской мечети при верченіи дервишей. Сначала это васъ забавляетъ, но потомъ вы едва успѣваете даже выбѣжать на чистый воздухъ, потому что отъ этого круженія самому становится дурно.

ПОПРАВКА.

		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На стр.	94, на 7 строкѣ	снизу	а станетъ	да станетъ
» »	131, » 1 »	сверху	религіи	литургіи